

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 1 (45)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2022**

Редакционный совет:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва
председатель
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
заместитель
председателя
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО, первый проректор МГПУ, Россия, Москва
заместитель
председателя
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент, проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва
заместитель
председателя

Редакционная коллегия:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
главный редактор
- Омельянчук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
заместитель
главного редактора
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Банашкевич М. Я.** кандидат исторических наук (PhD), научный сотрудник Ягеллонского университета, Польша, Краков
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, Вирджиния, Александрия
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Гагуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, Доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Москва
- Малышева О. Г.** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Матвеев Г. Ф.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Михайловский Ф. А.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Россия, Москва
- Николаев А. Б.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Орлов С. В.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова. Россия, Москва
- Пазин Р. В.** кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Россия, Москва
- Рогут Д.** доктор гуманитарных наук (PhD), профессор, заведующий кафедрой военной истории и оборонных исследований Академии боевых искусств, Польша, Варшава
- Рокки Э. К.** магистр исторических наук (PhD). Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.** кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ, Россия, Москва
- Сорокин А. А.** кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ, Россия, Москва
- Токарева Е. А.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Черникова Т. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

Виноградов А. Е. Варангер-фьорд и Варанголимен: «гавани варягов» или созвучия?.....	5
Могилевский Н. А. «Не единомышленник, но идейный союзник»?	
Н. Г. Гарин-Михайловский и марксизм.....	19
Ершова Т. В., Седов С. В. Государственные мероприятия по мобилизации текстильной промышленности в России в годы Первой мировой войны.....	37
Малышева О. Г., Безина Е. А. «Стриженные студентки»: проблема высшего женского образования на страницах газеты «Московские ведомости».....	49
Николаев А. Б. ЦИК Советов и Государственное совещание (1917 год).....	59

Новейшая история России

Кувшинова Е. Е. Деятельность латышских культурных объединений Москвы в политических условиях 1915–1938 гг.....	75
Шаповал В. В. К истории цензурного контроля ромских изданий в СССР (1927–1938)	91
Цыкина Ю. Ю., Козловская Г. Е. Архивные материалы как источник сведений о марийской музыкальной культуре	101

Всеобщая история

Алексеев К. А. Дивергенция палеобалканской группы индоевропейцев и освоение ими Балкано-Анатолийского региона в бронзовом веке.....	111
Левин Н. И. Власть квесторов в испанских провинциях в 82–44 гг. до н. э.	130

Критика. Рецензии. Публицистика

Евтехов Р. А. Рецензия на: Четырина Н. А. Сергиевский посад — город с именем Преподобного (конец XVIII – начало XIX в.). М.: АИРО-XXI, 2020. 392 с. (Серия «АИРО – монография»)	139
---	-----

Авторы номера 145

Требования к оформлению статей.....	148
-------------------------------------	-----

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

Vinogradov Alexey E. Varangerfjord and varangolimen: “varangian harbors” or consonance?	6
Mogilevskii Nikolai A. “Not a like-minded person, but an ideological ally?” N. G. Garin-Mikhailovsky and marxism	19
Ershova Tamara V., Sedov Sergey V. Government measures to mobilize the textile industry in Russia during the First world war	37
Malysheva Olga G., Bezina Elizaveta A. “Short-haired students”: the problem of women’s higher education in Moskovskie vedomosti	49
Nikolaev Andrey B. The TsIK of Soviets and the State conference (1917)	59

Modern History of Russia

Kuvshinova Elena Ye. Activity of the latvian cultural associations in Moscow in the political conditions of 1915–1938	75
Shapoval Viktor V. On the history of censorship of roma publications in the USSR (1927–1938)	91
Tsykina Yulia Yu., Kozlovskaya Galina Ye. Archival materials as a source of information about the Mari musical culture	101

General History

Alekseev Konstantin A. Divergence of the paleobalkan group of indo-europeans and their development of the Balkan-Anatolian region in the bronze age.	111
Levin Nikita I. The power of the Quaestors in the Spanish provinces in 82–44 B. C.	130

Criticism. Reviews. Publicism

Evtekhov Roman A. Book review: Chetyrina N. A. Sergievsky Posad — a city with the name of the Reverend (the end of the 18th — the beginning of the 19th century). M.: AIRO-XXI, 2020. 392 p. (AIRO – monograph series)	139
---	-----

Authors of the Issue

Requirements for the Style of Articles	148
--	-----

УДК 930.23

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.01

Виноградов Алексей Евгеньевич

кандидат исторических наук

независимый исследователь

Москва, Россия

alwynor@mail.ru; ORCID: 0000 0002-3041-4103

ВАРАНГЕР-ФЬОРД И ВАРАНГОЛИМЕН: «ГАВАНИ ВАРЯГОВ» ИЛИ СОЗВУЧИЯ?

Аннотация. В дискуссии о происхождении и начальной форме этнонима «варяги» важное место играют названия «Варангер-фьорд» и «Варанголимен», а также название северного народа, употреблявшееся в восточных источниках. Норманская, так же как и южнобалтийская, версия происхождения гидронимов и этнонима не подтверждается. Все три вида названий представляют собой созвучные, но совершенно разные по семантике и происхождению лексемы. Связь между ними, а также именем византийских гвардейцев *βάρανγοι* является искусственной. Название народа «варанк» из восточных источников является плодом заимствования из византийской ученой среды, которая, в свою очередь, создала эту форму путем экстраполяции на этноним названия императорской гвардии. Основа гидронима «Варангер-фьорд» является типично саамской, имеет природно-ландшафтную семантику и не означает какого бы то ни было этноса. «Варанго(лимен)» является романским названием, связанным с формой одного из крымских заливов.

Ключевые слова: варяги, Варангер-фьорд, Варанголимен, норманская теория, саамский язык, портоланы, Крым, Византия.

Vinogradov Alexey E.

Candidate of Historical Sciences

independent researcher

Moscow, Russia

alwynor@mail.ru; ORCID: 0000 0002-3041-4103

**VARANGERFJORD AND VARANGOLIMEN:
“VARANGIAN HARBORS” OR CONSONANCE?**

Abstract. In the discussion about the origin and initial form of the ethnonym “Varangians”, the names “Varangerfjord” and “Varangolimen”, as well as the name of the northern people, used in eastern sources, play an important place. The Norman, as well as the South Baltic version of the origin of hydronyms and ethnonym are not confirmed. All three types of names are consonant, but completely different in semantics and origin of lexemes. The connection between them, as well as the name of the Byzantine guards βάρανγοι, is artificial. The Varank people of eastern sources are the fruit of borrowing from the Byzantine scientific community, which, in turn, created this form by extrapolating the name of the imperial guard to the ethnonym. The basis of the hydronym “Varangerfjord” is typically Sami, has natural landscape semantics and does not mean any ethnic group. “Varango(limen)” is a Romanesque name associated with the shape of one of the Crimean bays.

Keywords: varangians, Varanger-fjord, Varangolimen, Norman theory, Sami language, portolans, Crimea, Byzantium.

Введение. Происхождение упомянутого в «Повести временных лет» этнонима «варяги», наряду с проблемой этноса самих варягов, является давним предметом споров среди историков и лингвистов. При этом на обширном поле спора выделилось несколько наиболее серьезных полемических точек, одной из которых является взаимоотношение этнонима «варяги» и названия византийских императорских гвардейцев — βάρανγοι, варанги, а также ряда географических названий, которые служат доказательством взаимосвязи между указанными терминами.

В традиционной и преобладающей до сих пор норманской версии генезиса варягов константинопольская гвардия обязана своим названием служившим в ней скандинавам, называвшимся в северных источниках væringjar¹ (исходная норманская форма реконструируется как *váringr²).

Вместе с тем проблема корневого вокализма, перехода ing > ang (αγγ) и наоборот в зависимости от «оттенков» скандинавской версии представляется

¹ Lind J. H. The Importance of Varangian Traditions of East-West Collaboration and Confrontation in the 12th–13th Centuries // Expansion-Integration. Danish-Baltic Contacts 1147–1410 AD / by ed. B. F. Jensen, D. Wille-Jørgensen. Vordingborg: DanMark Borgcenter, 2009. P. 24.

² Blöndal S. The Varangians of Byzantium / translated, revised, and rewritten by Benedikt S. Benediktz. New York: Cambridge University Press. 2007. P. 4; D’Amato R. The Golden Age of the Varangian Guard – A Short History of the Guard from 988 to 1204 // Medieval Warfare. 2011. Vol. 1. № 2. The Power of Wealth: Mercenaries in the Middle Ages. P. 24.

ряду ее последователей весьма существенной. Часть ученых поддерживает высказанную Г. Якобссоном еще в 1950-е гг. идею, что в схеме генезиса термина «варяги / βάραιγοι» реконструируемое *váringr следует заменить на *waṙāngR. Эта лексема так же является гипотетической, ее существование не зафиксировано в северных источниках; мало того, образующий его суффикс -ang признается архаичным и малоупотребительным³, но, по мнению Е. А. Мельниковой, оно подтверждается арабским названием северного народа «варанк» и норвежским гидронимом Varangerfjördr (Варангер-фьорд)⁴.

Ход и результаты исследования. Что касается этнонима «варанк», то написание имени народа у Ибн-Йакута — «фаранк» — объявляется ошибкой переписчиков или смешением с этнонимом «франки»⁵, на самом деле эта форма лишь копирует один из греческих вариантов названия не народа, а императорских гвардейцев, встречающийся в источниках (Φαράγγοι)⁶. А это означает, что и народ «варанк/фаранк», скорее всего, не средневековая реальность, а по терминологии Б. Андерсона, воображаемое сообщество. Наплыв скандинавов в корпус варангов во второй трети XI в. (когда один Харальд привел с собой в Константинополь «пятьсот храбрых мужей»), видимо, вызвал у греческой просвещенной публики концепт далекой Варангии — родины этих воинов — и этот концепт был использован мусульманскими географами.

Другое дело топонимические аргументы, которые часто и порой внешне убедительно применяются в упомянутой дискуссии. Относительно Варангер-фьорда как примера в качестве возможного доказательства следов варангов (понимаемых как скандинавы) на севере Европы, то на него ранее ссылались другие исследователи⁷, как ссылаются и сейчас⁸.

С другой стороны, ряд исследователей, критически относящихся к норманской теории, упомянутую этническую этимологию названия «Варангер-фьорд» поддерживают с той лишь разницей, что, дескать, изначальной в этом гидрониме была форма, производная от слова «варяг». А варяги будто бы коренные обитатели южного берега Балтики, славяне или славянизированные кельты, неведомыми путями проникшие далеко на север. Соответственно, Варангер-фьорд —

³ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках: к истории названия «варяг» // Славяноведение. 1994. № 2. С. 67.

⁴ Мельникова Е. А. Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии // Византийский временник. М.: Наука, 1998. Т. 55 (80), ч. 2. С. 160.

⁵ Калинина Т. М. Йакут: первоисточники некоторых сведений о Хазарии и Хазарском море // Хазарский альманах. Т. 13. М.: [б. и.], 2015. С. 104.

⁶ Actes de Lavra, I: Des origines à 1204. Texte. (Archives de l'Athos, v.) / P. Lemerle, A. Guillou, N. Svoronos, edd., avec la collaboration de Denise Papachryssanthou. Paris: P. Lethielleux, 1970. P. 218.

⁷ Taylor I. Words and Places or, Etymological Illustrations on History, Ethnology and Geography. London: MacMillan & Co, 1873. P. 126.

⁸ Scheel R. Scandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen: Vandenhoeck & Rurecht, 2015. S. 102; Патрович П. «Что старого» в русской лексике? Несколько замечаний по поводу некоторых слов скандинавского происхождения в русском языке // Studia Russica. XXVI. Budapest, 2018. С. 440–441.

это лишь поздняя норманская форма этого гидронима⁹. По мнению А. Г. Кузьмина, в данном случае усвоенный местными лопарями славянский по происхождению гидроним затем подвергся скандинавской огласовке¹⁰.

Схожими корнями объясняются и отмеченные шведами в начале XVII в. к северу от Невы топоним или топонимы Waranga i Kobulis, Warengofua (Warengosua?), Varangala By и др.¹¹ Местная топонимия использовалась еще в «варяжском» споре XIX в. и сейчас используется для доказательства былого варяжского присутствия в исторической Карелии, кого бы под этими варягами ни подразумевали¹².

Аналогичным образом дискуссия развивается и вокруг другого географического названия, лимнонима Varangolimen (Uarangolimen), отмеченного на картах (портоланах) XIII–XVII вв., изображавших западную оконечность Крыма — Тарханкутский полуостров. Это название трактовали как «древнее поселение русских варягов»¹³, «варяжскую гавань или озеро»¹⁴, «варяжский залив»¹⁵. При этом варягов, или варангов, понимали по-своему, в том числе как готов¹⁶ или некий этнос, связанный с Древней Русью¹⁷.

Тем не менее в любых версиях форма *warāngR или схожие с ней как исходные для указанных гидронимов фактически допускаются — норманские они были или, допустим, готские, это уже другой вопрос.

В этой связи интересно разобрать дискуссию вокруг указанных названий и их гипотетической связи с варягами, которая представляет собой давнюю, насыщенную различными поворотами историю. Еще в первой половине XIX в. на гидроним «Варангер-фьорд» обратил внимание П. Г. Бутков, сопоставивший его с якобы зафиксированным саамским названием того же фьорда — Варьяг-вуода, — что как будто бы означало Варяжский залив¹⁸. Отмеченный неподалеку еще в первой половине XVI в. топоним «варяги, Variagi, Wariagi»¹⁹,

⁹ Грот Л. П. «Варины – варяги – вэринги»: судьбы в истории и историографии // Начала русского мира. 2014. №1 (1). С. 82–83; Федотова П. И. Варяжский путь апостола Андрея // Свободная мысль. 2020. № 4 (1682). С. 37, 60.

¹⁰ Кузьмин А. Г. Начало Руси: Тайны рождения рус. народа. М.: Вече, 2003. (Тайны Земли Русской). С. 228.

¹¹ Kŗjukov A. Vaarakkala ja varjagit // Inkeri (Инкери). СПб., 2010. № 2 (073). С. 17–19.

¹² Федотова П. И. Указ. соч. С. 58.

¹³ Atlante idrografico del medio evo posseduto dal prof. Tammar Luxoro / annot. C. Decimoni, L. T. Belgrano. Tip. del R. I. de' Sordo-Muti, 1867. P. 125.

¹⁴ Талис Д. Л. Росы в Крыму // Советская археология. 1974. № 3. С. 97.

¹⁵ Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 227.

¹⁶ Васильевский В. Г. Избранные труды по истории Византии: в 2 кн. (в 4 т.) / [ред.-сост. М. В. Грацианский, П. В. Кузенков]. Кн. 2. Т. 3–4. М.: Даръ, 2010. С. 298.

¹⁷ Фоменко И. К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – начало XVII вв. М.: Индрик, 2007. С. 134.

¹⁸ Бутков П. О Руси и Руссаланде // Сын отечества. 1836. Ч. 175. С. 33, 37.

¹⁹ Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в Лопской земле // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. 26. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. С. 129–131.

как и топоним близ указанного фьорда Варенгский (Варенский) погост, казалось бы, придают дополнительную убедительность этой версии.

Однако этой убедительности мешают, во-первых, соображения общего порядка: получается, что отслужившие в Константинополе и получившие там, судя по сагам, неплохое жалование и добычу скандинаво-византийские *ῥάραυοι*, по возвращении на родину ринулись почему-то на самый ее север, в Заполярье. При этом после многовекового похолодания (климатического пессимума III–VIII вв. н. э.) и исхода населения скандинавы возвращались на Крайний Север медленно и очень неохотно. В частности, в районе Варангера стали появляться поселки, а с ними и другие признаки жизнедеятельности скандинавов лишь в начале XIV в.²⁰ Тогда норманское присутствие в составе корпуса *ῥάραυοι* было уже весьма сомнительно²¹, а следовательно, новые севярыне и не могли именоваться варангами.

Странно в этом контексте и отсутствие ссылок на Варангер-фьорд в первых сочинениях шведского политико-исторического национализма XVII в., хотя именно там, казалось бы, и должен был в первую очередь использоваться этот топоним с территории, долгое время бывшей под шведской короной.

Зато Ф. Нансен считал заманчивым сопоставить название залива в норвежско-российском пограничье в контексте саамского слова «варьяг» с тем же восточным «варанк», но доводы топонимистов склонили его к простому толкованию термина как «залив для ловли»²². И сейчас специалисты по топонимии и гидронимии возводят название «Варангер-фьорд» отнюдь не к варангам, а к старонорвежскому *-angr, -anger* ‘залив’, отраженному в десятках названий Норвегии²³.

Это мнение подвергается критике: отраженный в названии «Варангер-фьорд» архаичный формант *-anger*, возможно, утратил дееспособность уже к моменту открытия викингами Исландии во второй половине IX в.²⁴ По мнению Л. П. Грот, «залив для ловли» в данном случае — «типичная “народная” этимология, хотя и рожденная в академических кругах»²⁵. Впрочем, судя по наличию однотипных гидронимов в районах позднего норвежского освоения в самой Норвегии (*Porsanger* лишь немногим западнее Варангер-фьорда), и этот аргумент не может являться решающим.

²⁰ Ojala C.-G. *Sámi Prehistories. The Politics of Archaeology and Identity in Northernmost Europe*. Uppsala: Uppsala Universitet. 2009. (Occasional Papers in Archaeology. 47). P. 89.

²¹ Blöndal S. *Op. cit.* P. 170.

²² Nansen F. In *Northern Mists. Arctic Exploration in Early Times*. Vol. 2. New York: Fr. A. Stokes & Co, 1911. P. 210–211.

²³ Басик С. Н. *Общая топонимика: учеб. пособие для студентов географического факультета*. Минск: БГУ, 2006. С. 120; Varanger [Электронный ресурс] // *Store norske leksikon*. URL: <https://snl.no/Varanger> (дата обращения: 25.02.2022).

²⁴ Мацак В. А. *Печенга: опыт краеведческой энциклопедии*. Мурманск: Доброхот; Добромысл, 2005. С. 77.

²⁵ Грот Л. П. *Праиндоевропейские корни населения на севере России* // *Российская история*. 2010. № 3. С. 179.

В любом случае гидроним «Варангер-фьорд» появился относительно недавно: по Нансену, он стал именоваться так лишь перед датско-шведской Кальмарской войной 1611–1613 гг.²⁶; он отсутствовал на первых относительно подробных картах Севера в течение почти всего XVI в., в частности в сочинении А. Ортелиуса 1570 г., где есть норвежские и русские обозначения побережий Норвежского и Баренцева морей. По-видимому, шведское обозначение залива, или топоним *Warånger*, появляется впервые на карте Вагенауэра 1583 г.²⁷, а в документах — в Тывзинском мирном договоре 1595 г. Все это значительно позже эпохи викингов и летописных варягов, но для того чтобы окончательно определить наличие связи между гидронимом и легендарным этносом, несомненно, требуются дополнительные аргументы.

В русском названии Варангер-фьорда и соседнего полуострова в XVI в. название «Варенская»²⁸ сочеталось с топонимическим вариантом «Варанг, Варенг»²⁹. Причина появления *-ang*, *-анг* в названии в рамках скандинавской и русской топонимии остается неясной. На наш взгляд, больше оснований для поиска имеется в языках традиционного населения севера Фенноскандии: см., например, саамские гидронимы с характерным окончанием (Ровденга и др.) и гидронимы, разбросанные по Северу, вплоть до Ямала (Вареньга, Варенга-Яха и др.).

Что касается саамского названия фьорда в XIX в. с корнем *-варьяг-*, то оно имеет смутную историю. Во всяком случае в современных норвежских справочниках его исконное название фигурирует иначе — *Várjatvuotna*³⁰. Но, учитывая название *Variagi* в датских документах и то, что соседний с фьордом полуостров Варангер по-саамски называется Варьяг Нярк, *Varjag Njarga*, т. е. «мыс Варьяг», предположим, что имели и имеют место быть различные варианты названия.

По нашему мнению, здесь следует принять во внимание особенности саамско-русского лексического взаимодействия. Согласно Г. М. Кертю, зачастую близость фонетического звучания некоторых саамских слов с русскими в составе топонимов, а также неточности их переводов создают почву для так называемой ложной этимологии, когда перевод топонима не соответствует реальному его содержанию (например, *sarr* ‘черника’ в местном русском названии отражается как созвучное, но совершенно другое семантически прилагательное

²⁶ Nansen F. Op. cit. P. 210.

²⁷ Ahlenius K. J. M. Till kännedom om Skandinaviens geografi och kartografi: Under 1500-talets senare hälft. Uppsala: Almquist & Wiksell, 1900. (Skrifter utgifna af Humanistiska vetenskaps-samfundet i Uppsala; [Bd.] 6 [H.] 5). S. 109–110.

²⁸ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. СПб.: Печатня С. И. Яковлева, 1897. (Русская историческая библиотека. Т. XVI). Стб. 53–54.

²⁹ Огородников Е. Мурманский и Терский берега по «Книге Большого Чертежа» // Записки Русского Императорского географического общества по отд. этнографии. Т. 2. СПб.: [Тип. В. Н. Майкова], 1869. С. 589.

³⁰ Varangerfjorden [Электронный ресурс] // Store norske leksikon. URL <http://www.snl.no/Va-rangerfjorden> (дата обращения: 25.02.2022).

«сырая»³¹. Таким образом, кольское Variagi, зафиксированное в XVI в., может оказаться отражением саамского слова или слов с иным значением.

Созвучный элемент -vaar- ‘гора’ в русской обработке саамских топонимов передавался как «варь»³², возможно, и в собственно саамском топонимическом материале лексема «гора» иногда также отражалась в виде смягченного -варь- (-варрь-)³³. Еще одним элементом этого слоя лексики, во всяком случае основного саамского кильдинского диалекта, является и -егг, -яга (jegg, jegge, jeaga ‘болото’). Саамская топонимия показывает массовые примеры сочетания разных видов ландшафтных названий, и в частности сочетания vaar/jegge ‘гора/болото’ известны в саамских топонимах³⁴. Вероятно, именно полуостров Варангер, для которого такая топонимия приемлема, получил название первым. В документах и на картах рубежа XVI – начала XVII вв. Warånger (Varanger, Varenger) упомянут без слова fjord. «Вуода» — вторая часть гидронима в транскрипциях XIX в. — не соответствует лексеме «залив» (саамс. вунн, vünn, vuenni) и намного ближе к лексеме vuoddas ‘песчаник’, т. е. речь могла идти о переносе названия берегового объекта на фьорд.

Генезис названия «Варенгская губа (волость, погост)» можно объяснить тем, что основа -jegge-, -jeaga- в саамской топонимии заменяется созвучной назальной -jämkä-/ -jäng-³⁵/ -jeŋ’k’-³⁶, и русское название появилось просто как отражение этого явления.

Что касается шведского, а затем норвежского названия Warånger, то считаем обоснованной лишь его частичную связь с русским названием. Первая часть war-/var- также отражает лексему «горный», а последняя может быть объяснена использованием как норвежского -anger (если вначале распространялось на залив), так и саамско-финской топоосновы (в названиях севера Финляндии, например, встречается формант -ankel/-angel/-anger³⁷).

Факт фиксации в датских документах топонима «варяги», Variagi, Wariagi скорее работает против нормано-«варангской» гипотезы. Ведь скандинавы (датчане), приводя топоним из грамоты московского великого князя Василия III, воспроизводили его не как гипотетическое северное Varangi (Varanger), а именно в «русском» виде (при этом ряд других названий переводя по-своему) и отделяли от этого Variagi понятие «урманский», или «норвежский» («из Варяг отправляться ему в Норвежский конец»)³⁸. Таким образом, сами скандинавы не увидели в этом топониме ничего родного.

³¹ Керт Г. М. Саамская топонимная лексика. Петрозаводск: [б. и.], 2009. С. 36.

³² Там же. С. 73.

³³ Минкин А. А. Топонимы Мурмана. Мурманск: Кн. изд-во, 1976. С. 189.

³⁴ Керт Г. М. Указ. соч. С. 108, 109.

³⁵ Suomalainen paikkanimikirja / ed. S. Paikkala. Helsinki: Tapio Palvelut Oy, 2019. P. 117.

³⁶ Керт Г. М. Указ. соч. С. 156.

³⁷ Suomalainen paikkanimikirja. P. 24–25.

³⁸ Возгрин Е. В., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Указ. соч. С. 129–131.

Что касается вышеупомянутых топонимов из Карелии и из бассейна Невы, то примечательно, что их первые шведские обозначения, зафиксированные в 1615–1618 гг., не содержат формант *-ang* (*Vargala* и др.)³⁹. Их более ранним русским вариантом выступают топонимы с основой *-варяг-*, зафиксированные еще в новгородских писцовых книгах (Водская пятина Ореховского уезда)⁴⁰. Судя по имеющемуся для одного из них финскому названию *Vaarakkala*⁴¹, и они, однако, не являются оригинальными. *Kala* действительно финское слово «селение», а вот *Vaarak*, какие бы финские корни ему ни приписывали («богатый», «вор»), похоже все то же саамское *vaag* (или уменьшительное — *vaarash*), заимствованное и некоторыми группами финнов, как, впрочем, и русскими, в форме «варака»⁴².

Надо помнить, что земли к северу от Невы в не столь далекой древности входили в ареал саамов⁴³, и даже юго-восточнее, в Старой Ладогe, отмечается в числе других саамский археологический компонент⁴⁴. И формант *-jämkä/-jäng* изредка, но встречается неподалеку, в Южной Финляндии⁴⁵. Все это свидетельствует о том, что, вероятно, в бассейне Невы в начале XVII в. существовало население, пусть и финнизированное, но сохранявшее некие связи с саамским лингвистическим ареалом.

Скорее всего, финско-саамское название было переосмыслено русскими, а что касается шведов, то они, по всей видимости, просто произносили местные названия на свой лад, не стремясь переводить (показательно дублирование в *Varangala* Бу лексемы «деревня», в первом случае финской, в другом — шведской), отразив и переход *-jeagge* в *-jämkä/-jäng*.

Таким образом, топонимические доказательства существования на севере Европы термина *warāngR* выглядят сомнительно. Но и на юге, в Крыму, топоним *Varangolimen*, по нашему мнению, едва ли может служить надежным географо-топонимическим аргументом в поддержку как этой гипотезы, так и присутствия скандинаво-византийских варангов в различных точках Европы.

Показательно, на наш взгляд, что топоним фигурирует исключительно в романских — каталонских, итальянских (преимущественно генуэзских) — портоланах, его нет в оригинальных греческих картах и письменных источниках, составленных до падения Византийской империи в середине XV в. При этом время появления топонима — конец XIII – XIV вв. — совпадает с распространением в этих романских наречиях кораблестроительного термина

³⁹ Krgukov A. Op. cit. С. 18.

⁴⁰ Переписная окладная книга по Новгороду Вотьской пятины. М.: Имп. Моск. о-во истории и древностей рос., 1851. С. 139–140, 248, 249.

⁴¹ Krgukov A. Op. cit. С. 17–19.

⁴² Керт Г. М. Указ. соч. С. 50.

⁴³ Шилов А. Л. К стратификации дорусской топонимии Карелии // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 100–114.

⁴⁴ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. С. 488.

⁴⁵ Suomalainen paikannimikirja. P. 117.

(varengue, varenga и т. д., означает поперечные крепления киля и днища судна). При этом омегаобразное (ω) изображение залива Varangolimen, например на портоланах 1313 и 1320 гг. П. Весконтэ, напоминает средневековое судно в разрезе с характерно изогнутым днищем⁴⁶. Это заставляет вспомнить, с одной стороны, о типичном для средневековой топонимии Таврики «профильном» характере местных прибрежных названий, например Каркинитида — от бухты в форме клешни краба⁴⁷.

С другой — нельзя не вспомнить о полемике вокруг ряда французских топонимов (Varangeville, Varengueville и др.), которые ранее также часто использовались как примеры присутствия скандинавов-варангов за пределами Византии. Эти топонимические аргументы были отвергнуты С. Блэндалем, который указал, во-первых, на то, что топонимы с основой -varang- встречаются и очень далеко от излюбленных морскими народами побережий (в частности, Varangeville близ Нанси), а во-вторых, по своему виду больше намекают на связь не с этносом, а с личным германским именем Werengarius⁴⁸. В свою очередь, А. А. Куник и А. Г. Кузьмин в данном случае обращали внимание на упомянутый кораблестроительный термин⁴⁹.

Действительно, если рассматривать в данных случаях -ang, -eng как трансформацию изначально германского антропонимического форманта -îngos (Werengarius — вариант имен Wiering, Waring), то таковой часто функционировал в топонимах, использовавшихся как обозначение собственника владения или территории⁵⁰. И элемент -ville, как правило, был лишь приставкой к имени основателя или владельца виллы⁵¹. Но дело в том, что подобные топонимы встречались и на Атлантическом побережье, и без компонента -ville. В таких случаях семантика иная. И сейчас, в частности, название Varenguebec (северо-запад Нормандии) этимологизируют от varengue в значении «изогнутый»⁵². «Изогнутый», по-видимому, изначально значение упомянутого кораблестроительного термина (этимологические словари подчеркивают изогнутый характер varenga⁵³, в данном случае не важны его вероятные скандинавские корни,

⁴⁶ Карты П. Весконтэ [Электронный ресурс] // Livejournal. URL: <https://dubadam.livejournal.com/240072.html> (дата обращения: 25.02.2022).

⁴⁷ Кутайсов В. А. Историческая топонимика Северо-Западного Крыма в античную эпоху // История и археология Крыма. 2015. № 2. С. 126.

⁴⁸ Blöndal S. Op. cit. P. 112.

⁴⁹ Кузьмин А. Г. Указ. соч. С. 228.

⁵⁰ Dworkin St. N. A History of the Spanish Lexicon: A Linguistic Perspective. New York: Oxford University Press, 2012. P. 77.

⁵¹ Протофранцузские и кельтские следы во французских топонимах / Л. А. Метелькова и др. // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2017. № 12-1 (66). С. 58–61.

⁵² Chartier G. Les représentants de Bekkr dans la toponymie normande // Nouvelle revue d'onomastique. 2014. Vol. 56. P. 148. DOI: 10.3406/onoma.2014.1805

⁵³ Labernia P. Diccionari de la llengua catalana. T. 2. Barcelona: Espasa Germans, Editors, 1865. P. 729.

так как корень *-vag-* вместо *-vra-* показывает его бытование уже в романской среде. Тот же принцип, на наш взгляд, применим и к *Varangolimen*. С той лишь разницей, что *Varenguebec* (*Warenguebec*) известен еще с XII в., когда *varengue* действительно означал еще просто изогнутый объект, а семантика самостоятельного кораблестроительного термина еще не устоялась. *Varangolimen* же появился на столетие-полтора позже и, учитывая его греческую вторую часть, перевести это слово уже можно как «залив в виде *varenga*».

Указанные примеры, на наш взгляд, важны в контексте варяжской дискуссии, где названия *Varangolimen* и «Варангер-фьорд» и сейчас предъявляются в качестве весомых аргументов, к ним периодически подстраивают все новые и новые топонимические открытия (например, название венгерской деревни *Varong*⁵⁴). Все это не означает, что мы принципиально отвергаем топонимические доводы в указанной дискуссии. Мы и сами такие доводы, выдвинутые известными лингвистами, приводили в качестве возможных в своей концепции генезиса варягов⁵⁵. Однако, на наш взгляд, аргументация подобного рода носит скорее вспомогательный характер и должна сопровождаться/подкрепляться другими основательными лингвистическими, а также историческими, археологическими аргументами.

В этом свете появление в контексте указанной дискуссии гидронима «Варангер-фьорд» выглядит неубедительно. То же касается и *Varangolimen*: северная часть Тарханкутского полуострова, где зафиксирован этот топоним, лежит в стороне от археологических маркеров вероятного движения из Скандинавии в Византию и наоборот⁵⁶.

Заключение. «Варангер-фьорд», «Варанголимен» как топонимические аргументы в варяжской дискуссии не являются надежными. Основания утверждать связь этих названий с гипотетическим **warāngR*, как и с другими этнонимами, в том числе нескандинавскими, отсутствуют. По всей видимости, речь идет о формах, демонстрирующих лишь созвучие как между собой, так и с названием византийской дворцовой стражи *βαράγγοι*.

Литература

1. Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: каталог. Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 2012. 369 с.

⁵⁴ Патрович П. Указ. соч. С. 441.

⁵⁵ Виноградов А. Е. Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2020. № 1. С. 8–20.

⁵⁶ Carlsson D., Selin A. In the Footsteps of Rurik: A guide to the Viking History of Northwest Russia. Stockholm: Northern DPC, 2012. P. 15; Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: каталог. Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 2012. С. 22; Андрощук Ф. А. К истории контактов между Швецией и Южной Русью в XI–XV веках // Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. К.: Корвінпрес, 2008. С. 100.

2. Андрощук Ф. А. К истории контактов между Швецией и Южной Русью в XI–XV веках // *Дньєслово: Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя*. К.: Корвінпрес, 2008. С. 100–111.
3. Басик С. Н. *Общая топонимика: учеб. пособие для студентов географического факультета*. Минск: БГУ, 2006. 200 с.
4. Васильевский В. Г. *Избранные труды по истории Византии: в 2 кн. (в 4 т.)* / [ред.-сост. М. В. Грацианский, П. В. Кузенков]. Кн. 2. Т. 3–4. М.: Даръ, 2010. 848 с.
5. Виноградов А. Е. *Культура длинных курганов в свете варяжской проблемы* // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки*. 2020. № 1. С. 8–20.
6. Грот Л. П. «Варины – варяги – вэринги»: судьбы в истории и историографии // *Начала русского мира*. 2014. № 1 (1). С. 67–88.
7. Грот Л. П. *Праиндоевропейские корни населения на севере России* // *Российская история*. 2010. № 3. С. 171–190.
8. Керт Г. М. *Саамская топонимная лексика*. Петрозаводск: [б. и.], 2009. 175 с.
9. Кузьмин А. Г. *Начало Руси: Тайны рождения рус. народа*. М.: Вече, 2003. 432 с. (Тайны Земли Русской).
10. Кутайсов В. А. *Историческая топонимика Северо-Западного Крыма в античную эпоху* // *История и археология Крыма*. 2015. № 2. С. 123–133.
11. Лебедев Г. С. *Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси*. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
12. Мацак В. А. *Печенга: опыт краеведческой энциклопедии*. Мурманск: Доброхот; Добромysl, 2005. 1006 с.
13. Мельникова Е. А. *Варяги, варанги, вэринги: скандинавы на Руси и в Византии* // *Византийский временник*. М.: Наука, 1998. Т. 55 (80), ч. 2. С. 159–164.
14. Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. *Скандинавы на Руси и в Византии в X–XI веках. К истории названия «варяг»* // *Славяноведение*. 1994. № 2. С. 56–68.
15. Минкин А. А. *Топонимы Мурмана*. Мурманск: Кн. изд-во, 1976. 206 с.
16. Патрович П. «Что старого» в русской лексике? Несколько замечаний по поводу некоторых слов скандинавского происхождения в русском языке // *Studia Russica*. XXVI. Budapest, 2018. С. 434–448.
17. Протофранцузские и кельтские следы во французских топонимах / Л. А. Метелькова и др. // *Международный научно-исследовательский журнал*. Екатеринбург, 2017. № 12-1 (66). С. 58–61.
18. Талис Д. Л. *Росы в Крыму* // *Советская археология*. 1974. № 3. С. 87–99.
19. Федотова П. И. *Варяжский путь апостола Андрея* // *Свободная мысль*. 2020. № 4 (1682). С. 39–62.
20. Фоменко И. К. *Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – начало XVII в. М.: Индрик, 2007. 408 с.*
21. Шилов А. Л. *К стратификации дорусской топонимии Карелии* // *Вопросы языкознания*. 1999. № 6. С. 100–114.
22. Blöndal S. *The Varangians of Byzantium* / translated, revised, and rewritten by Benedikt S. Benediktz. New York: Cambridge University Press. 2007. 260 p.
23. Carlsson D., Selin A. *In the Footsteps of Rurik: A guide to the Viking History of Northwest Russia*. Stockholm: Northern DPC, 2012. 140 p.

24. Chartier G. Les représentants de Bekkr dans la toponymie normande // Nouvelle revue d'onomastique. 2014. Vol. 56. P. 137–162. DOI: 10.3406/onoma.2014.1805
25. D'Amato R. The Golden Age of the Varangian Guard A Short History of the Guard from 988 to 1204 // Medieval Warfare. 2011. Vol. 1. № 2. The Power of Wealth: Mercenaries in the Middle Ages. P. 24–27.
26. Dworkin St. N. A History of the Spanish Lexicon: A Linguistic Perspective. New York: Oxford University Press, 2012. 236 p.
27. Krjukov A. Vaarakkala ja varjagit // Inkeri (Инкери). СПб., 2010. № 2 (073). С. 17–19.
28. Lind J. H. The Importance of Varangian Traditions of East-West Collaboration and Confrontation in the 12th–13th Centuries // Expansion-Integration. Danish-Baltic Contacts 1147–1410 AD / edited by B. F. Jensen, D. Wille-Jørgensen. Vordingborg: DanMark Borgcenter, 2009. P. 27–37.
29. Ojala C.-G. Sámi Prehistories. The Politics of Archaeology and Identity in Northernmost Europe. Uppsala: Uppsala Universitet. 2009. 357 p. (Occasional Papers in Archaeology. 47).
30. Scheel R. Scandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen: Vandenhoeck & Rurecht, 2015. 1343 s.
31. Suomalainen paikannimikirja / ed. S. Paikkala. Helsinki: Tapio Palvelut Oy, 2019. 595 p.

References

1. Androshchuk F., Zotsenko V. Skandinavskie drevnosti Iuzhnoi Rusi: katalog [Scandinavian antiquities of Southern Russia: catalogue]. Paris: Ukrainian National Committee for Byzantine Studies, 2012. 369 s. (In Russ.).
2. Androshchuk F. A. K istorii kontaktov mezhdru Shvetsiei i Iuzhnoi Rus'iu v XI–XV vekakh [On the history of contacts between Sweden and Southern Russia in the XI – XV centuries] // D'neslovo: Zbirka prats' na poshanu diisnogo chlena Natsional'noi akademii nauk Ukraïni Petra Petrovicha Tolochka z nagodi iogo 70-richchia. K.: Korvinpres, 2008. S. 100–111. (In Russ.).
3. Basik S. N. Obshchaia toponimika [General toponymy]: ucheb. posobie dlia studentov geograficheskogo fakul'teta. Minsk: BGU, 2006. 200 s. (In Russ.).
4. Vasil'evskii V. G. Izbrannye trudy po istorii Vizantii: v 2 kn. (v 4 t.) [Selected works on the history of Byzantium] / [red.-sost. M. V. Gratsianskii, P. V. Kuzenkov]. Kn. 2. T. 3–4. M.: Dar", 2010. 848 s. (In Russ.).
5. Vinogradov A. E. Kul'tura dlinnykh kurganov v svete variashskoi problemy [The culture of long barrows in the light of the Varangian problem] // Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2020. № 1. S. 8–20. (In Russ.).
6. Grot L. P. «Variny – variagi – veringi»: sud'by v istorii i istoriografii [“Varins – Varyags – Veringi”. Fates in history and historiography] // Nachala russkogo mira. 2014. № 1 (1). S. 67–88 (In Russ.).
7. Grot L. P. Praindoevropeiskie korni naseleniia na severe Rossii [Pro-Indo-European roots of the population in the north of Russia] // Rossiiskaia istoriia. 2010. № 3. S. 171–190. (In Russ.).
8. Kert G. M. Saamskaia toponimnaia leksika [Sami toponymic vocabulary]. Petrozavodsk: [b. i.], 2009. 175 s. (In Russ.).

9. Kuz'min A. G. Nachalo Rusi [The beginning of Russia]: Tainy rozhdeniia rus. naroda. M.: Veche, 2003. 432 s. (Tainy Zemli Russkoi). (In Russ.).
10. Kutaisov V. A. Istoricheskaia toponimika Severo-Zapadnogo Kryma v antichnuu epokhu [Historical toponymy of the North-Western Crimea in the ancient era] // Istoriiia i arkheologiia Kryma. 2015. № 2. S. 123–133. (In Russ.).
11. Lebedev G. S. Epokha vikingov v Severnoi Evrope i na Rusi [The era of the Vikings in Northern Europe and in Russia]. SPb.: Evraziia, 2005. 640 s. (In Russ.).
12. Matsak V. A. Pechenga: opyt kraevedcheskoi entsiklopedii [Pechenga. Experience of encyclopedia of local lore]. Murmansk: Dobrokhot; Dobromysl, 2005. 1006 s. (In Russ.).
13. Mel'nikova E. A. Variagi, varangi, veringi: skandinav na Rusi i v Vizantii [Varyags, Varangi, Varingi: Scandinavians in Russia and Byzantium] // Vizantiiskii vremennik. M.: Nauka, 1998. T. 55 (80), ch. 2. S. 159–164. (In Russ.).
14. Mel'nikova E. A., Petrukhin V. Ia. Skandinav na Rusi i v Vizantii v X–XI vekakh. K istorii nazvaniia «variag» [Scandinavians in Russia and Byzantium in the X–XI centuries. On the history of the name “Varyag”] // Slavianovedenie. 1994. № 2. S. 56–68. (In Russ.).
15. Minkin A. A. Toponimy Murmana [Place names of Murman]. Murmansk: Kn. izd-vo, 1976. 206 s. (In Russ.).
16. Patrovich P. «Chto starogo» v russkoi leksike? [“What’s old in Russian vocabulary?”] Neskol’ko zamechaniy po povodu nekotorykh slov skandinavskogo proiskhozhdeniia v russkom iazyke // Studia Russica. XXVI. Budapest, 2018. S. 434–448. (In Russ.).
17. Protofrantsuzskie i kel’tskie sledy vo frantsuzskikh toponimakh [Proto-French and Celtic traces in French toponyms] / L. A. Metel’kova i dr. // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel’skii zhurnal. Ekaterinburg, 2017. № 12-1 (66). S. 58–61. (In Russ.).
18. Talis D. L. Rosy v Krymu [Ros’ in the Crimea] // Sovetskaia arkheologiia. 1974. № 3. S. 87–99. (In Russ.).
19. Fedotova P. I. Variazhskii put’ apostola Andreia [Varangian way of the Apostle Andrew] // Svobodnaia mysl’. 2020. № 4 (1682). S. 39–62. (In Russ.).
20. Fomenko I. K. Obraz mira na starinnykh portolanakh. Prichernomor’e. Konets XIII – nachalo XVII v. [The image of the world on old maps of the Black Sea region. Late XIII – early XVII century]. M.: Indrik, 2007. 408 s. (In Russ.).
21. Shilov A. L. K stratifikatsii dorusskoi toponimii Karelii [On the stratification of the pre-Russian toponymy of Karelia] // Voprosy iazykoznanii. 1999. № 6. S. 100–114. (In Russ.).
22. Blöndal S. The Varangians of Byzantium / translated, revised, and rewritten by Benedikt S. Benediktz. New York: Cambridge University Press. 2007. 260 p.
23. Carlsson D., Selin A. In the Footsteps of Rurik: A guide to the Viking History of Northwest Russia. Stockholm: Northern DPC, 2012. 140 p.
24. Chartier G. Les représentants de Bekkr dans la toponymie normande // Nouvelle revue d’onomastique. 2014. Vol. 56. P. 137–162. DOI: 10.3406/onoma.2014.1805
25. D’Amato R. The Golden Age of the Varangian Guard – A Short History of the Guard from 988 to 1204 // Medieval Warfare. 2011. Vol. 1. № 2. The Power of Wealth: Mercenaries in the Middle Ages. P. 24–27.
26. Dworkin St. N. A History of the Spanish Lexicon: A Linguistic Perspective. New York: Oxford University Press, 2012. 236 p.
27. Krjukov A. Vaarakkala ja varjagit // Inkeri (Инкери). СПб., 2010. № 2 (073). С. 17–19.

28. Lind J. H. The Importance of Varangian Traditions of East-West Collaboration and Confrontation in the 12th–13th Centuries // Expansion-Integration. Danish-Baltic Contacts 1147–1410 AD / edited by B. F. Jensen, D. Wille-Jørgensen. Vordingborg: DanMark Borgcenter, 2009. P. 27–37.

29. Ojala C.-G. Sámi Prehistories. The Politics of Archaeology and Identity in Northernmost Europe. Uppsala: Uppsala Universitet. 2009. 357 p. (Occasional Papers in Archaeology. 47).

30. Scheel R. Scandinavien und Byzanz: Bedingungen und Konsequenzen mittelalterlicher Kulturbeziehungen. Göttingen: Vandenhoeck & Rurecht, 2015. 1343 s.

31. Suomalainen paikannimikirja / ed. S. Paikkala. Helsinki: Tapio Palvelut Oy, 2019. 595 p.

УДК 930.85

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.02

Могилевский Николай Алексеевич

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Москва, Россия

e-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-3186-6256

**«НЕ ЕДИНОМЫШЛЕННИК, НО ИДЕЙНЫЙ СОЮЗНИК»?
Н. Г. ГАРИН-МИХАЙЛОВСКИЙ И МАРКСИЗМ**

Аннотация. На рубеже XIX–XX вв. в России шла бурная общественная дискуссия о роли капитализма в развитии страны. В ней основными оппонентами по отношению друг к другу выступали народники, отрицавшие неотвратимость капитализма, и марксисты, убежденные в его неизбежности. Один из популярных писателей и публицистов той эпохи — Н. Г. Гарин-Михайловский — сначала разделял идеи народников, но затем, разуверившись в них, начал сочувствовать их противникам. В советской историографии Гарина (хотя и с оговорками, что до конца всей «глубины и верности» учения Маркса – Ленина он не понял) однозначно причисляли к марксистам, причем к сторонникам его радикального, революционного, течения. Для этого имелись основания: Гарин-Михайловский поддерживал деньгами первую в России легальную марксистскую газету «Самарский вестник», а потом перечислял немалые суммы на нужды РСДРП. Однако подобная трактовка взглядов писателя представляется как минимум упрощенной, как максимум — неверной. Герой этой статьи действительно сочувствовал марксизму, но при этом отрицал основные его положения, связанные с насилием и революцией, уповав на мирный, эволюционный потенциал учения. Увлечение Гарина следует признать вполне типичным для среды интеллигенции того времени: недаром другим примером в этом роде служит М. Горький. Точно так же и часть российской деловой элиты (в частности, С. И. Морозов) поддерживала марксистов, видя в них силу, которая сметет все средневековые социально-экономические и политические пережитки и выведет Россию на дорогу прогресса.

Ключевые слова: Н. Г. Гарин-Михайловский, народничество, марксизм, легальный марксизм, «Самарский вестник», Горький, Струве, Савва Морозов.

Mogilevskii Nikolai A.

Candidate of Historical Science, Associate Professor

Moscow State Institute of International Relations (University)

Moscow, Russia

e-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru; ORCID: 0000-0003-3186-6256

**“NOT A LIKE-MINDED PERSON,
BUT AN IDEOLOGICAL ALLY”?****N. G. GARIN-MIKHAILOVSKY AND MARXISM**

Abstract. At the turn of the XIX–XX centuries. in Russia there was a stormy public discussion about the role of capitalism in the development of the country. In it, the main opponents in relation to each other were the Narodniks, who denied the inevitability of capitalism, and the Marxists, who were convinced of its inevitability. One of the most popular writers and publicists of that era — N. G. Garin-Mikhailovsky — at first he shared the ideas of the populists, but then, having lost faith in them, began to sympathize with their opponents. In Soviet historiography, Garin (albeit with reservations that he did not fully understand the entire “depth and fidelity” of the teachings of Marx – Lenin) was unequivocally ranked among the Marxists — and among the supporters of its radical, revolutionary movement. There were grounds for this: Garin-Mikhailovsky supported the first legal Marxist newspaper in Russia, *Samarsky Vestnik*, with money, and then transferred considerable sums to the needs of the RSDLP. However, such an interpretation of the writer’s views seems to be at least simplified, at the most incorrect. The hero of this article really sympathized with Marxism, but at the same time denied its main provisions related to violence and revolutions, relying on the peaceful, evolutionary potential of the doctrine.

Garin’s enthusiasm should be recognized as quite typical for the milieu of the then intelligentsia — it is not for nothing that M. Gorky serves as another example of this kind. In the same way, a part of the Russian business elite (in particular, S. I. Morozov) supported the Marxists, seeing in them a force that would sweep away all medieval socio-economic and political vestiges and lead Russia onto the road of progress.

Keywords: N. G. Garin-Mikhailovsky, populism, Marxism, legal Marxism, *Samara Vestnik*, Gorky, Struve, Savva Morozov.

Введение. Наступление капитализма во всех сферах общественной жизни в последнее десятилетие XIX столетия воспринималось и крестьянами, и представителями интеллигенции как угроза традиционному укладу русской жизни, за которым должен был последовать, по их мнению, крах страны.

Как это часто бывает в российских реалиях, вопрос, изначально социально-экономический, довольно быстро стал предметом спора философского и даже политического. Защитниками «крестьянского» пути развития страны выступали прежде всего умеренные народники (получившие в исторической литературе наименование либеральных). Их оппонентами стали первые русские марксисты, выступавшие за развитие капитализма, в недрах которого затем, как они надеялись, вызреет социализм.

Некоторые представители интеллигенции, стоявшие изначально на позициях вполне народнических, затем в силу различных причин поменяли свою точку зрения коренным образом. Именно такой мировоззренческий разворот проделал герой этой статьи — писатель, публицист и инженер-путеец Николай Георгиевич Гарин-Михайловский. Популярный при жизни, после смерти он для советской власти стал одним из символов перехода передовой интеллигенции на марксистские позиции. Подчеркивая его симпатии к РСДРП, дружбу с Горьким и финансовую помощь партии, советские исследователи творчества Гарина предпочитали не обращать внимания на факты, которые в эту концепцию не вписывались (ради справедливости отмечу, что и в советский период¹, и в наши дни² Гариным занимались только филологи, но не историки). Между тем большое количество документов — архивных и опубликованных — позволяют усомниться в столь однозначной оценке мировоззренческой позиции Гарина-Михайловского. Более глубокое изучение этого вопроса позволит понять, почему многие передовые общественные деятели, писатели, ученые и даже представители деловых кругов видели в марксизме благотворную и подходящую для России того времени теорию.

В частности, ниже будут рассмотрены следующие проблемы: можно ли считать Н. Г. Гарина-Михайловского «правоверным марксистом» (в исконном советском понимании)? Были ли у него противоречия с марксистами, если да, то в чем они заключались? Наконец, насколько типичными (или уникальными) были взгляды Гарина для людей его поколения и его круга?

Неудавшийся народник. В 1882 г. бывший инженер-путеец Н. Г. Михайловский, не выдержав беззастенчивого воровства в железнодорожном строительстве, подал в отставку и купил имение Гундоровка в Самарской губернии. Так он сделался сельским хозяином. Опыта практического у него не было, зато была энергия, смётка и огромное желание. Бывшего инженера совершенно не пугали поджидавшие впереди серьезные трудности, а манили не только возможные выгоды, но и соображения гуманистического характера: «У людей под руками неисчерпаемые богатства в лице природы, а почти вся их деятельность направлена не на эксплуатацию этой природы, а на вымогательство у более слабого. <...> Мне и хотелось помочь людям стать на надлежащий путь, хотелось помочь им перенести центр тяжести борьбы за существование на природу»³.

¹ Миронов Г. М. Поэт нетерпеливого созидания: Н. Г. Гарин-Михайловский: Жизнь. Творчество. Общественная деятельность. М.: Наука, 1965. 159 с.; Юдина И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность. Л.: Наука, 1969. 238 с.; Гордович К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский и писатели-современники: учеб. пособие по спецкурсу. Хабаровск: Хабаровский ГПИ, 1984. 136 с.

² Гордович К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский: личность и творчество: монография. СПб.: Petronivs, 2014. 311 с.; Евпак Е. В. Значимые места в семейной летописи Гариных-Михайловских: Россия, эмиграция // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6 (62). С. 256–259.

³ Гарин-Михайловский Н. Г. Несколько лет в деревне // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. Очерки и рассказы. 1888–1895. М.: Гослитиздат, 1957. С. 18–19.

Планы экономические были смелыми и широкими. Но не меньше внимания Гарин уделял и социальной стороне дела: ему хотелось изменить сложившуюся на селе систему общественных отношений. Программа была проста — «восстановление общины, уничтожение кулаков»⁴. Все эти идеи воплощали главные принципы народников, веривших в особый путь развития России, где главной социальной силой является крестьянство.

Вполне предсказуемо инициатива Гарина окончилась полным крахом и едва не привела его к полному разорению. С одной стороны, новому хозяину Гундоровки пришлось выдержать самую настоящую войну с местными кулаками, увидевшими в нем серьезного конкурента. С другой — бывшему инженеру-путейцу так и не удалось расшевелить основную массу крестьян, сломать косность и затверделость их сознания, убедить использовать новые методы в обработке земли. Начиная хозяйствовать в Гундоровке с твердой верой в самодержавие и честный труд на благо народа, Гарин вскоре разочаровался в исходных посылах: самодержавие (и местная власть) никак не помогало, народ (крестьяне) и вовсе встретил его в штыки. Жизнь тем самым отвергла теоретические построения: следовательно, теория была неверна — рассудил Николай Георгиевич.

Для нашей темы очень важно отметить, что общественно-политические взгляды Гарина-Михайловского формировались исключительно под влиянием непосредственных впечатлений от увиденного. «Предпочитаешь наблюдать, анализировать, обобщать, делать выводы и проверять их жизнью», — излагал позднее свое кредо Гарин⁵. А его сын напоминал: «Не надо забывать, что мой отец принадлежал к реалистическому направлению в русской литературе, и этот реализм был основной чертой его характера и всей его жизни»⁶.

«Сельскохозяйственная деятельность, обнаружившая полную несостоятельность народнических упований на крестьянскую общину, убедила Гарина-Михайловского в том, что не у народников нужно искать “точку опоры”»⁷. Так описывали советские исследователи идеологический разворот нашего героя второй половины 1880-х гг. Приходилось, правда, затем объяснить, почему разочаровавшийся в народничестве Гарин стал основным инициатором создания и, главное, спонсором народнического журнала «Русское богатство». Версии были разные: согласно первой, Гарину-писателю хотелось иметь собственный журнал, где он мог бы печататься (первая публикация

⁴ Гарин-Михайловский Н. Г. В сутолоке провинциальной жизни // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4. Очерки и рассказы. 1895–1906. М.: Гослитиздат, 1958. С. 333.

⁵ Гарин-Михайловский Н. Г. К современным событиям // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову: Вокруг света. Корейские сказки. Сказки для детей. Пьесы. Воспоминания, статьи. 1894–1906. М.: Гослитиздат, 1958. С. 671.

⁶ Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России»: авторизованная машинопись // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10298. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

⁷ Юдина И. М. Указ. соч. С. 19.

его самой знаменитой вещи — «Детство Тёмы» — состоялась именно в «Русском богатстве»⁸; по второй — он, хотя и давал деньги на издание, но не был «соратником и единомышленником» главного редактора журнала (лидера народников Н. К. Михайловского)⁹.

Действительно, с верой в крестьянскую общину Гарин после нескольких лет в деревне распрощался. Но не отказался от главного своего убеждения: «Он твердо верил, что всякое зло в жизни устранимо, что счастье уготовано человечеству и будет его уделом — надо только работать над его достижением»¹⁰. «Работать над его достижением» можно было в деревне, уповая на крестьянскую общину, как делали народники, или на экономический прогресс и промышленность, возлагая надежды на пролетариат как на главную преобразующую силу общества. Железные дороги были лучшей иллюстрацией прихода новых времен, наглядной иллюстрацией наступившей эпохи «стали и пара». Инженер-путеец Гарин-Михайловский, безусловно, верил в технический прогресс и был убежден, что только благодаря промышленному прогрессу произойдет развитие общественно-политическое, при котором исчезнут все (или хотя бы многие) язвы русской жизни. Николай Георгиевич самой логикой своей профессии был обречен на симпатии к новому учению, ставившему во главу прогресса экономику. Так Гарин начал постепенно сближаться с представителями марксизма.

«Легальные» марксисты против народников. В лагере марксистов выделялось к тому моменту два направления — легальное и радикальное. Сторонников первого было большинство. Именно их голоса звучали наиболее убедительно в общественной полемике, ведущейся на страницах периодических изданий, призывая не слушать старых «сказок народников» о крестьянской общине и поверить, что иного пути, кроме капиталистического, у России нет. Как ни парадоксально на первый взгляд существование марксистов, ратовавших за капитализм, на самом деле никакого противоречия в этом не было.

«Капитализм, как эксплуатация человека человеком, зло с точки зрения наших идеалов. <...> Но капитализм, как и все, имеет свое *достаточное* основание, для понимания которого таких категорий, как добро и зло, *недостаточно*. <...> Капитализм разрушает так называемые “устой”, но это удастся ему только потому, что “устой” никуда негодны и сами разваливаются. Словом, капитализм развивается потому, что он, при данных условиях, есть единственная, возможная форма подъема производительных сил страны; а такого подъема, не говоря уже о расширении потребностей, требует рост населения», — писал крупнейший легальный марксист той эпохи П. Б. Струве¹¹.

⁸ Миронов Г. М. Указ. соч. С. 73.

⁹ Юдина И. М. Указ. соч. С. 53.

¹⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1046. Оп. 2. Ед. хр. 5. Л. 9.

¹¹ Струве П. Б. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1894. С. 287.

Сочинения Струве стали важной вехой в дискуссии марксистов с народниками: ими зачитывалась вся тогдашняя образованная публика. «Вышла книжка Струве и делает много шуму в провинции. Не пройдет и нескольких лет, как теория экономическая (т. е. марксизм. — Н. М.) займет в России (в сознании) настолько доминирующее положение, что о разных “нутряках”, “субъективистах”, народниках-самобытниках и народниках-западниках и речи не будет», — писал в октябре 1894 г. из Гундоровки Гарин журналисту-народнику А. И. Иванчику-Писареву¹². Действительно, идеи легальных марксистов приобретали все больше последователей как в столице, так и в провинции. Разумеется, народники без боя своих позиций сдавать не собирались, но убеждения их оппонентов были явно более современными¹³. В соответствии с ними капитализм рассматривался как необходимая, но временная стадия общественного развития, в недрах которой должен выростить социализм, способный смести своего предшественника с арены истории.

Среди сторонников марксизма были не только публицисты, социологи и студенческая молодежь, но и представители русских деловых кругов. Чем можно было объяснить тот факт, что промышленники и фабриканты поддерживали идеи легальных марксистов? Неужели они не понимали грозившей им опасности?

Ответ на этот вопрос можно свести к двум тезисам. Во-первых, легальные марксисты, в отличие от марксистов радикальных (чьими лидерами были Г. В. Плеханов и В. И. Ульянов), рассматривали капитализм как «конечную остановку» на пути человеческого прогресса. Признавая экономическую теорию Маркса, они не разделяли ее революционной идеи, но выступали за реформирование буржуазного общества и демократические свободы. Во-вторых, тогдашнее купечество поддерживало марксизм не из-за «инстинкта самоуничтожения», «безграничной наивности» или «слепоты», а вполне осознанно, потому что в ту пору марксизм был синонимом прогресса.

В неизданных воспоминаниях о Максиме Горьком сын Н. Г. Гарина-Михайловского, Георгий Николаевич, писал: «Пикантность заключается в том, что в 1890-х годах марксизм был идеологическим другом капитализма. Тогдашние первые марксисты говорили, что “наилучшим революционером является капитал”, он разрушает вековые патриархально-феодалные отношения и одинаково революционизирует город и деревню... <...> Мало того, первые марксисты стояли на почве аполитизма, они говорили: “Мы защищаем интересы экономические рабочего класса — форма правления царский абсолютизм или демократическая республика для нас безразлична”. Отсюда царское правительство в начале марксистского движения его тоже косвенно поддерживало

¹² Гарин-Михайловский Г. Н. Сочинения / [сост., вступ. ст., примеч. Г. М. Миронова, Л. Г. Миронова]. М.: Советская Россия, 1986. С. 365.

¹³ О полемике Н. К. Михайловского с марксистами см.: Горев Б. И. Николай Константинович Михайловский: Его жизнь, литературная деятельность и мирозерцание. М.: ОГИЗ: Молодая гвардия, 1931. С. 65–87.

(“Зубатовщина”). <...> До какой степени царское правительство относилось вначале благожелательно к марксизму, видно из того, что один из теоретиков марксизма — приват-доцент Петербургского университета В. В. Святловский — управлял всеми делами одного из членов императорской фамилии, великого князя Александра Георгиевича, герцога Лейхтенбергского. Министерство народного просвещения находило его слишком “левым”, чтобы ему дать кафедру политической экономии... Само собой разумеется, и он был в чине статского советника»¹⁴.

Таким образом, ничего удивительного в популярности идей легальных марксистов не было. Конечно, марксисты радикальные упрекали их в излишней мягкотелости и либерализме, в забвении идей Маркса о социализме как высшем общественном строе. Но даже Ленин, критикуя Струве, признавал важность его работы: «Названная книга г. Струве представляет из себя систематическую критику народничества... Одна уже постановка подобной задачи могла бы сообщить книге выдающийся интерес...»¹⁵

Марксизм как новое увлечение. После провала эксперимента в Гундоровке, а особенно вследствие личного знакомства с русским крестьянством, Гарину стало очевидно, что теории народников — это вчерашний день и что крестьянская община никогда не станет «локомотивом прогресса». По-прежнему рассматривая народников как главных заступников крестьян, он не верил, что им удастся найти достойный ответ на вызовы современности. «Буду без конца рад, если ошибусь, но думаю, что приступаем мы со всем усердием и жаром к заготовке во веки веков не разрушающихся мумий. Утешение здесь одно: хорошая мумия лучше все-таки разложившегося трупа в лице князя Мещерского (издатель крайне правого журнала «Гражданин». — Н. М.), открыто заявившего, что конечная цель — восстановление крепостничества», — писал Гарин жене в ноябре 1892 г.¹⁶ Деликатность ситуации заключалась в том, что, как уже было сказано, при активном участии и отчасти на деньги Н. Г. Гарина-Михайловского выходил главный орган либерального народничества — журнал «Русское богатство». Участвовать в таком издании, не веря в народнические идеалы, было по крайней мере нелогично. Гарин, человек практический, понимал, что его отношения с «Русским богатством» и главным его редактором, виднейшим народником Н. К. Михайловским («Не родственник нам, но однофамилец», — пояснял сын Гарина¹⁷), обречены.

¹⁴ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком»: авторизованная машинопись // ГАРФ. Ф. 10298. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

¹⁵ Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) // Сочинения. 4-е изд. Т. 1. М.: Госполитиздат, 1941. С. 319.

¹⁶ Письма одного года: Из писем Н. Г. Гарина-Михайловского к Н. В. Михайловской. Публикация и комментарии И. Юдиной // Сибирские огни. 1966. № 12. С. 153.

¹⁷ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 4.

Разрыв с «Русским богатством» случился не вдруг: был он постепенным, даже, можно сказать, плавным. Гарин, понимая, что разница во взглядах с Н. К. Михайловским мешает и литературному творчеству, хотел уйти из журнала. Видный народник удивлялся: «Вы желаете расстаться мирно, без злобы и гнева. <...> Но я не вижу причин расставаться. <...> Если же Вы говорите о прекращении Вашего сотрудничества, то я не понимаю, зачем ставить точку, да еще с шумом и треском. <...> захотите — дадите что-нибудь, не захотите — не дадите. Почему бы и на будущее время не быть тому же?»¹⁸. Но эти уговоры не подействовали: Н. Г. Гарин-Михайловский нешуточно увлекся марксизмом, народничество осталось в прошлом.

Где именно Гарин впервые ознакомился с марксистскими идеями — вопрос открытый. Видная исследовательница творчества писателя И. М. Юдина предполагала, что это случилось или в столице, или в Самаре. «Петербург, куда часто наезжал Гарин, был центром рабочего движения, формирования и развития русской социал-демократии, — пишет она. — Марксистские кружки возникали и в Самаре, где часто бывал Гарин в 1893–1895 гг. в связи со своими железнодорожными изысканиями...»¹⁹

По версии самарского краеведа А. А. Галяшина, «Манифест коммунистической партии» Гарину дал прочитать М. А. Сильвин — студент Петербургского университета, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (одного из первых русских марксистских кружков); кстати сказать, это был личный экземпляр лидера кружка Владимира Ульянова. Сам Сильвин был домашним учителем в семье Гарина, а также (формально) управляющим Гундоровкой²⁰. Галяшин приводит и другую интересную подробность: к Сильвину, когда тот жил в Царском Селе у Гарина, приезжали «праздновать пасху» члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» — Ульянов, Крупская и другие²¹. Гарин с семьей действительно продолжительное время жил в Царском Селе, о чем интересно вспоминал его сын Георгий: жили «полупомещичьей жизнью, снимали особняк, держали собственных лошадей из нашего имения в Самарской губернии»²². Правда, ни о каких приездах Ульянова, Крупской и других «товарищей» Георгий Николаевич не упоминает.

Впрочем, не так уж важно, где Н. Г. Гарин-Михайловский познакомился с марксистскими идеями: куда важнее, что он увидел в них отражение собственного опыта и жизненных представлений. Максим Горький, размышляя об увлечении Гарина марксизмом, предполагал: «Я думаю, что он считал себя марксистом, потому что был инженером. Его привлекала активность учения

¹⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 82. Литературный музей. К. XXVI. Ед. хр. 8/4. Л. 1–2.

¹⁹ Юдина И. М. Указ. соч. С. 54.

²⁰ Галяшин А. А. Гарин-Михайловский в Самарской губернии. Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. С. 112, 114.

²¹ Там же. С. 115.

²² Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России». Л. 4.

Маркса... Марков план реорганизации мира восхищал его своей широтой, будущее он представлял себе как грандиозную коллективную работу, исполняемую всей массой человечества, освобожденного от крепких пут классовой государственности»²³.

Подобно легальным марксистам, Гарин, восхищаясь мощью капитализма как экономического строя, яростно протестовал против порождаемого им социального неравенства. «Да, здесь (в художественно-промышленном отделе Всероссийской выставки 1896 г. — *Н. М.*) видишь силу нашего века, страшную необоримую силу, бесповоротно направляющую всю нашу жизнь. Воочию здесь страшный капиталистический строй со всеми плюсами и минусами его. Где он, там, правда, царство капитала, но культурного, и потому с ним и самосознание»²⁴. Вера в крестьянина уступила в сознании нашего героя место вере в облагораживающую роль капитала, который выглядел силой, способной уничтожить все средневековые, феодальные по своему духу препоны (а их в русской жизни хватало) и сделать жизнь всего общества лучше и легче. Для этого необходимо было как можно шире пропагандировать идеи Маркса, а делать это легально было практически невозможно. Основать газету с «марксистским направлением» под оком вездесущей цензуры казалось задачей невозможной — но не для нашего героя.

Гарин и «Самарский вестник». Имение Гундоровка, хотя и не принесло никакой прибыли, но оставалось в собственности Гарина до 1903 г., поэтому и сам Гарин, и его домочадцы частенько приезжали в Самару. Тогда это был город вполне заурядный, хоть и зажиточный: торговля хлебом и другими товарами велась в нем бойко. Гарин с первых своих дней в Самаре сделался едва ли не душой местного общества. «Он переехал из имения в Самару, тогда довольно захудалый провинциальный город. Там, сняв один из лучших домов, он начал вести великосветский образ жизни, губернатор Свербеев стал его лучшим другом, а с ним и вся аристократия местная бывала “запросто” и на “вечерах моего отца”, на его журфиксах, балах-маскарадах...», — вспоминал позже сын писателя²⁵. Однако вращением только в высших кругах Самары Гарин не ограничился.

На политической карте Российской империи 1890-х тихая, сонная, провинциальная Самара была важной точкой. Именно там проживали «на покое», но под негласным надзором полиции бывшие участники «Народной воли». Кроме того, в городе возникали небольшие нелегальные кружки из студентов, читавших, обсуждавших и распространявших неподцензурную литературу. Правда, в основном кружки эти были народническими, а сторонники марксизма появлялись в Самаре поодиночке.

Одним из них оказался молодой и мало кому тогда известный В. И. Ульянов, служивший с конца января 1892 г. помощником присяжного поверенного

²³ Горький М. О Гарине-Михайловском // Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминания современников / сост. И. М. Юдина. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1983. С. 145.

²⁴ Гарин-Михайловский Н. Г. На выставке // Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. С. 664.

²⁵ Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России». Л. 6.

в Самарском окружном суде. По словам одной из биографий будущего «вождя мирового пролетариата»: «...Не адвокатская работа занимала Ленина. Вся его энергия и силы были направлены на изучение марксизма, на подготовку к активной революционной деятельности»²⁶. Так что, хотя Ленин в августе 1893 г. уехал с берегов Волги в Петербург («Ленина тянуло на простор революционной работы, в крупный промышленный центр, туда, где были сосредоточены большие массы пролетариата»²⁷), Самара и после его отъезда служила центром притяжения для сторонников Маркса.

Самарские неофиты того времени были в основном приверженцами легального марксизма, т. е. признавали положительную роль капитализма, в силу которой он сможет вывести Россию на новый уровень развития. Советские исследователи творчества Н. Г. Гарина-Михайловского неизменно утверждали, что он пострадал из-за своего неполного знакомства с учением Маркса. Дескать, тогда «подлинный революционный марксизм был глубоко загнан в подполье, и сведения о нем многие представители интеллигенции черпали главным образом из “оппортунистических писаний” так называемых “легальных марксистов”» — Гарин попался в эту ловушку, «принимая Струве за марксиста»²⁸.

Эти оговорки понятны и объяснимы. В Советском Союзе мог быть только единственный «правильный» вариант марксизма — ленинский (даже не марксовский). Все остальные объявлялись ересью с соответствующими выводами. Но многочисленные источники (собственные письма и статьи нашего героя, воспоминания знавших его тогда близко людей) упрямо свидетельствуют, что Н. Г. Гарин-Михайловский последовательно придерживался именно легального марксизма, а революционный, скорее, отвергал. Перейдем к доказательствам.

«Не став последовательным сторонником марксизма (! — Н. М.), Гарин-Михайловский оказал неоценимые услуги русским марксистам в их борьбе с народничеством и пропаганде их идей, в организации их печатных органов», — констатировал один из советских биографов писателя²⁹. За этой довольно неуклюжей фразой скрывается знаменитый факт биографии Гарина: благодаря его стараниям, энергии и, разумеется, деньгам в течение полугода (октябрь 1896-го — март 1897-го) издавался «Самарский вестник» — первый марксистский журнал в России. Про участие Гарина в «Самарском вестнике» написано много³⁰. Но для нас важна не финансовая или непосредственно издательская сторона дела, а содержательная, состоявшая в следующем: убеждения Гарина были несколько иными, нежели у его товарищей по редакции. Иллюстрировать это расхождение можно рассказом А. А. Санина, единственного из членов редакции «Самарского вестника», оставившего воспоминания о том периоде.

²⁶ Владимир Ильич Ленин: Биография / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1963. С. 16.

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ Юдина И. М. Указ. соч. С. 56–57; см. также: Миронов Г. М. Указ. соч. С. 86–87.

²⁹ Миронов Г. М. Указ. соч. С. 84.

³⁰ Там же. С. 85–89; Юдина И. М. Указ. соч. С. 117–128.

Санин и его товарищи-марксисты (Р. Э. Циммерман, П. П. Маслов и В. В. Португалов) сразу признали в Гарине, «этом талантливом писателе», «не единомышленника, конечно, но во всяком случае идейного союзника»³¹. Союз этот, настаивал Санин, был ситуативным, сложившимся исключительно для того, чтобы (по словам Гарина) дать «“исповедание веры” противонародническое». Гарин не скрывал, что для него марксизм — это прежде всего Струве: недаром он соглашался внести деньги на «Самарский вестник» только на условии, что «газете даст свое имя Петр Бернгардович [Струве] и еще кто-нибудь из петербуржцев»³².

Санин с сожалением констатировал, что Гарин «марксистом никогда не был (! — Н. М.) и на первых порах имел о марксизме превратное представление, отождествляя его со струвизмом. Недоразумение не замедлило прорваться наружу, и произошло столкновение, едва не убившее в зародыше будущую марксистскую газету». «Столкновение» произошло на одном из совещаний в редакции, на котором Гарин произнес пламенную речь, суть которой сводилась к призыву идти самим и звать других «на выучку к капитализму» (дословно повторив тем самым призыв Струве). Слушавшим Гарина сотрудникам редакции — марксистам революционного толка, — по словам Санина, было не по себе. «Не из-за того, конечно, мы, солдаты революции, лезли в огонь, калечили свою молодую жизнь, чтобы расчистить путь торжествующему капиталу», — негодовал Санин. Финал сцены был таков: Санин непроизвольно улыбнулся «в самом патетическом» месте речи Гарина, тот заметил эту улыбку, смешался («сразу осекся, вдохновение его потухло»), хотел было ответить на улыбку новой эскападой слов, но все зашумели, встали и разошлись. Именно после этого Н. Г. Гарин-Михайловский, по словам Санина, «болезненно почувствовал, какая пропасть лежит между ним и нами»³³.

Самое любопытное, что эта размолвка в редакции, после которой Санин ожидал закрытия журнала («если Гарин пайщиком не будет, то без него и другие пайщики не захотят ввязываться в дело»), никаких видимых организационных последствий не имела. Гарин деньги дал наряду с другими пайщиками, которые все «очень далеки от марксизма, и, несомненно, Гарин — дальше всех. Прочие просто не понимали, не знали, а Гарин, после того памятного редакционного заседания, в общих чертах знал, понимал и — отрицал»³⁴. Отметим этот факт: не разделяя вполне идей радикальных марксистов, хотя в чем-то и сочувствуя им (Гарин обмолвился как-то Санину, что «эти взгляды и стремления я понимаю, но, в силу моего социального положения, не могу разделять»³⁵), наш герой при этом готов был оказывать самую разнообразную помощь своим временным союзникам и готов был идти ради них на риск.

³¹ Санин А. А. «Самарский вестник» (1896–1897 гг.). М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1933. С. 43.

³² Там же. С. 21.

³³ Там же. С. 45, 46, 47.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же. С. 62.

Никто не мог и заподозрить, что респектабельный, успешный и хорошо известный в высших кругах столицы железнодорожный инженер Н. Г. Гарин-Михайловский в своем самарском имении укрывает подпольщиков. «Н. Г. всегда глубоко возмущался несправедливостью самодержавной власти и, как мог — деньгами, приютом политических, снабжением литературой и пр., — принимал участие в деле освобождения», — писал А. В. Воскресенский³⁶. Ему вторит дочь Гарина-Михайловского: «В годы реакции у нас в Гундоровке скрывались политические. Помню хорошо, как на пчельнике у Воскресенского А. В. (учитель начальной школы Гундоровки и инструктор по пчеловодству. — *Н. М.*) жил Санин Ал. Ал.³⁷ Он долгие месяцы скрывался, в какой-то хибарке, в такой глуши, что ни один жандарм не нашел!»³⁸.

Сын писателя Георгий рассказывал об этом так: «Мы, дети, с детства слышали слово “марксист”, его не понимая. Мы были твердо уверены, что “марксист” — это синоним “разбойника”, потому что мой отец любил укрывать в своем имении “марксистов”, скрывавшихся от полиции. Нам, детям, было сказано, что при чужих людях надо говорить, что это наши “гувернёры”, хотя у нас была бонна немка, а с нашими “гувернёрами” мы избегали оставаться наедине, ибо мы знали, что их ищет полиция, а известно, что полиция ищет только подозрительную публику... Эти “марксисты” жили не у нас в усадьбе, а на пчельнике в двух верстах, но там они ночевали, а обычно день проводили в усадьбе. В конце концов мой отец перестал оказывать опасное гостеприимство, так как один из этих “гувернёров” наших встретился однажды с внезапно приехавшими к нам судебным следователем — тоже другом отца... Встреча прошла благополучно, и даже “гувернёр” очень понравился судебному следователю, не подозревавшему, что говорит с государственным преступником, которого надо было бы немедленно арестовать... Мой отец, однако, после этого случая очистил имение от “марксистов”, чему мы, дети, очень обрадовались»³⁹.

Укрывательство нелегалов, хранение запрещенной литературы (по словам того же Воскресенского, на пчельнике прятали журнал «Искра», «который нам привозил или присылал Н. Г. [Гарин-Михайловский]»⁴⁰), помощь революционерам деньгами (А. А. Санина, например, Гарин на свои деньги «снарядил» за границу, где и потом некоторое время поддерживал⁴¹) — все это делало Гарина как бы революционером.

Это было тем удивительнее, что в глазах многих его коллег и друзей Гарин был образцом истинного русского барина (в литературных кругах иронизировали:

³⁶ Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминания современников. С. 119.

³⁷ Об этом см.: Санин А. А. Указ. соч. С. 44–45.

³⁸ Архив Самарского литературно-мемориального музея им. М. Горького (АСЛМ). КП-1750 (Письмо Н. Н. Субботиной от 30.11.1956). Л. 3 (нумерация моя. — *Н. М.*).

³⁹ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 4.

⁴⁰ Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминания современников. С. 119.

⁴¹ Санин А. А. Указ. соч. С. 45.

«“Кто из нас барин?” — “Писатель Гарин”»⁴²), человеком, возвращавшимся в высших сферах. Сбивало с толку его знакомство с императорской фамилией (он дважды был на докладе у Николая, причем царь явно остался доволен общением⁴³), его связи и обширная переписка (среди корреспондентов Гарина — великие князья Владимир Александрович и Александр Михайлович, императорские министры, губернаторы, предприниматели), наконец, сама его внешность («тонкое лицо, украшенное холёной бородкой, красивый лоб под седоватыми волосами и удивительно молодые глаза»⁴⁴). Казалось, такой человек никак не может быть сторонником революционного марксизма.

Успевший хорошо узнать Гарина за время издания «Самарского вестника», А. А. Санин подмечал: «Его коробило, как аристократа, когда ему говорили, что он “буржуа”, но ему претило только само название, потому что от него пахнет “чумазым”, по существу же он признавал себя именно буржуа»⁴⁵. При этом Гарин был не простой буржуа, а из тех, кто умел увлекаться идеей, не представлял своей жизни без борьбы и риска, без движения и энергии. «Он любил риск и борьбу, он жил ими, и в марксизме его пленяла именно стихия борьбы»⁴⁶. В конце XIX в. именно марксизм, как казалось, воплощал в себе эту созидательную энергию, поток, который сметет все рудиментарное не только в экономике и социальной сфере, но и в головах и душах людей, обновит и переустроит быт. Марксизм означал прогресс, а Гарин-Михайловский был убежденным певцом и рыцарем прогресса.

Финансовая помощь крайним марксистам и идейные расхождения.

Во имя прогресса Гарину не было жаль никаких денег. Немаловажной составляющей его помощи социал-демократам (РСДРП) были финансовые пожертвования. Он переводил на нужды партии огромные суммы, делая это через Л. Б. Красина и М. М. Литвинова. Сохранился рассказ дочери Гарина, как она с мужем везла из Харбина, где в 1905 г. по делам службы находился ее отец, 25 тыс. рублей на «дело революции». Гарин поручил встретиться с Горьким и передать деньги ему. Так и ехала молодая женщина с этой огромной суммой через всю страну, вместе с солдатами с фронта, ночами бодрствуя по очереди с мужем на протяжении всех двух недель дороги. По приезде в столицу они обменяли в банке деньги на золото («получился большой, тяжелый мешок») и отвезли на квартиру Горького, который лично принял деньги, поблагодарил и, смеясь, сказал: «Расписки не дам!» Эти деньги затем через Литвинова ушли в подпольную организацию большевиков⁴⁷. Делалось это, разумеется, в глубокой тайне. Если бы финансовая помощь нелегалам стала известна полиции, Гарину грозили крупные неприятности.

⁴² Гарин-Михайловский Г. Н. Воспоминания «За кулисами царской России». Л. 5.

⁴³ Там же. Л. 7–10.

⁴⁴ Горький М. О Гарине-Михайловском. С. 133.

⁴⁵ Санин А. А. Указ. соч. С. 62.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Гарин-Михайловский Н. Г. Проза. Воспоминания современников / [сост., вступ. ст. и коммент. Г. М. Миронова, Л. Г. Миронова]. М.: Правда, 1988. С. 534.

Огласки, правда, избежать не удалось, но случилось это уже после смерти Николая Георгиевича: «сдали» умершего свои же — Анатолий Луначарский и Максим Горький. Первый на похоронах Гарина-Михайловского сказал: «О многих сторонах деятельности покойного сейчас рано говорить, но придет время и о них расскажет история...» Г. Н. Гарин-Михайловский писал: «“Тайна” эта, однако, была приоткрыта петербургской прокуратурой за несколько дней до смерти отца. Он был обвинен в “финансировании нелегальной революционной организации русской социал-демократической партии”. К жалобе был приложен один экземпляр заграничного бюллетеня Центрального комитета РСДРП, издаваемого Горьким. В бюллетене было напечатано: “От писателя Н. Гарина поступило на нужды партии — 30 тысяч рублей...”» Видимо, негодовал Георгий Николаевич, «Горький, находясь на своем благодатном Капри под волшебным солнцем Италии и наслаждаясь всеми прелестями тогда еще свободного демократического режима, очевидно, совершенно забыл о существовании такой мелочи, как прокуратура петроградской (тогда еще Санкт-Петербургской. — *Н. М.*) судебной палаты»⁴⁸.

Гарин познакомился с Горьким в той же Самаре в 1895 г., в доме Тейтеля. «Помню, особенно ярко, дом Тейтеля Якова Львовича. Это был исключительно интеллигентный и гостеприимный дом. Там встречалась вся интеллигенция Самары», — вспоминала в 1956 г. дочь писателя, Н. Н. Субботина⁴⁹. Самарский судебный следователь Я. Л. Тейтель, приглашавший в свой дом всех интересных людей города, был близким другом Гарина, который аттестовал его как человека «живого, с инициативой»⁵⁰. Таким приглашенным был приехавший в Самару молодой писатель Максим Горький, чье имя уже знала вся страна. Позднее Горький подробно опишет свою встречу с нашим героем, не скрывая теплых чувств к нему⁵¹. Гарин, в свою очередь, говорил о Горьком: «Крупный талант, имеющий счастье рассказывать о том, чего из современных писателей никто другой не видел, не знал и чего рассказать не может»⁵². Эту обоюдную симпатию писатели пронесли через всю жизнь. Помимо взаимного профессионального интереса и уважения была и еще одна сближающая тема, как отмечал сын Гарина-Михайловского: «Дружба моего отца с Горьким была больше, чем обычная дружба писателей, помимо общих интересов литературных и издательских, их соединял революционный марксизм, так как оба к нему принадлежали и по-разному его активно поддерживали»⁵³.

Финансовая помощь радикальным социал-демократам, как и симпатии к ним, не должна ни удивлять, ни вводить в заблуждение. Такую помощь оказывали в начале XX в. многие зажиточные и даже богатые люди. В этом отношении мне кажется уместной параллель между Н. Г. Гариным и знаменитым

⁴⁸ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 1–2.

⁴⁹ АСЛМ. КП-1750 (Письмо Н. Н. Субботиной от 30.11.1956). Л. 1. (нумерация моя. — *Н. М.*).

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Горький М. О Гарине-Михайловском. С. 133–135.

⁵² Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 4.

⁵³ Там же. Л. 1.

фабрикантом С. И. Морозовым. Савва Морозов для многих современников был живым воплощением понятия «русский капитализм»: блестяще образованный, энергичный, умный и деятельный, он добивался успеха в любом деле, за которое брался. У Морозова в этом было много общего с Гариным, кроме того, на обоих оказал большое влияние Максим Горький.

Как и Гарин-Михайловский, Морозов искренне восхищался «буревестником революции», причем не столько как писателем, сколько как апостолом нового учения — марксизма. По словам В. И. Немировича-Данченко, Савва Морозов «мог страстно увлекаться. До влюбленности. Не женщиной — это у него большой роли не играло, а личностью, идеей, общественностью». В конце своей яркой и незаурядной жизни «самым громадным, всепоглощающим увлечением его был Максим Горький и, в дальнейшем, — революционное движение...»⁵⁴

И Морозов, и Гарин активно жертвовали деньги на нужды партии. Характерно, что, по свидетельству сына писателя, именно его отец свел главного казначея большевистской партии Красина (которого знал через Горького) с «финансовыми кругами московского купечества»⁵⁵. Если это так, то Гарин косвенно повлиял на судьбу Морозова: загадочная гибель последнего в Канадах ошеломила тогда весь мир, а некоторые современники уже тогда полагали (как и ряд современных исследователей), что Морозов не застрелился, а был убит — и именно Красиным⁵⁶.

Финансовая помощь большевикам (сторонникам революционного марксизма) не подразумевала, что Гарин изменил своим идеалам и представлениям. Напротив, он постоянно подчеркивал, что считает себя «эволюционистом и сторонником по возможности мирного, закономерного развития жизни»: «Слишком драгоценна кровь, и одинаково преступно проливать ее зачинщикам всех лагерей»⁵⁷. Это убеждение Гарин развивал в своей последней опубликованной статье «К современным событиям», написанной в январе 1906 г. и опубликованной в харбинской газете «Новый край». На Дальний Восток он прибыл в самом начале Русско-японской войны (в мае 1904 г.) одновременно в двух качествах — как действующий инженер и как корреспондент московской газеты «Новости дня».

Революционные волнения бурного 1905 г. коснулись Гарина: его избрали в Харбинский комитет, в существовании которого он «принимал деятельное участие», всей душой поддерживая социал-демократов. «Вся моя логика и все мои симпатии принадлежат социал-демократическому учению. Логика, потому что это единственное научно и логично обоснованное учение. Симпатия, потому что — что может быть выше общей, а не классовой любви к людям, выше

⁵⁴ Цит. по: Бурыйшкін П. А. Москва купеческая. М.: Высшая школа, 1991. С. 128.

⁵⁵ Гарин-Михайловский Г. Н. «Воспоминания о Максиме Горьком». Л. 2.

⁵⁶ См.: Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М.: Терра — Кн. клуб, 1999. С. 3–7.

⁵⁷ Цит. по: Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминания современников. С. 10.

братства в труде всех?»⁵⁸ Но при этом Гарин не забывал подчеркивать, что действует «в строго с. д. (социал-демократическом. — *Н. М.*) духе — без насилий и жертв»⁵⁹.

Задача социал-демократов, настаивал он, заключается в разумном и миролюбивом поведении, партия «теперь более, чем когда-либо, должна ограждать себя от ответственности за действия других крайних партий, как прогрессивных, так и радикальных»⁶⁰. Гарин был категорически против отправки в Россию «диких орд хулиганов, которые громят, насилюют, разбивают»⁶¹. Вообще, с его точки зрения, любое насилие, анархия «губительны для государства и общества»⁶².

Отвергая любую жестокость, Гарин-Михайловской признавал за революцией «только значение ланцета, своевременно взрезающего уже образовавшийся нарыв», настаивая на исключительно мирном, парламентском пути⁶³. Борьба революционная возможна лишь в самом крайнем случае, который не наступит, поскольку уже сформировалась база, на основании которой можно вести легальную борьбу: «В своем отвлечении, я все-таки полагаю, что возвещенные манифестом 17 октября (имеется в виду Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка, подписанный императором 17 октября 1905 г. — *Н. М.*) свободы являются отныне незыблемой почвой, и не советовал бы ни себе, ни другим ни на мгновение забывать, что почва эта существует уже»⁶⁴. Гарин возлагал на манифест огромные надежды, полагая, что появится, наконец, «государственный и общественный деятель», который «на этой почве сумеет сохранить и не пролить драгоценную кровь своих граждан здесь, где она не должна больше быть пролита»⁶⁵.

Интересно, что в советской историографии взгляды Гарина той поры оценивали в целом положительно, хотя и снисходительно. Дескать, позиция его, конечно, несколько ограничена и двойственна, но в целом Гарин был на правильном пути, поскольку, «очевидно, не без влияния ленинских работ» (при этом никаких доказательств чтения Гариным работ Ленина не приводится) пришел к правильным выводам — не во всем, но во многом⁶⁶. Если же отбросить нелепые идеологические клише, то мысли Гарина, высказанные им в цитированной статье, следует признать органическим продолжением его понимания марксизма и социал-демократии.

Как и раньше, он полагал, что марксизм (и социал-демократия, соответственно) не может строиться на насилии. Как и прежде, он подчеркивал большую

⁵⁸ Гарин-Михайловский Н. Г. К современным событиям. С. 676.

⁵⁹ Цит. по: Юдина И. М. Указ. соч. С. 205.

⁶⁰ Гарин-Михайловский Н. Г. К современным событиям. С. 677.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 676.

⁶³ Там же. С. 674.

⁶⁴ Там же. С. 676.

⁶⁵ Там же. С. 678.

⁶⁶ Юдина И. М. Указ. соч. С. 206–209.

положительную роль капитализма («процесс капиталистического строя неизбежен и необходим»), доказывал, что раньше всех «к цели» (т. е. к построению социализма) придет «самый богатый экономически народ», потому что «только экономическая свобода вызывает неотложные потребности в других свободах: политических, религиозных и пр.»⁶⁷.

Тем самым можно констатировать, что Гарин по своим убеждениям был очень близок европейским социал-демократам. Недаром в статье «К современным событиям» он несколько раз упоминал лидера немецких социал-демократов Августа Бебеля — одного из основоположников социал-демократического парламентаризма, выступавшего за борьбу законными методами. Гарин-Михайловский полностью разделял эти идеи немецкого социалиста, которые были весьма далеки от представлений о марксизме и революции Ленина и его сторонников.

Заключение. Корреспондент газеты «Новое время» в некрологе о Н. Г. Гарине-Михайловском написал: «Для него золото не существовало. Он любил только труд»⁶⁸. Можно добавить: и верил в марксизм как в научную теорию, отрицал насилие и, как умел, «принимал маленькое участие в обновленной жизни России»⁶⁹. Общественно-политические взгляды Гарина следует признать вполне типичными для русской интеллигенции и деловых кругов конца XIX века.

Вера в научный и технический прогресс, признание за капитализмом огромной творческой, созидательной мощи, непринятие насилия и анархии, вера в будущую (правда, нескорую) победу социальной справедливости в масштабах всей планеты — все эти идеи разделяли с Гариным и другие представители русской интеллигенции и предпринимателей. Марксизм для них заключался в утверждении первоочередной роли труда и индустриального развития для успешного существования государства или, говоря короче, был синонимичен прогрессу. В советские времена Н. Г. Гарина-Михайловского записали в безоговорочные сторонники ленинского варианта марксизма, признав все остальные политически несостоятельными. В наше время открытие новых документов и критический пересмотр уже давно выявленных позволяет, избавившись от идеологических клише, точно установить, кто был «единомышленником» ленинскому варианту учения Маркса, кто «попутчиком», а кто и вовсе обладал собственным пониманием теории немецкого мыслителя.

Литература

1. Владимир Ильич Ленин: Биография / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1963. 703 с.
2. Галяшин А. А. Гарин-Михайловский в Самарской губернии. Куйбышев: Кн. изд-во, 1979. 120 с.
3. Гордович К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский и писатели-современники: учеб. пособие по спецкурсу. Хабаровск: Хабаровский ГПИ, 1984. 136 с.

⁶⁷ Гарин-Михайловский Н. Г. К современным событиям. С. 674.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 1046. Оп. 2. Д. 4. Л. 2 об.

⁶⁹ Цит. по: Миронов Г. М. Указ. соч. С. 145.

4. Гордович К. Д. Н. Г. Гарин-Михайловский. Личность и творчество. СПб.: Петроний, 2014. 311 с.
5. Евпак Е. В. Значимые места в семейной летописи Гариных-Михайловских: Россия, эмиграция // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2-6 (62). С. 256–259.
6. Миронов Г. М. Поэт нетерпеливого созидания. Н. Г. Гарин-Михайловский. Жизнь. Творчество. Общественная деятельность. М.: Наука, 1965. 159 с. (Научно-популярная серия / Акад. наук СССР).
7. Фельштинский Ю. Г. Вожди в законе. М.: Терра – Книжный клуб, 1999. 360 с.
8. Юдина И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: жизнь и литературно-общественная деятельность / АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. 238 с.

References

1. Vladimir Il'ich Lenin: Biografiia [Vladimir Ilyich Lenin: Biography] / In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. 2-e izd. M.: Gospolitizdat, 1963. 703 s. (in Russ.)
2. Galiashin A. A. Garin-Mikhailovskii v Samarskoi gubernii [Garin-Mikhailovsky in Samara province]. Kuibyshev: Kn. izd-vo, 1979. 120 s.
3. Gordovich K. D. N. G. Garin-Mikhailovskii i pisateli-sovremenniki: ucheb. posobie po spetskursu [N. G. Garin-Mikhailovsky and contemporary writers: Tutorial on special course]. Khabarovsk: Khabarovskii GPI, 1984. 136 s.
4. Gordovich K. D. N. G. Garin-Mikhailovskii. Lichnost' i tvorchestvo [N. G. Garin-Mikhailovsky. Personality and creativity]. SPb.: Petronii, 2014. 311 s.
5. Evpak E. V. Znachimye mesta v semeinoi letopisi Garinykh-Mikhailovskikh: Rossiia, emigratsiia [Significant places in the Garin-Mikhailovsky family chronicle: Russia, emigration] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2-6 (62). S. 256–259.
6. Mironov G. M. Poet neterpelivogo sozidaniia. N. G. Garin-Mikhailovskii. Zhizn'. Tvorchestvo. Obshchestvennaia deiatel'nost' [Poet of impatient creation. N. G. Garin-Mikhailovsky. Life. Creation. Public activity]. M.: Nauka, 1965. 159 s. (Nauchno-populiarnaia seriia / Akad. nauk SSSR).
7. Fel'shtinskii Iu. G. Vozhdi v zakone [Leaders in law]. M.: Terra – Knizhnyi klub, 1999. 360 s.
8. Iudina I. M. N. G. Garin-Mikhailovskii: zhizn' i literaturno-obshchestvennaia deiatel'nost' [N. G. Garin-Mikhailovsky: life and literary and social activity] / AN SSSR, Institut russkoi literatury (Pushkinskii dom). L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1969. 238 s.

УДК 94(47) «17/1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.03

Ершова Тамара Витальевна

доктор исторических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

e-mail: ErshovaTV@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-1652-3565

Седов Сергей Викторович

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

e-mail: SedovSV434@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-7373-1117

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО МОБИЛИЗАЦИИ ТЕКСТИЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Статья посвящена актуальной, но недостаточно изученной проблеме в отечественной историографии. Проанализированы мероприятия, которые были проведены царским правительством в годы Первой мировой войны для мобилизации текстильной промышленности. Рассмотрены постановка и решение следующих задач: распределение военных заказов для снабжения армии; оснащение сырьем и рабочей силой предприятий, работающих на нужды армии; осуществление эвакуации фабрик из прифронтовой зоны и выдача им ссуд для налаживания производства на новом месте; контроль за ценами на дефицитное сырье, полуфабрикаты и военную продукцию.

В статье уделено внимание деятельности Особого совещания по обороне государства — ключевого государственного органа в сфере мобилизации промышленности, созданного летом 1915 г., а также Главному интендантскому управлению — той структуре, которая отвечала за вещевое снабжение армии, в том числе и текстильной продукцией. В статье также затрагивается вопрос о привлечении к снабжению армии общественных организаций — Главного комитета Всероссийских земского и городских союзов и Центрального военно-промышленного комитета, которые внесли хоть и не столь весомый по масштабам, но все же значимый вклад в общее дело обеспечения армии по отдельным видам текстильной продукции.

В итоговых выводах дана оценка проводимых мероприятий. Отмечено, что благодаря вышеупомянутым действиям удалось перевести текстильное производство на военные рельсы, однако запоздалый характер мобилизации позволил это совершить только к 1916 г.

Изучение исторического опыта мобилизации промышленности, перестройки ее на выпуск определенных, крайне необходимых товаров представляется весьма актуальным, поскольку сегодня ни одна экономика не застрахована от разного рода непредсказуемых вызовов, которые требуют от правительства принятия своевременных и верных решений.

Научная новизна заключается в углублении исторических знаний по данной проблематике, а также в освещении темы с опорой на архивные источники из фонда делопроизводственной документации Особого совещания по обороне государства, значительная часть которых вводится в оборот впервые.

Ключевые слова: Первая мировая война, текстильная промышленность, мобилизация, Особое совещание по обороне государства, Главное интендантское управление.

Ershova Tamara V.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

e-mail: ErshovaTV@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-1652-3565

Sedov Sergey V.

Postgraduate

Moscow City University

Moscow, Russia

e-mail: SedovSV434@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-7373-1117

GOVERNMENT MEASURES TO MOBILIZE THE TEXTILE INDUSTRY IN RUSSIA DURING THE FIRST WORLD WAR

Abstract: The article is devoted to an actual, but insufficiently studied problem in Russian historiography. The measures that were carried out by the tsarist government during the First World War to mobilize the textile industry were analyzed. The following tasks are considered: distribution of military orders to supply the army; equipping of enterprises working for the needs of the army with raw materials and labor; the evacuation of factories from the front-line zone and the issuance of loans to them to establish production at the new site; control of prices for scarce raw materials, semi-finished and military products.

The article pays attention to the activities of the Special Meeting on National Defense — a key state body in the field of industrial mobilization, created in the summer of 1915, as well as the Main directorate of intendency — the structure that was responsible for the supply of goods to the army, including textiles. The article also addresses the issue of attracting public organizations to the supply of the army — Zemgor and the Central War Industry Committee, which made, although not so large scale, but still a significant contribution to the common cause of providing the army with certain types of textile products.

The final conclusions assess the activities carried out. It was noted that thanks to the above actions, it was possible to militarize textile production, but the late nature of mobilization allowed this to be done only by 1916.

The scientific novelty lies in the deepening of historical knowledge on this issue, as well as in the coverage of the topic, based on archival sources from the records of the Special Meeting on National Defense, a significant part of which is put into scientific literature for the first time.

Keywords: First World War, textile industry, mobilization, Special Meeting on National Defense, Main directorate of intendency.

Введение. Вопросы, связанные с готовностью России к Первой мировой войне и мерами, предпринятыми государством, по переводу экономики на военные рельсы, неоднократно затрагивались в работах историков. Однако именно текстильная промышленность не являлась объектом пристального внимания в исследованиях, несмотря на научную актуальность проблемы. С учетом значительной численности русской армии, весьма важно ответить на вопрос, достаточным ли оказался промышленный потенциал России, чтобы обеспечить армию текстильными товарами. Научная новизна такого подхода дает основание в разрешении более глобальной проблемы — готовности России к Первой мировой войне.

Историография по данной теме свидетельствует, что большинство работ касается в основном трансформации самой отрасли: изменения в выпуске тканей, валовой стоимости продукции, структуре рабочей силы. Именно эти вопросы затрагиваются в трудах Н. Я. Воробьева и Л. Б. Кафенгауза (1930)¹, первых исследованиях по этой теме.

Вопрос о мерах, предпринятых государством для мобилизации, стал привлекать историков после Великой Отечественной войны, а именно актуальным становился сравнительный анализ двух военных конфликтов и соответствующей политики правительства, направленной на мобилизацию экономики. В крупных монографиях советских исследователей — Г. И. Шигалина, И. В. Маевского, А. Л. Сидорова² дан глубокий и всесторонний анализ развития экономики России в годы Первой мировой войны, в основе которого лежит критика рыночных, «буржуазных» механизмов мобилизации. Текстильная отрасль вновь не стала для них предметом отдельного исследования, но ей в работах посвящалась, как правило, одна из глав. В исследовании А. Л. Сидорова уделено внимание работе ключевого органа в сфере мобилизации промышленности — Особому совещанию по обороне государства (ОС). Однако его деятельность историк считает неэффективной: «Общее экономическое развитие и интересы военного хозяйства требовали всемерного усиления плановости в перевозках, в распределении и добыче топлива, но все эти мероприятия наталкивались на организованное сопротивление буржуазии, выступившей против всякой попытки регулирования, которое угрожало или могло угрожать ее личным интересам, интересам наживы»³.

После распада СССР и смены приоритетов в исторической науке позиция исследователей касательно данной темы меняется. Текстильная отрасль по-прежнему не находится в центре внимания исследователей. Последние работы в рамках

¹ Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX в. — 30-е гг. XX в.). М.: Эпифания, 1994. С. 199–203.

² Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956; Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М.: Госполитиздат, 1957; Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973.

³ Сидоров А. Л. Указ. соч. С. 145.

этой проблемы стали носить региональный характер. Обращение к этим публикациям свидетельствует о весьма серьезной переоценке положений советской историографии. В статье С. И. Белова, посвященной мобилизации текстильного производства в Верхнем Поволжье, автор утверждает, что бессистемные административно-командные методы правительства оказались несостоятельными, тогда как подключение к процессу снабжения армии военно-промышленных комитетов стало весьма полезным, поскольку именно комитетам, обладавшим информацией о местной специфике предприятий, удалось «загрузить тех заказами, что дало толчок производству и смягчило кризисную ситуацию»⁴. Таким образом, вклад промышленников стал оцениваться диаметрально противоположно.

К такому же выводу пришел исследователь А. О. Гулин, который рассмотрел производство военной продукции во Владимирской, Костромской, Ярославской губерниях, подчеркнув, что «провинциальные органы власти и общественные силы российской глубинки внесли весомый вклад в дело повышения производства и снабжения армии необходимым вооружением и снаряжением»⁵. Автор обращает внимание на то, что исследуемые им губернии имели развитую текстильную промышленность, и вскользь упоминает об изготовлении в этом регионе полушубков, валенок, шерстяных чулок, землепосевных мешков.

Пространственный анализ общей картины мобилизационных мер (без акцента на какой-либо отдельной отрасли производства), предпринятых царским правительством, и в частности Особым совещанием по обороне, дан в статье Т. В. Алексеева, который отмечает, что «при всех просчетах и недостатках проведенной военно-экономической мобилизации ее итоги не могут не вызывать в целом положительной оценки»⁶. Историк подчеркивает, что у милитаризации экономики есть свои ограничения: «существует некий предел задействования экономического потенциала страны для удовлетворения исключительно военных нужд за счет сокращения общегражданских потребностей»⁷, а превышение этого предела «чревато непредсказуемыми последствиями для военно-политической, социально-экономической, демографической, культурной и иных сфер жизни страны», явно намекая на события 1917 г.

⁴ Белов С. И. Антикризисное управление текстильной промышленностью в губерниях Верхней Волги в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1 (17). С. 40.

⁵ Гулин А. О. Организация производства военной продукции на предприятиях российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIV Международной научной конференции (Иваново, 18–19 марта 2015 г.): в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. Ч. 2. С. 309.

⁶ Алексеев Т. В. Перестройка промышленности России на военный лад: итоги и уроки Первой мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250). С. 22.

⁷ Там же. С. 23.

Часть современных работ обращается к анализу положения текстильной промышленности на уровне отдельных предприятий. В них затрагивается деятельность уже конкретных заводов и фабрик в период войны. Эта тема раскрывается в статьях Л. И. Бородкина и Г. Н. Ульяновой о таких крупных московских текстильных предприятиях, как Даниловская и Трехгорная мануфактуры соответственно⁸. В работах авторы освещают перестройку деятельности отдельных фабрик под воздействием военных заказов, эволюцию структуры рабочей силы, изменение положение рабочих и их взаимоотношения с администрацией предприятий.

Среди последних работ также можно указать труды историка М. В. Оськина. В одной из своих статей автор обращает внимание на кризис вещевого снабжения армии в первые годы войны, отмечая такие крайние меры, на которые пришлось идти командованию, как разрешение призывникам носить собственную одежду или покупать ее у местного населения⁹. Подчеркивает М. В. Оськин также острую нехватку теплых вещей в армии, приводя некоторые свидетельства современников. Вместе с тем он пишет о том, что к весне 1916 г. все передовые части были обеспечены обмундированием в полной мере¹⁰.

Таким образом, несмотря на возросший интерес к проблеме мобилизации текстильной промышленности в отечественной исторической науке, внимания конкретным мероприятиям в рамках мобилизации текстильной промышленности в исторических трудах уделено недостаточно.

Источниковая база исследования. Для анализа и подробного раскрытия данной темы нами привлечены архивные документы из фонда Особого совещания по обороне государства Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) — Ф. 369, а также опубликованные источники — Финансово-экономические ежегодники за 1914–1916 гг. и материалы журналов заседаний Особого совещания по обороне государства. Делопроизводственная документация Особого совещания содержит информацию непосредственно об отдельных мерах, которые оно предпринимало для мобилизации текстильного производства на нужды армии, в то время как ежегодники отражают данные о распределении текстильного сырья, ценах на него и готовую продукцию. Анализ этих данных позволяет более детально раскрыть мобилизационную политику царского правительства и ее результаты.

Ход и результаты исследования. Первая мировая война стала серьезным испытанием для нашей страны. Участие в этом глобальном военном конфликте

⁸ Бородкин Л. И. Динамика уровня жизни российских рабочих в годы Первой мировой войны: новые подходы, новые оценки // *Revue des études slaves*. 2016. № 2 (87). Sociétés en guerre, Russie – Europe centrale (1914–1918). С. 141–162; Ульянова Г. Н. К истории российской промышленности: Прохоровская Трехгорная мануфактура во время Первой мировой войны и революции (1914–1922 гг.) // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения: сборник статей и материалов. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 141–152.

⁹ Оськин М. В. Вещевое снабжение русского солдата в период Первой мировой войны: климат и военная форма в окопах // *История повседневности*. 2019. № 1 (9). С. 59.

¹⁰ Там же. С. 61.

потребовало напряжения всех сил общества и государства. Для современников эта война носила во многом непредсказуемый характер: большинство прогнозировало весьма скоротечную кампанию и, соответственно, подготовка к военным действиям основывалась именно на этом ожидании. Затянувшаяся война требовала от стран-участниц срочно разработать планы по мобилизации народного хозяйства, ведь война потребовала ресурсов и средств в таком масштабе, который до этого никто представить себе не мог. Таким образом, исход войны во многом зависел от того, насколько странам удалось успешно осуществить этот процесс.

Одной из первоочередных проблем, с которой столкнулось Особое совещание по обороне государства (ОС), стала необходимость эвакуации предприятий из западных губерний страны. В частности, в документах ОС можно обнаружить свидетельства о передислокации нескольких текстильных фабрик из Рижского региона, эвакуация которого проводилась в 1915–1916 гг. Акционерное общество (АО) «Льняной и Джутовой мануфактуры» получило содействие в снабжении строительным материалом для восстановления на новом месте, а АО «Текстиль» — ссуду в один млн руб., а затем пособие в размере 100 тыс. руб. для запуска предприятия в Серпухове¹¹. Потеря польского промышленного района нанесла серьезный удар по текстильной промышленности, поскольку на оккупированных врагом территориях оказалось немалое число фабрик. После этого государство предпринимает меры по увеличению мощностей имеющихся в наличии предприятий и восстановлению ранее закрытых мануфактур. Так, в 1915 г. было решено вновь запустить производство на крупной Нижегородской льнопрядильной мануфактуре, закрытой в 1911 г., причем запуск производства был передан в частные руки, а ее новым владельцам была выдана ссуда в размере 1,5 млн руб. и аванс в 500 тыс. руб.¹² Интересно, что Главное интендантское управление (ГИУ) — ключевая структура, отвечающая за снабжение армии текстильной продукцией, — отказалось взять под свое непосредственное управление льнопрядильню, мотивируя это отсутствием должного опыта. Этот пример демонстрирует нам то, как государство привлекало к процессу мобилизации предпринимателей.

Для поддержания необходимого объема текстильного производства требовалось исправное снабжение предприятий сырьем. Крайне обострилась ситуация с хлопком и шерстью, поскольку значительная их часть импортировалась из-за границы, в то время как с началом войны обороты внешней торговли снизились, так как Россия оказалась отрезанной от союзников блоком недружественных стран. Для грамотного и эффективного распределения

¹¹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 369. Оп. 16. Д. 411. Л. 80–81; Д. 416. Л. 2.

¹² Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства: (Особое совещ. по обороне государства). 1915–1918 гг.: публикация / АН СССР. Ин-т истории СССР, Гл. арх. упр. при Совете Министров СССР, Центр. гос. воен. ист. архив СССР; Редкол.: Л. Г. Бескровный (гл. ред.) и др. М.: [б. и.], 1975–1982. Кн. 1. 1915 год. С. 116.

имеющихся в наличии ресурсов создаются два комитета — хлопковый и суконный, — состоящих из чиновников и представителей от промышленников. Хлопковым комитетом создавались специальные анкеты для предприятий, которые содержали такие показатели, как количество веретен, прошлогодние цифры выработки, объемы запасов сырья на фабриках. На основе собранных данных было произведено пять подходов к распределению хлопкового сырья урожая 1914/15 г., по итогам которых фирмы получили 96,1 % своей годовой потребности¹³. В конце 1916 г. меры по контролю только усилились, вплоть до введения централизованной купли-продажи хлопка через комитет¹⁴. В шерстяной отрасли наблюдалась схожая проблема, и суконным комитетом были предприняты меры по стимулированию ввоза импортной шерсти: снижались пошлины, фабрикам выдавали ссуды в иностранной валюте для закупки, при этом до минимума снизился экспорт шерсти¹⁵.

Проблема снабжения предприятий сырьем и полуфабрикатами была связана не только с их недостатком, но и с перебоями в транспортировке: перегруженность железных дорог и других транспортных путей зачастую приводила к ситуациям, когда грузы необходимые для производственного процесса, терялись или застревали на отдельных станциях. В делопроизводстве ОС сохранилось немало документов, представляющих из себя обращения отдельных предприятий с просьбой о помощи в разрешении транспортных проблем. Таковы обращения «Товарищества Д. Г. Бурлылина», Торгового дома «И. Д. Стуколов и Я. С. Королев», «Царевской мануфактуры», «Стодольской суконной фабрики Василия Барышников и Сыновей», шерстомойки Алексева, фабрики В. П. Злоказова¹⁶. Несмотря на то содействие, которое ОС оказывало по этим обращениям, сама процедура разрешения проблем была далеко не быстрой: от момента обращения до решения ОС проходило две недели и более, причем для этого требовалось привлечение и других инстанций. В частности, в случае с ТД «И. Д. Стуколова и Я. С. Королева» и «Царевской мануфактурой» требовалось подтверждение от главного управления генерального штаба. Случай с застрявшими с шерстью вагонами В. П. Злоказова вообще привел к тому, что военный министр А. А. Поливанов лично связался с министром путей сообщения А. Ф. Треповым для устранения этой проблемы. Все это говорит о наличии серьезного рода бюрократических проволочек, явно тормозивших процесс принятия решений¹⁷.

Отдельной немаловажной задачей правительства выступали меры по регулированию цен на сырье и готовую продукцию, причем опасаться стоило как падения, так и роста цен. Дело в том, что в начале войны под угрозой разорения

¹³ Народное хозяйство в 1915 году: Годовые обзоры важнейших отраслей народного хозяйства: (Год 8-й). Пг.: 8-я Гос. тип., 1918. С. 151.

¹⁴ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 411. Л. 104.

¹⁵ Народное хозяйство в 1915 году... С. 163.

¹⁶ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 411. Л. 5–6, 17–20, 61, 91–99; Журналы Особого совещания... Кн. 1–2. 1916 год. С. 40.

¹⁷ Журналы Особого совещания... Кн. 1–2. 1916 год. С. 43–45.

оказались льноводы и шелководы: лен и шелк в значительных объемах в предвоенное время экспортировались за границу, а с началом войны внешняя торговля, как уже отмечалось, замерла. Это грозило затовариванием внутреннего рынка и падением цен. Чтобы этого не допустить, правительство организует в 1914 и 1915 гг. залоговые операции, предполагающие выдачу ссуд под залог льняного волокна и шелковых коконов¹⁸. Это позволило предотвратить выброс сырья на рынок и обвал цен. В годы войны в значительной степени возрос спрос на льняные ткани, что в конце концов, несмотря на избыток льна в начале войны, привело к двукратному росту цен уже в 1915 г., однако своевременных мер против спекулянтов здесь правительством предпринято не было. Вместе с тем куда большую озабоченность государство проявило в отношении хлопка и шерсти, чей дефицит грозил серьезной инфляцией, и именно в этих отраслях оно прибегло к нормировке цен, но и то лишь через год после войны. Твердые цены на хлопок были установлены в августе 1915 г.¹⁹, а на шерсть — в ноябре 1915 г.²⁰ Однако побороть до конца спекуляцию этим не удалось, и в 1916 г. планку цен пришлось повысить и расширить список тканей с директивными ценами. Этот процесс шел параллельно процессу утверждения централизованной торговли. Таким образом, война действительно привела к вмешательству государства в ценообразование, но стоит заметить, что правительство через комитеты согласовывало решения с представителями промышленного сообщества.

Для надлежащего снабжения армии правительству также требовалось проводить политику по распределению военных заказов. Ошибочные представления о краткосрочности военной кампании привели к катастрофическим проблемам в снабжении армии в первой половине 1915 г. Чтобы переломить ситуацию государству потребовалось в разы увеличить объемы заказов, а для их выполнения в большей степени привлечь частную промышленность. Именно во второй половине 1915 г. к снабжению армии начинают привлекаться создаваемые предпринимателями военно-промышленные комитеты и организованный земской и городской общественностью Земгор — главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов. Перед раздачей заказов на заседаниях ОС происходило обсуждение планов по снабжению армии с примерными цифрами по каждому виду продукции. Подобные планы обсуждались и утверждались за полгода до начала расчетного периода. Так, в конце января 1916 г. были утверждены заготовительные планы на белье, походный лагерь и обмундирование на сроки с 1 июня 1916 г. по 1 июля 1917 г.²¹ Вопросы о раздаче заказов и авансов иногда выносились также на обсуждение ОС. На протяжении 1915–1916 гг. на его заседаниях достаточно часто поднимались вопросы о заказах мешков, марли, брезентовых тканей. Можно

¹⁸ Народное хозяйство в 1915 году... С. 117, 171.

¹⁹ Там же. С. 145.

²⁰ Там же. С. 162.

²¹ Журналы Особого совещания... Кн. 1–2. 1916 год. С. 70.

проследить, как решения о расширении заказов на эти предметы сказались на увеличении объема их выпуска в первые годы войны (см. табл. 1).

Таблица 1

Выработка мешков, миткаля и марли, тяжелых брезентовых тканей в России (1913–1916 гг.)²²

Год	Выработка мешков в 1913–1916 гг.			Выработка миткаля и марли в 1913–1916 гг.			Выработка тяжелых брезентовых тканей в 1913–1916 гг.		
	Выработка (в тоннах)	Прирост производства к 1913 г. (в тоннах)	Прирост производства к 1913 г. (в %)	Выработка (в тыс. м)	Прирост / падение объема производства к 1913 г. (в тыс. м)	Прирост / падение объема производства к 1913 г. (в %)	Выработка (в тыс. м)	Прирост объема производства к 1913 г. (в тыс. м)	Прирост объема производства к 1913 г. (в %)
1913	28 944			572			2746		
1914	33 678	4734	16	622	50	9	3215	469	17
1915	33 940	4996	17	681	109	19	5439	2693	98
1916	29 993	1049	4	516	–56	–10	6838	4092	149

Среди документов ОС содержится отчет, который отражает распределение заказов Главного интендантского управления между поставщиками на 1 января 1917 г. На его основании можно сказать, что подавляющее большинство заказов на текстильную продукцию было сделано напрямую предприятиям: на долю общественных организаций — Земгора и Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК) — суммарно приходится около 1,5 %, а еще 4 % — на иностранных поставщиков (см. табл. 2).

Таблица 2

Стоимость военных заказов ГИУ на текстильную продукцию в 1916 г. по разным поставщикам²³

Сумма заказов ГИУ на 01.01.1917	Сумма прямых заказов ГИУ (русские поставщики)	Сумма заказов ЦВПК	Сумма заказов Земгора	Сумма заказов иностранным поставщикам
479 297 780	457 787 126	2 590 000	3 249 925	18 612 854
% от общей суммы	95,51	0,5	0,7	3,9

К этим данным следует относиться с осторожностью, поскольку в представленном отчете ГИУ присутствует мало готовых изделий (в основном это ткани), а также нет перечня по теплым вещам для армии. Вместе с тем следует

²² Кафенгауз Л. Б. Указ. соч. С. 202–203.

²³ РГВИА. Ф. 369. Оп. 21. Д. 263. Л. 18–23.

подчеркнуть, что, исходя даже из этих данных, можно говорить о том, что Земгор играл весомую роль в снабжении кавалерии необходимыми принадлежностями (троками, торбами, попонами, мешками для овса, коновязными веревками), а ЦВПК внес вклад в изготовление полевых носилок и сухарных мешков. Кроме того, просмотр отдельных документов, касающихся заказов Земгору, говорит о том, что он поставлял часть зимнего обмундирования — полушубков, валенок, шерстяных перчаток и чулок²⁴. Однако выполнение общественными организациями заказов было ненадлежащим: к лету 1916 г. общая недостача Земгора исчислялась в сумме 256 000 руб., у ЦВПК — 14 025 398 руб. Это привело к тому, что ОС решило провести ревизию всех заказов, отданных этим организациям²⁵. Обе структуры должны были отчитаться о полученных авансах и выполненных заказах. Ситуация с проверкой для Земгора затянулась на месяц, для ЦВПК — примерно на два, в течение которых была приостановлена выдача им новых финансовых средств, что, судя по их обращениям, поставило обе организации в сложное положение. Тем не менее государство в будущем не отказалось от их услуг.

Одной из проблем, с которой столкнулись не только текстильные предприятия, стало сокращение мужчин-работников из-за призыва в армию, что зачастую лишало фабрики и заводы квалифицированных специалистов. ОС обратило внимание на этот вопрос, и предпринимателям была предоставлена возможность подавать списки специалистов, которых требовалось вернуть с фронта. К сожалению, процедура была затянутой и крайне неэффективной. Что касается текстильной промышленности, то здесь удельный вес мужского труда на протяжении войны снижается, однако общая численность работников не претерпевает серьезного падения. Компенсировать убыль мобилизованных рабочих удалось расширением применения женского и подросткового труда, причем правительство для этого в 1915 г. приняло решение о снятии ограничений на использование труда указанных категорий населения. Данная мера позволила избежать дефицита рабочих рук в текстильной промышленности.

Заключение. Подводя итог, следует сказать, что государством был принят ряд важных мер для перевода текстильной отрасли на военные рельсы и поддержания выпуска текстильной продукции для снабжения армии. Не все меры имели высокую степень результативности, однако ситуацию со снабжением вооруженных сил удалось поправить в 1915–1916 гг. При этом государство в значительной степени усилило свое вмешательство в экономику, особенно в связи с проблемой дефицита хлопка и шерсти, что вынуждало фактически вводить централизованную куплю-продажу. Тем не менее правительство не покусилось на основы рыночного механизма, согласовывая, а также привлекая представителей частного крупного и среднего бизнеса и общественности к делу мобилизации.

²⁴ РГВИА. Ф. 369. Оп. 16. Д. 425. Л. 7, 13–14.

²⁵ Там же. Д. 427. Л. 38.

Изучение исторического опыта мобилизации промышленности, ее перестройки на выпуск определенных, крайне необходимых товаров представляется весьма актуальным, поскольку сегодня ни одна экономика не застрахована от разного рода непредсказуемых вызовов, которые требуют от правительства принятия своевременных и верных решений.

Литература

1. Алексеев Т. В. Перестройка промышленности России на военный лад: итоги и уроки Первой мировой войны // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2016. № 3 (250). С. 16–25.
2. Белов С. И. Антикризисное управление текстильной промышленностью в губерниях Верхней Волги в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 3-1 (17). С. 37–40.
3. Бородин Л. И. Динамика уровня жизни российских рабочих в годы Первой мировой войны: новые подходы, новые оценки // *Revue des études slaves*. 2016. № 2 (87). *Sociétés en guerre, Russie – Europe centrale (1914–1918)*. С. 141–162. DOI: 10.4000/res.858
4. Гулин А. О. Организация производства военной продукции на предприятиях российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XIV Международной научной конференции (Иваново, 18–19 марта 2015 г.): в 2 ч. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2015. Ч. 2. С. 301–310.
5. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (послед. треть XIX в. – 30-е гг. XX в.): [сборник] / [вступ. ст. А. Н. Марковой]; Рос. АН, Ин-т экономики, Междунар. фонд «Культ. инициатива». М.: Эпифания, 1994. 848 с. (ПЭМ. Памятники экономической мысли).
6. Маевский И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны / Акад. наук СССР. Ин-т экономики. М.: Госполитиздат, 1957. 392 с.
7. Оськин М. В. Вещевое снабжение русского солдата в период Первой мировой войны: климат и военная форма в окопах // История повседневности. 2019. № 1 (9). С. 54–66.
8. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны / [АН СССР. Ин-т истории СССР]. М.: Наука, 1973. 660 с.
9. Ульянова Г. Н. К истории российской промышленности: Прохоровская Трехгорная мануфактура во время Первой мировой войны и революции (1914–1922 гг.) // Валерий Иванович Бовыкин: Человек. Исследователь. Педагог. К 90-летию со дня рождения: сб. статей и материалов / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2019. С. 141–152.
10. Шигалин Г. И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. 332 с.

References

1. Alekseev T. V. Perestroika promyshlennosti Rossii na voennyi lad: itogi i uroki Pervoi mirovoi voiny [Restructuring of Russia's industry in a military way: the results and lessons of the First World War] // *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo*

gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. 2016. № 3 (250). S. 16–25. (In Russ.).

2. Belov S. I. Antikrizisnoe upravlenie tekstil'noi promyshlennost'iu v guberniiakh Verkhnei Volgi v gody Pervoi mirovoi voiny (1914 – fevral' 1917 g.) [Anti-crisis management of textile industry within Upper Volga region provinces during the First World War (1914 – February 1917)] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. 2012. № 3-1 (17). S. 37–40. (In Russ.).

3. Borodkin L. I. Dinamika urovnia zhizni rossiiskikh rabochikh v gody Pervoi mirovoi voiny novye podkhody, novye otsenki [The evolution of the living standards of the Russian workers during the First World War: new approaches and assessments] // Revue des études slaves. Sociétés en guerre. 2016. № 2 (87). Sociétés en guerre, Russie – Europe centrale (1914–1918). C. 141–162. DOI: 10.4000/res.858 (In Russ.).

4. Gulin A. O. Organizatsiia proizvodstva voennoi produktsii na predpriatiiakh rossiiskoi provintsii v gody pervoi mirovoi voiny (na materialakh Vladimirovskoi, Kostromskoi i Iaroslavskoi gubernii) [Organization of production of military products at enterprises of the Russian province during the First World War (on materials of the Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces)] // Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. (Ivanovo, 18–19 marta 2015 g.): v 2 ch. Ivanovo: Ivan. gos. un-t, 2015. Ch. 2. S. 301–310. (In Russ.).

5. Kafengauz L. B. Evoliutsiia promyshlennogo proizvodstva Rossii (posled. tret' XIX v. – 30-e gg. XX v.) [Evolution of industrial production in Russia]: [sbornik] / [vstup. st. A. N. Markovoi]; Ros. AN, In-t ekonomiki, Mezhdunar. fond «Kul't. initsiativa». M.: Epifaniia, 1994. 848 s. (PEM. Pamiatniki ekonomicheskoi mysli). (In Russ.).

6. Maevskii I. V. Ekonomika russkoi promyshlennosti v usloviiakh Pervoi mirovoi voiny [The economy of Russian industry during the First World War] / Akad. nauk SSSR. In-t ekonomiki. M.: Gospolitizdat, 1957. 332 s. (In Russ.).

7. Os'kin M. V. Veshchevoe snabzhenie russkogo soldata v period Pervoi mirovoi voiny: klimat i voennaia forma v okopakh [The clothing supply of the Russian soldier during the First World War: the climate and a military uniform in the trenches] // Istoriia povsednevnosti. 2019. № 1 (9). S. 54–66. (In Russ.).

8. Sidorov A. L. Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoi mirovoi voiny [The economic situation of Russia during the First World War] / [AN SSSR. In-t istorii SSSR]. M.: Nauka, 1973. 660 s. (In Russ.).

9. Ul'ianova G. N. K istorii rossiiskoi promyshlennosti: Prokhorovskaia Trekhgor-naia manufaktura vo vremia Pervoi mirovoi voiny i revoliutsii (1914–1922 gg.) [The history of Russian industry and a case of the Prokhorovskaya Trekhgornaya manufactory during the Russia's great war and revolution (1914–22)] // Valerii Ivanovich Bovykin: Chelovek. Issledovatel'. Pedagog. K 90-letiiu so dnia rozhdeniia: sbornik statei i materialov / ed. by Iu. A. Petrov. M.: IRI RAN, 2019. S. 141–152. (In Russ.).

10. Shigalin G. I. Voennaia ekonomika v Pervuiu mirovuiu voinu [Military economy in the First World War]. M.: Voenizdat, 1956. (In Russ.).

УДК 9(93)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.04

Малышева Ольга Геральдовна

доктор исторических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

e-mail: MalyshevaOG@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-6321-9048

Безина Елизавета Александровна

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

e-mail: lizagrib@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2804-8933

«СТРИЖЕННЫЕ СТУДЕНТКИ»: ПРОБЛЕМА ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «МОСКОВСКИЕ ВЕДОМОСТИ»

Аннотация. Статья посвящена одной из ярких страниц становления высшего образования в истории России — женскому высшему образованию. Данная проблема во второй половине XIX в. живо интересовала российскую общественность, вызывая самые различные отклики. Не осталась в стороне от развернувшихся дискуссий популярная газета охранительного толка «Московские ведомости», редактором которой был Михаил Никифорович Катков. Авторы исследования предприняли попытку анализа отношения к высшему женскому образованию, высказываемому на страницах газеты. Это существенно уточняет наши представления о многообразии мнений в вопросе высшего женского образования во второй половине XIX столетия.

Ключевые слова: Высшие женские курсы, классическая гимназия, высшее образование, нигилизм, «Московские ведомости», М. Н. Катков.

Malysheva Olga G.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

e-mail: MalyshevaOG@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-6321-9048

Bezina Elizaveta A.

Postgraduate

Moscow City University

Moscow, Russia

e-mail: lizagrib@mail.ru; ORCID: 0000-0002-2804-8933

**«SHORT-HAIRED STUDENTS»:
THE PROBLEM OF WOMEN'S HIGHER EDUCATION
IN «MOSKOVSKIE VEDOMOSTI»**

Abstract: This article addresses one of the brightest pages in history of Russian higher education — higher education of women. This topic was vividly discussed in Russian society of the second half of XIX century, calling forth various opinions. A popular conservative paper “Moskovskie Vedomosti”, with Mikhail Nikiforovich Katkov as it's chief editor, was not left out of the debate. The authors of this article have attempted to analyse the opinions on women's higher education that were stated on pages of the journal. This work clarifies our ideas about the multitude of opinions on the topic of women's higher education in the second half of XIX century.

Keywords: women's higher courses, classical gymnasium, higher education, nihilism, “Moskovskie vedomosti”, M. N. Katkov.

Введение. В современном мире женщина имеет равные права с мужчиной. Путь к достижению такого положения был трудным и достаточно тернистым. Так, еще полтора века назад и речи не было о мужском и женском равенстве во многих вопросах, особенно касающихся права на получение образования. Так, возможность получения женщинами образования, в том числе высшего, — это долгий и кропотливый путь, который пришлось пройти российским женщинам и обществу во второй половине XIX в. Данный период был пронизан духом либеральных реформ Александра II, которые, безусловно, заложили тенденции к новому взгляду на общественное развитие российского общества, а особую поддержку ему давали представители интеллигенции, которые активно «начинают обсуждать проблему эмансипации женщин»¹.

Вопросы женского образования, включая высшее, всегда привлекали внимание исследователей. Среди дореволюционных исследователей необходимо

¹ Карченкова Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. С. 3.

отметить современницу и активную участницу становления высших женских курсов — Е. О. Лихачеву². Именно она впервые в отечественной истории написала фундаментальный труд по женскому образованию в России, как среднему, так и высшему. Обширный материал, обработанный и систематизированный Лихачевой, до сих пор является основополагающим для исследователей женского образования. Советские ученые первой половины XX в. к проблемам высшего женского образования в дореволюционный период практически не обращались. Только во второй половине XX в., после периода «оттепели», стали появляться работы, посвященные женскому образованию. Отметим труд Г. А. Тишкина³, основанный на обширном источниковом материале. Автор подчеркивает нежелание со стороны монархической власти идти на уступки нарастающему женскому движению, однако этот процесс уже не мог быть приостановлен. Особое внимание уделяется тематике революционной борьбы, в которую все активнее вовлекались студентки. На современном этапе вопросы женского образования чаще становятся объектом самостоятельных исследований⁴. Отдельного внимания заслуживает монография О. Б. Вахромеевой⁵, в которой автор детально рассматривает становление и развитие женских Бестужевских курсов, а также дает обзор политико-правового положения женщин в Российской империи, используя широкую источниковую базу. Однако в этих и других работах исследователи не уделяли внимания Михаилу Никифоровичу Каткову как публицисту, неоднократно поднимавшему вопрос о женском образовании в своей газете. Авторы статьи надеются дополнить представления об общественно-политических взглядах консервативного лагеря по вопросам женского образования.

Теоретико-методологической основой и методами работы стали совокупность принципов объективности научного исследования и историзма, а также принципа всесторонности, который предполагает исследование различных сторон интересующей нас проблемы. Руководствуясь принципом объективности, авторы исследовали и сопоставили имеющиеся точки зрения и стремились сделать собственные выводы, основанные на фактическом материале.

Ход и результаты исследования. В Российской империи к середине XIX в. система среднего женского образования в основном сложилась. Однако она не удовлетворяла стремление женщин к образованию. «По окончании курса [гимназистки] ищут новых познаний и пристращаются к науке»⁶, — писал

² Лихачева Е. О. Материалы для истории женского образования в России (1856–1880). СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 887 с.

³ Тишкин Г. А. Женский вопрос в России, 50–60-е гг. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.

⁴ См.: Шилина Т. А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII – начало XX вв.). автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. 27 с. и др.

⁵ Вахромеева О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918): со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: к 140-летию Бестужевских курсов. М.: РОССПЭН, 2018. 903 с.

⁶ Стоюнин В. Я. Избранные педагогические сочинения. М., 1991. С. 223.

В. Я. Стоюнин, знаменитый русский педагог и публицист, пропагандист развития женского образования. Либеральные реформы императора Александра II придали особую остроту проблеме образования в стране вообще и женскому образованию в частности.

Российская общественность стремилась внести свой вклад в ее решение, что выражалось в финансировании привилегированными слоями частных женских учебных заведений. В двух столицах Российской империи в 70-е гг. XIX в. были открыты курсы, доступные для женщин: Аларчинские и Владимирские в Петербурге и Лубянские в Москве. Тем не менее курсы были лишь дополнением к гимназическому образованию и не восполняли потребность в получении женщинами высшего образования.

Между тем в обществе все громче звучат требования расширения границ доступного образования для женщин. Главной целью становится право на получение женщинами высшего образования. Требования передовой части общества относительно большей доступности высшего женского образования вызывали резкое неприятие в верхних эшелонах власти. «Важнейшая и естественная обязанность женщины — воспитание и образование детей — не нуждается собственно в университетских курсах»⁷, — решительно заявлял в ответ на обращение инициативной группы министр народного просвещения в 1868 г. Однако возникшая проблема требовала разрешения.

В качестве выхода из данной ситуации потенциальные студенты, в том числе представительницы женского пола, стремились попасть на обучение в лучшие университеты Европы. В частности, многие русские девушки уезжали в Цюрих для получения высшего образования, где они с головой окунались в революционные течения. Русские консерваторы с большим раздражением относились к этому, полагая, что в Европе и в самом Цюрихе сосредоточена российская революционная эмиграция, а русские женщины становятся их «подпольными агентами»⁸. Действительно, на тот момент в Швейцарии проживал П. Л. Лавров, создавший журнал «Вперед!», ставший рупором народного движения. В письме С. А. Подолинского П. Л. Лаврову отмечается, что женщины в Цюрихском университете очень активны, «сверх существующих образуются новые партии»⁹. Заметим, что российских студенток отличала и в самом деле высокая политическая активность.

Вскоре правительство Александра II пришло к пониманию того, насколько опасно такое положение не только для молодых людей, но и для государства в целом. Власть приходит к вынужденному решению — открыть Высшие женские

⁷ Песковский М. Л. Очерк истории высшего женского образования в России (за 20 лет) // Наблюдатель. 1882. № 4. С. 78.

⁸ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2. Воспоминания 1865–1881 г. СПб.: Тип. кн. В. П. Мещерского, 1898. С. 15.

⁹ Лавров — годы эмиграции: арх. материалы в 2 т. / отобрал, снабдил примеч. и вступительным очерком Борис Сапир. Т. 2. От «Вперед!» к «Группе Старых Народовольцев». Dordrecht; Boston: Reidel, cop. 1974. С. 27.

курсы в России. В 1872 г. в Москве начинают работать Высшие женские курсы под руководством В. И. Герье. Своей задачей они ставили подготовку педагогов для низшей и средней женской школы.

Несмотря на нововведения, девушки по-прежнему продолжали покидать империю и получать образование за рубежом. Для решения данного вопроса была организована комиссия во главе с И. Д. Деляновым, в которую входили опытные педагоги и чиновники. С 1876 г. разрешалось открытие высших женских курсов в университетских городах. «Открытие курсов признавалось не только полезным, но и необходимым, чтобы прекратить наплыв русских женщин в заграничные университеты»¹⁰.

В 1878 г. в ответ на прошение А. П. Философовой, Н. В. Стасовой, Е. Н. Ворониной и профессора А. Н. Бекетова в Петербурге открываются Высшие женские курсы под руководством профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Данные курсы в народе стали носить название «бестужевских», а их студенток называли «бестужевками». Сами курсы носили характер частного учебного заведения, но уже спустя год, «в 1879 году было ассигновано курсам от казны по 3000 рублей ежегодного пособия, а с 1882 года — такую же сумму стал отпускать и город» на нужды курсов¹¹. Лекции на курсах читали видные университетские профессора того времени в объеме университетского образования.

Можно согласиться с мнением современного исследователя Л. Г. Орчаковой в части того, что женское образование в ходе реформ второй половины XIX в., во-первых, в численных показателях опережало мужское, во-вторых, именно в женском образовании закладывался принцип всесословности¹². Итогом второй половины XIX в. было создание в Российской империи массового образования европейского уровня.

Тема высшего женского образования, несомненно, поднималась и в публицистике того времени. Одна из самых популярных охранительных газет второй половины XIX в. — «Московские ведомости», — принадлежавшая Московскому университету и выпускавшаяся под редакцией Михаила Никифоровича Каткова, также не осталась в стороне от обсуждения женского вопроса. Несмотря на поддержку правительственных кругов, М. Н. Катков стремился сохранять собственный взгляд на события, который он транслировал через свою газету.

Образовательный вопрос глубоко волновал известного публициста, ему он посвятил многие годы своей жизни, вступая в контакты с правительственной элитой и пытаясь последовательно продвигать свою идею о классическом

¹⁰ Краткая историческая записка о Высших женских курсах в С.-Петербурге. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. С. 9.

¹¹ Зинченко Н. Е. Женское образование в России: Ист. очерк. СПб.: Комм[ерч]. скор[опеч]., 1901. С. 29.

¹² Орчакова Л. Г. Вопросы женского образования в деятельности III Государственной думы (1907–1912 гг.) // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. СПб.: Астерион, 2020. Ч. 1. С. 166.

гимназическом образовании для обоих полов. Михаил Никифорович много писал о женском образовании, в том числе и высшем. Рассмотрим их подробнее.

На следующий год после открытия курсов В. И. Герье в «Московских ведомостях» появляется статья, посвященная высшему женскому образованию. «Вопрос о женском образовании заслуживает серьезного внимания... Плохое дело расправляться с возникающими вопросами необращением на них внимания... Пусть женщина идет здесь наравне с мужчиной: она приобретет силу, которая везде ей пригодится и во всем возвысит ее внутреннее достоинство»¹³. Основной акцент в данном высказывании следует поставить на равенстве полов. Михаил Никифорович Катков был последовательным поборником равного образования для мальчиков и девочек, без послаблений для женского пола. Это была насущная проблема в связи со значительной разницей в учебных планах женских и мужских гимназий¹⁴. В настоящие университеты молодые люди могли поступать только после окончания мужских гимназий, так как их учебный план позволял осуществить хорошую подготовку.

Проблема революционной пропаганды и вовлечения молодежи в антиправительственную, а зачастую и в террористическую деятельность, остро стояла в Российской империи. С большим сожалением М. Н. Катков отмечал, что женщины отныне принимают активное участие в данной деятельности. Информация об этом то и дело появлялась на страницах «Московских ведомостей». Так, в марте 1880 г. газета писала: «Достаточно вспомнить о женском образовании. Не образование, а нечто совсем иное — причина тех восторгов какие возбуждали все эти женские курсы: акушерские, медицинские, высшие, разные, создающие класс курсисток, которому должна де завидовать Европа...»¹⁵ Спустя год, в апреле 1881 г.: «Формировались одни за другими революционные кружки из студентов Медико-хирургической академии, Технологического института, из слушательниц акушерских и женских курсов и т. д.»¹⁶.

М. Н. Катков крайне негативно относился к этому, что со всей очевидностью следует из пренебрежительного тона публициста: по его мнению, курсы занимаются не высшим образованием, а являются рассадником революционных идей и нигилизма. Самих студенток Катков с неприязнью называл «стрижеными студентками»¹⁷ и «стрижеными уродами»¹⁸, отмечая их внешний облик, отличающий девушек «нового образца» от прежних.

Впрочем, не только публицист давал такую оценку посетительницам женских курсов. В. П. Мещерский, редактор газеты «Гражданин», которого мы без сомнения отнесем к представителям консервативного лагеря, давал

¹³ Московские ведомости. 1873. № 220. С. 645–653.

¹⁴ Зорина Т. М. Женское образование в России в XIX в. — «за» и «против» // Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 18.

¹⁵ Московские ведомости. 1880. № 84. С. 173.

¹⁶ Там же. 1881. № 99 Б. С. 177.

¹⁷ Там же. 1882. № 245 Б. С. 464.

¹⁸ Там же. 1882. № 150. С. 272.

следующую оценку внешности посетительниц Бестужевских курсов: «самые уродливые физически, передовые девицы, стриженные, с синими очками, в мужских пиджаках»¹⁹. Совершенно очевидно, что и этот автор не испытывает симпатии к данным представительницам прекрасного пола.

Схожую оценку приводит в своей работе О. Б. Вахромеева. В 1871 г. градоначальник Санкт-Петербурга Ф. Ф. Трепов в своей записке Александру II по поводу состояния публичных женских курсов отмечает: «Все они одеты в черные платья, у всех почти коротко выстрижены волосы, очки... словом — это общество петербургских нигилисток»²⁰. Как видим, помимо отрицательной характеристики внешности слушательниц женских курсов автор негативно оценивает их политическую благонадежность.

В январе 1878 г. случилось покушение Веры Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, которое наделало много шума в российском обществе. Напомним, что молодая революционерка дважды стреляла в градоначальника, но в ходе судебного разбирательства присяжными заседателями была оправдана и под аплодисменты зала освобождена. Михаил Никифорович Катков не забыл упомянуть об этом событии в контексте вопросов высшего образования. «Что было бы с университетскою молодежью лет за десять перед сим, если бы в то время общество “старших” явило такой скандал, например, как процесс Веры Засулич? Благодарение Богу! В последнее время положены у нас основы подготовительной к университетам школы (подразумевается классическая гимназия. — *О. М., Е. Б.*). Она действует недавно и среди самых неблагоприятных общественных условий, и она еще далека от совершенства, но уже благодетельства ее чувствуются»²¹. Таким образом, публицист в очередной раз упоминает о пропагандируемой им системе образования — классической гимназии, которая, по его мнению, должна была стать основой среднего образования.

Без системной гимназической подготовки знания, получаемые в высшей школе, по мнению Каткова, были просто бесполезны, так как не давали необходимых основ. Мужские классические гимназии существовали в Российской империи, в то время как классическая женская гимназия была лишь одна на всю страну и... у его протезе — Софьи Николаевны Фишер. Основательница классической женской гимназии имела существенную поддержку публициста и его газеты. Признавали это и современники Каткова, и российские исследователи, в том числе современные²².

Тогда же, во второй половине XIX в., в ходе полемики о российском образовании необходимость последовательного, основательного образования отмечалась

¹⁹ Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 2. Воспоминания 1865–1881 г. СПб., 1898. С. 230.

²⁰ Вахромеева О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах. М., 2018. С. 117.

²¹ Московские ведомости. 1878. № 314 Б. С. 559.

²² Перевалова Е. В. Вопросы женского высшего образования в отечественной прессе 1860–1880-х гг. (На материале газеты «Московские ведомости») // Высшее образование в России. 2015. № 4. С. 139.

Катковым из года в год. Публицист указывал, что «высшее, среднее и низшее образование необходимо и полезно для народа, но только под условием, чтобы образование это на всех трех ступенях было действительностию, а не обманом, образованием истинным, а не фальшивым»²³. Михаил Катков считал, что в отличие от Европы в России женский вопрос служит только одной цели — развращению женщины и разрушению семьи. В своих статьях он критикует общественное движение, поощряющее денежным путем женские врачебные курсы, считая, что за благими целями кроется отсутствие понимания сути женского вопроса. Катков с энтузиазмом принимается за объяснение этой сути: женщина имеет равные с мужчиной права на образование, однако приобретать их она должна таким же путем, как и мужчины. «Если женщина имеет одинаковые права на образование, то это прежде всего значит, что она имеет право учиться в таких же ученых школах, каковы мужские классические гимназии»²⁴.

Далее автор приводит в пример классическую гимназию г-жи Фишер, в которой девочки получают образование, идентичное мужскому, и с укором отмечает, что Петербургские высшие женские курсы, «общедоступные, не требующие даже подготовительного образования, привлекают в Петербург громадное количество бедных женщин и девушек, которые без этой лженаучной приманки спокойно сидели бы в своих провинциальных городах...»²⁵

Катков не считал нужным скрывать свое крайне негативное отношение к женским курсам и призывает правительственные круги и общественность к пересмотру оценки их деятельности, поскольку они лишь «портят» женщин. Такого рода высказывания публициста невольно наводят на мысль о том, что он в конечном счете был сторонником привилегированности высшего женского образования. Отказ женским курсам в праве на существование на деле означал, что только женщина с достатком может позволить себе учиться. В противном случае ей приходится работать, недосыпать, недоучиваться, проживать жизнь в постоянных лишениях. В подтверждение этой позиции на страницах газеты «Московские ведомости» приводится высказывание г-жи Цебриковой, одной из деятельниц феминистического движения того времени, показывающей «цену» получения высшего образования: «одна постель на троих, которою пользуются по очереди... эти бессонные ночи над оплачиваемую грошами перепиской вместо отдыха»²⁶.

Катков снова и снова демонстрирует свое негативное отношение к имеющимся высшим женским курсам, подчеркивая, что «для этой жалкой мишуры («поверхностное» женское образование. — О. М., Е. Б.) приносятся в жертву здоровье, молодость, женственность»²⁷. Непривилегированная дама, по мнению

²³ Московские ведомости. 1882. № 22. С. 40.

²⁴ Там же. № 150 А. С. 272.

²⁵ Там же. С. 273.

²⁶ Там же. С. 274.

²⁷ Там же.

редактора газеты, могла бы сыскать себе поприще в другом, более подходящем для нее месте — в роли жены, матери, хозяйки. Несмотря на прогрессивность идей публициста и неоднократную поддержку женского вопроса в своей газете, тема высших женских курсов постоянно получала негативные оценки и отзывы со стороны одной из крупнейших газет XIX столетия.

Заключение. Публицистическая деятельность главного редактора «Московских ведомостей» М. Н. Каткова отражала его взгляды на образовательную систему в Российской империи. Детальное рассмотрение пропагандируемых им идей позволяет нам сделать следующий вывод: Катков был увлечен темой женского образования, которая была весьма актуальна во второй половине XIX в. Высоко оценивая систему классического гимназического образования, он желал распространить ее и на женское, и на мужское образование, полагая, что именно классическая гимназия подготавливает наилучшим образом к высшему образованию, в чем он, безусловно, был прав: только после классической гимназии можно было поступить в университет.

Либеральные преобразования второй половины XIX в. затронули и систему образования. В 1870-е гг. в Российской империи были открыты частные высшие женские курсы, которые не требовали предшествующего гимназического образования для поступления. Как безусловный монархист и сторонник сословных привилегий, М. Н. Катков считал, что женское образование, как и мужское, может быть только системным и доступным людям с достатком, ведь получение образования дело упорное и не может быть совместимо с поиском средств к существованию. В том числе по этой причине имеющиеся Высшие женские курсы оценивались публицистом крайне негативно, в них он видел рассадник крамолы и нигилизма. Вопреки мнению известного публициста процесс получения женщинами высшего образования на женских курсах набирал обороты, а в 1910 г. власть вынуждена была пойти в этом вопросе на существенные уступки: началось уравнивание в правах дипломов высших женских курсов и мужских учебных заведений.

Литература

1. Вахромеева О. Б. Преподавание наук на Высших женских (Бестужевских) курсах (1878–1918): со вступительным очерком «Границы женской эмансипации в дореволюционной России»: к 140-летию Бестужевских курсов. М.: РОССПЭН, 2018. 903 с. (Ubi universitas, ibi Europa).
2. Зорина Т. М. Женское образование в России в XIX в. — «за» и «против» // Педагогическое образование в России. 2010. № 2. С. 16–22.
3. Карченкова Т. А. Женский вопрос в российской публицистике второй половины XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2004. 22 с.
4. Орчакова Л. Г. Вопросы женского образования в деятельности III Государственной думы (1907–1912 гг.) // Таврические чтения 2019. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность: Международная научная конференция, С.-Петербург, Таврический дворец, 5–6 декабря 2019 г.: сб. науч. статей: в 2 ч. / под ред. А. Б. Николаева. СПб.: Астерион, 2020. Ч. 1. С. 165–169.

5. Перевалова Е. В. Вопросы женского высшего образования в отечественной прессе 1860–1880-х гг. (на материале газеты «Московские ведомости») // Высшее образование в России. № 4. 2015. С. 136–142.
6. Тишкин Г. А. Женский вопрос в России, 50–60 гг. XIX в. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 239 с.
7. Шилина Т. А. Эволюция женского образования в России: государственная политика и общественная инициатива (конец XVIII – начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2010. 27 с.

References

1. Vakhromeeva O. B. Prepodavanie nauk na Vysshikh zhenskikh (Bestuzhevskikh) kursakh (1878–1918): so vstupitel'nyim ocherkom «Granitsy zhenskoï emansipatsii v dorevoliutsionnoi Rossii»: k 140-letiiu Bestuzhevskikh kursov [The teaching of sciences on Higher female (Bestuzhev) courses]. M.: ROSSPEN, 2018. 903 s. (Ubi universitas, ibi Europa). (In Russ.).
2. Zorina T. M. Zhenskoe obrazovanie v Rossii v XIX v. — «za» i «protiv» [Female education in XIX century Russia. Pro et contra] // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2010. № 2. S. 16–22. (In Russ.).
3. Karchenkova T. A. Zhenskii vopros v rossiiskoi publitsistike vtoroi poloviny XIX veka [‘The Female Problem’ in Russian journalism in the second half of XIX century]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2004. 22 s. (in Russ.).
4. Orchakova L. G. Voprosy zhenskogo obrazovaniia v deiatel'nosti III Gosudarstvennoi dумы (1907–1912 gg.) [The problem of female education in the working of the III State Duma (1907–1912)] // Tavricheskie chteniia 2019. Aktual'nye problemy parlamentarizma: istoriia i sovremennost': Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, S.-Peterburg, Tavricheskii dvorets, 5–6 dekabria 2019 g.: sb. nauch. statei: v 2 ch. / pod red. A. B. Nikolaeva. SPb.: Asterion, 2020. Ch. 1. S. 165–169. (In Russ.).
5. Perevalova E. V. Voprosy zhenskogo vysshego obrazovaniia v otechestvennoi presse 1860–1880-x gg. (Na materiale gazety «Moskovskie vedomosti») [The problem of female higher education in Russian press of 1860-1880 (Based on the materials of the «Moskovskie Vedomosti» paper)] // Vysshee obrazovanie v Rossii. № 4. 2015. S. 136–142. (In Russ.).
6. Tishkin G. A. Zhenskii vopros v Rossii, 50–60 gg. XIX v. [The Female Problem in 1850–1860 Russia]. L.: Izd-vo LGU, 1984. 239 s. (In Russ.).
7. Shilina T. A. Evoliutsiia zhenskogo obrazovaniia v Rossii: gosudarstvennaia politika i obshchestvennaia initsiativa (konets XVIII – nachalo XX vv.) [Evolution of female higher education in Russia: state politics and public initiative]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2010. 27 s. (In Russ.).

УДК 94(470) «1917»

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.04

Николаев Андрей Борисович

доктор исторических наук, профессор

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru; ORCID: 0000-0001-5256-1852

ЦИК СОВЕТОВ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ (1917 год)

Аннотация. В статье рассматривается отношение Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов к Государственному совещанию, созванному Временным правительством в августе 1917 г. В результате проведенного исследования доказано, что все колебания ЦИК Советов в июле и начале августа 1917 г. в вопросе о созыве Государственного совещания определялись тем, что он стремился получить на нем как можно больше мест. Идя на Государственное совещание, ЦИК Советов ставил своей целью защиту коалиционного Временного правительства. Для этого была выработана декларация 14 августа 1917 г. и создан демократический блок, в который вошли около 1200 участников Государственного совещания. ЦИК Советов достиг цели своего участия в Государственном совещании — коалиция была спасена.

Ключевые слова: Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ЦИК Советов), Бюро ЦИК Советов, декларация 14 августа 1917 г., демократический блок, Н. С. Чхеидзе.

Nikolaev Andrej B.

Doctor of Historical Sciences, Professor

The Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint-Petersburg, Russia

e-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru; ORCID: 0000-0001-5256-1852

THE TSIK OF SOVIETS AND THE STATE CONFERENCE (1917)

Abstract. The article analyzes the attitude of the Central Executive Committee of the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies towards the State Conference which was convened by the Provisional Government in August of 1917. The result of the study showed that all the hesitations of the Central Executive Committee of the Soviets in July and early August of 1917 about the State Conference were determined by the fact that the Committee tried to get as many seats as possible. TsIK aimed to protect the coalition Provisional

Government at the State Conference. The Declaration of August 14 and the formation of Democratic bloc (1,200 participants of the State Conference) were connected with this purpose. Through the participation in the State Conference, TsIK of Soviets reached its goal: the coalition was saved.

Keywords: Central Executive Committee of the Soviets of Workers' and Soldiers' Deputies, Bureau of the Central Executive Committee of Soviets (TsIK of Soviets), Declaration of August 14, 1917, Democratic bloc, N. S. Chkheidze.

Введение. Вопрос об участии Центрального исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов (ЦИК Советов) в Государственном совещании затрагивался в работах отечественных историков. Советской историографии было присуще характеризовать деятельность лидеров ЦИК на Государственном совещании как пособничество контрреволюции¹. Современные историки избегают таких формулировок². Исследователи, как правило, ограничивались тем, что писали о заседании ЦИК Советов 10 августа, когда было принято формальное решение об участии его в этом совещании, и/или о декларации революционной демократии 14 августа³, упоминали речи Н. С. Чхеидзе и И. Г. Церетели на Государственном совещании⁴. Вместе с тем отношение ЦИК Советов к вопросу о Государственном совещании в июле – августе 1917 г. так и не стали предметом специального исследования. Данная статья ставит своей целью восполнить этот пробел.

Ход и результаты исследования. В июне 1917 г. был создан ЦИК Советов. Как заметил исследователь, «задачи, функции, права ЦИК Советов были довольно неопределенны и расплывчаты»⁵. Последнее не мешало меньшевикам и эсерам утверждать, что ЦИК Советов, соединенные заседания ЦИК Советов и Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов (ИК ВСКД) являются революционным предпарламентом⁶, суррогатом парламента⁷. Парламентские претензии ЦИК Советов рождали среди представителей буржуазных слоев мысли о создании парламентского учреждения, в котором и они получили бы

¹ Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. М.: Наука, 1978. Т. 2. С. 620.

² Стародубова А. Л. Государственное совещание // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: РОССПЭН, 2017. Т. 1. С. 523.

³ Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. / под ред. А. Л. Фраймана и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-е, 1967. Кн. 2. С. 116, 120; Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. (Март 1917–1918 гг.). М.: Политиздат, 1968. С. 233; Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. С. 116–117; Тютюкин С. В. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. С. 379–381; Стародубова А. Л. Указ. соч. С. 523.

⁴ Минц И. И. Указ. соч. С. 620; Смирнова А. А. От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае – ноябре 1917 года. СПб.: СПбГУКИ, 2006. С. 150; Злоказов Г. И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М.: Наука, 1997. С. 193–198.

⁵ Поливанов О. А. Крушение соглашательской политики ЦИК Советов первого созыва, июнь – октябрь 1917 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. С. 11.

⁶ Мстиславский С. О власти // Земля и воля. 1917. 11 июля (Петроград).

⁷ Кризис власти продолжается // Рабочая газета. 1917. 23 июля.

возможность высказывать свое мнение и влиять на политическую жизнь в стране. Проекты, исходившие из буржуазной среды в связи с Июльским политическим кризисом и поисками выхода из него, не предполагали создания нормально функционирующего парламента, намечали искусственно ограничить представительство Советов в созданном суррогате парламента. Эта тенденция отразилась и в проекте октябриста И. В. Годнева о созыве совещания в Москве, с которым он выступил на заседании Временного правительства 12 июля 1917 г. Предложение Годнева было поддержано министрами-социалистами. Была создана комиссия по созыву совещания из шести человек, трое из которых являлись лидерами ЦИК Советов и ИК ВСКД — И. Г. Церетели, Н. С. Чхеидзе и Н. Д. Авксентьев⁸.

На заседании ЦИК Советов и ИК ВСКД 13 июля министр-председатель А. Ф. Керенский сообщил о решении созвать совещание в Москве, куда бы вошли как представители буржуазии, так и демократии. На совещании правительство намеревалось потребовать от его участников поддержки решения основной задачи — «спасение государства и революции». Далее Керенский пригласил ЦИК Советов и ИК ВСКД принять участие в совещании. Ссылаясь на предполагаемое меньшинство демократии на совещании в Москве, Ю. О. Мартов назвал его контрреволюционным Земским собором. И. Г. Церетели поспешил успокоить присутствовавших тем, что никаких уступок контрреволюции не будет, что совещание созывается для единения всех «живых сил» страны на основе декларации 8 июля⁹. Речь Церетели не переломила ход заседания — ЦИК Советов и ИК ВСКД не высказались определенно в поддержку правительственного проекта.

Проект не нашел поддержки и у кадетов. Временное правительство было вынуждено перенести начало совещания с 18 на 23 июля. Первым о переносе срока созыва было извещено Бюро ЦИК Советов. На заседании 14 июля члены бюро высказали надежду на то, что в результате успешных переговоров Временного правительства с представителями буржуазии совещанию удастся придать «общенародный характер»¹⁰. И хотя Бюро ЦИК не высказалось официально за созыв совещания, сам ход заседания Бюро и выступления его членов показали благожелательное отношение к нему.

В ходе заседания Пленума ЦИК Советов и ИК ВСКД 16 и 17 июля вновь были высказаны опасения и даже протест против созыва совещания. Член ЦИК эсер И. И. Аппенянский предположил, что на совещании представители

⁸ Чрезвычайное народное совещание в Москве // Биржевые ведомости. 1917. 14 июля (утр. вып.). В журнале заседания Временного правительства от 12 июля информация об этом отсутствует (см.: Журналы заседаний Временного правительства: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2004. Т. 3. С. 83–89).

⁹ Изложение ведется по: Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6978 (ВЦИК Советов первого созыва). Оп. 1. Д. 99. Л. 1–6; Соединенное заседание Цен[трального] исп[олнительного] комит[ета] Сов[етов] раб[очих] и с[олдатских] д[епутатов] и Исп[олнительного] ком[итета] Сов[ета] кр[естьянских] деп[утатов] // Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее — Известия ЦИК). 1917. 14 июля.

¹⁰ Исполнительный комитет С[оветов] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и Московское совещание // Биржевые ведомости. 1917. 15 июля (утр. вып.).

буржуазии «наших выводов слушать не будут», а значит, и «коронация» Временного правительства будет сорвана. Ю. О. Мартов подчеркнул, что там будет «заглушен голос революционной демократии». 17 июля Пленум принял две резолюции, в которых обошел молчанием вопрос о созыве совещания в Москве, хотя и одобрил идею единения всех «живых сил» страны¹¹. С утра 18 июля начались фракционные заседания ЦИК Советов. В это время лидеры ЦИК по несколько раз совещались с А. Ф. Керенским по вопросам «о пополнении и реорганизации правительства и о Московском совещании»¹².

В ночь на 22 июля 1917 г. в Зимнем дворце состоялось экстренное совместное заседание Временного правительства и представителей политических партий и крупнейших общественных организаций. Заседание, в работе которого приняли участие и лидеры ЦИК Советов, и ИК ВСКД, способствовало выходу из правительственного кризиса. Тем самым это заседание как бы подменило собой проектируемое Московское совещание, одной из задач которого было разрешение правительственного кризиса путем пополнения кабинета министров. Видимо, поэтому ЦИК Советов, не имея точной информации о судьбе совещания в Москве и не определив еще своей собственной позиции в вопросе его созыва, не рассматривал запросы с мест относительно участия представителей Советов в Московском совещании¹³.

25 июля Временное правительство по предложению А. Ф. Керенского рассмотрело вопрос о созыве совещания в Москве. Московское совещание при определенном подборе его состава могло бы своим «всенародным» авторитетом укрепить новый правительственный кабинет, его независимость от каких-либо партийных влияний и давления Советов. Новое положение правительства, которое было предопределено наделением его со стороны ЦИК Советов неограниченными полномочиями, отразилось, в частности, и на решении Временного правительства, которое оно приняло на своем заседании 25 июля: «признать созыв Совещания в Москве принципиально желательным»¹⁴. Но на заседании 27 июля «было указано на ряд затруднений по созыву Совещания»¹⁵. По мнению

¹¹ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 138. Л. 99; Чрезвычайное совещание. Петроград, 18 VII // Война и мир. 1917. 19 июля; Пленарное заседание Центр[ального] исп[олнительного] комитета С[оветов] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] и Исп[олнительного] ком[итета] Сов[ета] кр[естьянских] деп[утатов] // Известия ЦИК. 1917. 18 июля; Объединенное заседание Центр[ального] исп[олнительного] ком[итета] Сов[етов] раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] и Исп[олнительного] ком[итета] Сов[ета] кр[естьянских] деп[утатов] // Там же. 19 июля.

¹² Органы революционной демократии о переживаемом моменте // Биржевые ведомости. 1917. 19 июля (утр. вып.).

¹³ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 356. Л. 17.

¹⁴ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 140.

¹⁵ Во Временном правительстве // День. 1917. 29 июля; Во Временном правительстве // Солдатское слово. 1917. 30 июля. В журнале заседания Временного правительства от 27 июля информация об осуждении вопроса о созыве Совещания в Москве отсутствует (см.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 192–197).

Е. Игнатова, они объяснялись недовольством «соглашателей» тем, что демократии на Государственном совещании в угоду буржуазии «отводилась довольно скромная роль»¹⁶. Действительно, Советам рабочих и солдатских депутатов выделялось всего 100 мест из 500 планируемых¹⁷.

На заседании 28 июля после выступлений некоторых членов правительства А. Ф. Керенский призвал окончательно разрешить вопрос о Государственном совещании. Однако большинство участников заседания указало, что созыв его сейчас не представляется вполне подходящим¹⁸. Окончательное решение этого вопроса было отложено до 29 июля. На заседании 29 июля было решено, несмотря на противодействие некоторых членов правительства, окончательно высказаться за созыв Государственного совещания¹⁹. Были рассмотрены его программа, состав, характер и время проведения — 10–11 августа. Участников совещания предполагалось около 2000 человек. Намечалось пригласить и представителей Советов²⁰. 31 июля на заседании Временного правительства по предложению А. Ф. Керенского было принято постановление «в целях единения государственной власти со всеми организованными силами страны созвать 12–14 августа Государственное совещание в Москве»²¹.

В ЦИК существовало недовольство тем, что советские представители будут на совещании в меньшинстве. В частности, оно было высказано на заседании Бюро ЦИК 4 августа²². Б. О. Богданов указал, что «Московское совещание ставит себя так, будто цель показать, что мы меньшинство населения». Отказаться от участия в Совещании от имени ЦИК Советов предложил призвать все демократические организации Ю. О. Мартов. Однако его предложение Бюро отклонило. В этот же день вечером открылось заседание ЦИК Советов, на котором с речами в защиту революции выступили появившиеся в ЦИК после долгого перерыва А. Ф. Керенский и Н. Д. Авксентьев. Как заметил исследователь, «приход министров-социалистов <...> вызвал бурный прилив энергии в соглашательском блоке, и он начал опять не за страх, а за совесть проповедовать всемерную поддержку своих представителей и их мероприятий во Временном правительстве»²³.

После принятия Временным правительством 31 июля решения о созыве Государственного совещания в Москве советское представительство в нем увеличилось по сравнению с концом июля. Советы могли рассчитывать

¹⁶ Игнатов Е. Государственное совещание в Москве в 1917 г. // Пролетарская революция. 1927. № 8–9 (67–68). С. 76.

¹⁷ К Московскому совещанию // День. 1917. 28 июля.

¹⁸ Московское совещание // Власть народа. 1917. 29 июля; Последние известия // Речь. 1917. 29 июля.

¹⁹ Московское совещание // Вечернее время. 1917. 31 июля.

²⁰ Московское совещание / Последние известия // Речь. 1917. 30 июля.

²¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 3. С. 203.

²² Изложение ведется по: ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 173. Л. 1–9; Владимирова В. Революция 1917 года. Хроника событий. Л.: Госиздат, 1924. Т. 4. С. 13.

²³ Игнатов Е. Указ. соч. С. 99.

более чем на 200 мест — 100 от ЦИК Советов, 100 от ИК ВСКД и некоторое количество советских представителей, которые прошли бы в состав Государственного совещания от других организаций. Но и в этом случае советское представительство оставалось незначительным. Согласие с этим фактом, во-первых, было равнозначно признанию ограничения прав Советов, которые в действительности отражали интересы отнюдь не меньшинства населения России; во-вторых, ставило под сомнение убедительность защиты коалиции со стороны революционной демократии.

Выход из создавшегося положения нашли московские меньшевики, которые выступили с инициативой создания на Государственном совещании объединения всех демократических сил, т. е. демократического блока, хотя самого этого названия и не употребляли. С начала августа меньшевистская пресса выступала за проведение политики демократии при условии сплочения на совещании разрозненных сил в «единый боевой фронт против всяких попыток умалить завоевания революции». Создание демократического блока («единого боевого фронта»), по их мнению, стало бы огромным достижением демократии, влияющим «на дальнейшее направление всей политики»²⁴. Московские меньшевики писали: нет никакого основания «предполагать, что антидемократические элементы будут в большинстве» на Государственном совещании. Доказывая это, они заявляли, что, «несомненно, представители муниципалитетов будут на стороне демократии»²⁵. Я. Пилецкий заметил, что демократия получит на Государственном совещании «довольно серьезное представительство в лице Советов рабоч[их], солд[атских] и крест[ьянских] депутатов, рабочих организаций, кооперативов, а также городских и земских органов самоуправления, в которых выборы на основе всеобщего избирательного права дали огромное преобладание демократии». Он утверждал, что «представители демократии сумеют сплотиться на Московском совещании в сильную количественно и качественно группу»²⁶. Организатором этой группы / единого боевого фронта / демократического блока мог выступить ЦИК Советов, тем самым приобретая новое качество. Являясь весьма действенной формой политического взаимодействия социалистических партий, ЦИК Советов мог сыграть ту же роль, но уже для корпораций, имевших в своем составе демократические элементы. И это было важно для расширения влияния ЦИК Советов на Государственном совещании, так как партийного представительства на нем не предполагалось. Судя по всему, идея меньшевиков была принята руководством ЦИК Советов к действию.

8 августа бюро рассмотрело вопрос о делегации ЦИК Советов на Московском совещании²⁷. 9 августа состоялись фракционные заседания ЦИК

²⁴ К Московскому совещанию // Вперед! 1917. 3 августа.

²⁵ К Московскому совещанию / Петроград (По телефону от нашего корреспондента) // Вперед! 1917. 5 августа.

²⁶ Пилецкий Я. Московское совещание и задачи демократии // Вперед! 1917. 8 августа.

²⁷ Заседание 8 августа / В Бюро Центр[ального] исп[олнительного] комит[ета] // Известия ЦИК. 1917. 9 августа.

по вопросу об отношении к совещанию в Москве. Постановлений заседаний было «решено не опубликовывать»²⁸. Однако «Новая жизнь» поспешила сообщить читателям, ссылаясь на высказывания руководителей фракций меньшевиков и эсеров, что ЦИК, скорее всего, примет участие в Государственном совещании. Газета обратила внимание на то, что из около 2000 участников Государственного совещания приблизительно 700 человек будут представлять демократические организации и партии²⁹. В этот же день военный отдел ЦИК Советов разослал радиogramму всем армейским и фронтовым комитетам о делегировании представителей на совещание в Москву, так как решил использовать его для обсуждения с представителями комитетов «насуточных организационных и политических вопросов военной жизни»³⁰. Кроме этого, бюро военного отдела ЦИК на заседании 9 августа «самостоятельно командировало на Государственное совещание» своих представителей — меньшевиков М. С. Бинасика, В. В. Гомбарга, С. М. Клюхина, М. А. Павлова, И. М. Шифа и трудовика А. В. Сомова³¹. Несомненно, что, командируя своих представителей на совещание в Москве еще до официального решения ЦИК Советов, Бюро Военного отдела ЦИК опиралось на информацию о согласии фракций меньшевиков и эсеров принять в нем участие.

10 августа Бюро ЦИК приняло резолюцию о своем участии в Московском совещании и инструкцию для членов делегации, состоящую из пяти пунктов. В резолюции было отмечено, что ЦИК идет на совещание, чтобы указать единственное средство спасения страны: «сплочение всех живых сил страны <...> на основе общенародной платформы, возведенной 8 июля». ЦИК грозил, что происки тех, кто пытается использовать совещание для «нанесения удара революционной демократии», будут пресечены объединением всех «демократических участников Совещания». Инструкция запрещала в любой форме самостоятельные выступления членов делегации от своего лица или от лица фракции без разрешения Президиума ЦИК. В противном случае члены делегации лишались мандата³². Тем самым левое меньшинство ЦИК теряло право на самостоятельный голос в ходе Государственного совещания.

В 17 час 30 мин 10 августа началось заседание ЦИК Советов³³, в ходе которого были приняты резолюция Бюро ЦИК Советов и дополненная инструкция. С докладом от Президиума ЦИК выступил меньшевик С. Л. Вайнштейн. Он указал, что ЦИК идет на совещание, так как «демократия не может отказаться от необходимости заявить свое собственное лицо перед другими слоями страны»,

²⁸ Государственное совещание в Москве // Речь. 1917. 10 августа.

²⁹ Ц. И. К. и Московское совещание // Новая жизнь. 1917. 9 августа.

³⁰ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 486. Л. 1.

³¹ Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 195.

³² Заседание 10 августа / В Бюро Центр[ального] исп[олнительного] комит[ета] // Известия ЦИК. 1917. 11 августа.

³³ Центр[альный] исп[олнительный] комитет о Московском совещании // Известия ЦИК. 1917. 11 августа.

идет для того, чтобы изложить свою программу, «которая является единственным путем спасения Родины». Докладчик подчеркнул, что если на этом совещании не обнаружится «других сил, готовых встать на эту программу, кроме Советов, то и тогда революционная демократия сумела бы найти выход из положения, в которое поставил бы ее объективный ход событий»³⁴. Затем он огласил резолюцию, предложенную Бюро ЦИК.

В ходе прений большевик Б. П. Позерн заявил, что на совещании в Москве «не может быть соглашения с какими бы то ни было классами»³⁵. Меншевик Б. О. Богданов настаивал на участии ЦИК Советов в Московском совещании для поддержки Временного правительства. Он говорил, что на совещании будет политическая борьба с антидемократическими силами. Эсер В. Н. Филипповский тоже выступил за участие ЦИК в совещании. Он посчитал для себя необходимым принять участие в той борьбе, которая развернется на совещании, встав на сторону тех масс, которые стоят на позициях ЦИК Советов. Меншевик-интернационалист Ю. О. Мартов выступил против посылки делегации и принятия резолюции³⁶.

Видимо, под влиянием речи Мартова в инструкцию было внесено еще четыре пункта. В них делегация ЦИК на совещании наделялась всеми правами ЦИК Советов, а для решения «текущих вопросов исключительной важности дел, требующих срочности» создавалась коллегия из пяти лиц, остающихся в Петрограде, которые в указанных случаях действуют от имени ВЦИК³⁷. В состав коллегии вошли эсер Б. В. Безобразов, меньшевики А. П. Борисов, В. И. Каменский, М. А. Пальчинский и Ф. А. Юдин³⁸. Собрания оставшихся в Петрограде членов ЦИК и Бюро ЦИК Советов могли проходить только по постановлению этой коллегии³⁹. Тем самым права на самостоятельный голос в ходе Государственного совещания лишались и члены ЦИК из числа оставшихся в Петрограде.

Большевики Б. П. Позерн, Д. Б. Рязанов и меньшевик Ю. О. Мартов выступили против инструкции. Рязанов пригрозил, что на совещании среди представителей профсоюзов и кооперативов может оказаться 150 большевиков, для которых инструкция ВЦИК будет необязательна⁴⁰. От имени фракций большевиков, объединенных социал-демократов и меньшевиков-интернационалистов Позерн огласил заявление, в котором указывалось, что они, эти фракции, «ввиду производимого над ними насилия отказываются от голосования как резолюции, так и регламента». После заявления Позерна фракции покинули

³⁴ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–1 об.

³⁵ Там же. Л. 1 об.

³⁶ Там же. Л. 2.

³⁷ Центр[альный] испол[нительный] комитет о Московском совещании // Известия ЦИК. 1917. 11 августа.

³⁸ ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 111. Л. 2 об.

³⁹ Центр[альный] испол[нительный] комитет о Московском совещании // Известия ЦИК. 1917. 11 августа.

⁴⁰ Московское совещание и Ц[ентральный] испол[нительный] к[омитет] С[оветов] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] // Речь. 1917. 11 августа.

заседание. По предложению Б. О. Богданова было решено места для этих фракций не заполнять, а если и в Москве они не изменят своей точки зрения, то предоставить их «другим товарищам по назначению делегации»⁴¹. Партийный состав делегации ВЦИК Советов был таким: 38 эсеров, 36 меньшевиков, 14 большевиков, пять меньшевиков-интернационалистов, три объединенных социал-демократа, четыре трудовика⁴².

Почему ЦИК дал согласие участвовать в Государственном совещании? Идя на него, ЦИК Советов не только предполагал защитить коалицию и способствовать объединению всех «живых сил» страны, но и имел определенные основания полагать, что его планы осуществлятся. ЦИК в проведении своей политики намеревался опереться на демократических участников совещания. Последние должны были составить реальную силу, так как при формировании состава Государственного совещания наметилась тенденция уравновесить демократические и цензовые его части⁴³.

11 августа делегация ВЦИК прибыла в Москву. В этот же день состоялось собрание демократических участников Государственного совещания, на котором присутствовало более 600 человек⁴⁴. На нем предполагалось определить позицию, которую демократические силы займут на совещании. С программной речью выступил И. Г. Церетели. Он заявил, что цель демократии — поддержка правительства, а задача — сплочение «всех активных сил страны». Докладчик подчеркнул, что при решении этой задачи революционная демократия будет отстаивать свои лозунги, и в первую очередь призыв «Мир без аннексий и контрибуций». Соглашение с буржуазией, по его словам, должно произойти на основе декларации 8 июля, тогда коалиция будет возможна, а власть станет «единой и сильной»⁴⁵. В ходе прений большинство выступило за достижение соглашения с «живыми силами» страны, что с удовлетворением отметили в своих итоговых речах М. И. Либера и И. Г. Церетели⁴⁶. О результатах заседания руководство ЦИК поставило в известность Временное бюро ЦИК в телефонограмме, в которой высказывалась надежда, что на Государственном совещании вокруг ЦИК Советов сгруппируется большинство⁴⁷.

12 августа Бюро ЦИК, собравшееся в Москве, лишило большевиков мандатов на совещание, так как они намеревались выступить на нем со своей

⁴¹ Ц. И. К. и Московское совещание // Новая жизнь. 1917. 11 августа.

⁴² Московское совещание // Новая жизнь. 1917. 11 августа.

⁴³ Николаев А. Б. Подготовка созыва Государственного совещания // Рабочий класс, его союзники и политические противники в 1917 году: сб. науч. трудов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 275.

⁴⁴ В Центральном исполнительном комитете Сов[етов] раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] // Известия ЦИК. 1917. 13 августа.

⁴⁵ Демократия на Государственном совещании // Власть народа. 1917. 12 августа.

⁴⁶ Что будут делать представители демократии на Московском совещании // Время. 1917. 12 августа.

⁴⁷ В Центральном исполнительном комитете Сов[етов] раб[очих] и солд[атских] деп[утатов] // Известия ЦИК. 1917. 13 августа.

декларацией, а «затем в виде протеста, покинуть заседание»⁴⁸. Член ЦИК Советов меньшевик-интернационалист Н. Н. Суханов вспоминал, что «большевики без серьезного сопротивления... возвратили свои билеты на совещание», так как «для них, бывших с массами, для них, за которыми шли массы, все это дело, вместе взятое, не стоило борьбы»⁴⁹.

Во второй день совещания, т. е. 13 августа, проходили фракционные и групповые заседания участников. В ходе фракционных заседаний меньшевиков⁵⁰ и эсеров⁵¹ был поднят вопрос о совместном выступлении всех демократических участников совещания. О необходимости присоединения к декларации революционной демократии говорилось и на заседаниях других групп с демократическим составом. Так, представители губернских комитетов общественных организаций решили «присоединиться к декларации общественных демократических групп»⁵². Вечером того же дня прошло второе собрание представителей демократии на Государственном совещании, на котором присутствовало более тысячи человек⁵³. И. Г. Церетели произнес вступительную речь, в которой призвал к единодушному выступлению на совещании. Следом выступил Ф. И. Дан, который огласил декларацию⁵⁴. При обсуждении ее, по словам Н. Н. Суханова, «эсерствующие земства и города, а особенно шумная, вполне обывательская кооперация, неудержимо тянули вправо. Рабоче-солдатский ЦИК “в интересах единства”, конечно, уступал»⁵⁵. В результате прений декларация была принята, а 14 августа зачитана председателем ЦИК Советов Н. С. Чхеидзе на Государственном совещании. В своей речи Чхеидзе высказался о поддержке Временного правительства организациями, подписавшими декларацию революционной демократии. Но поддержка его была возможна лишь при выполнении требований, которые содержались в декларации 14 августа. «Пусть же правительство, облеченное всей полнотой власти и пользующееся поддержкой демократии, найдет в себе силы и энергию неуклонно и последовательно идти по этому пути», — заявил Чхеидзе. Иначе говоря, поддержка Временного правительства со стороны сторонников программы 14 августа (демократического блока) носила условный характер. Какие же требования содержались в декларации 14 августа?

В области продовольственного вопроса и снабжения содержалось требование сохранить монополию на хлеб и твердые цены на продукты сельского хозяйства. Говорилось о необходимости установления твердых цен и на все

⁴⁸ Большевики отсутствовали на совещании // Известия ЦИК. 1917. 13 августа.

⁴⁹ Суханов Н. Записки о революции: в 3 т. М.: Политиздат, 1992. Т. 3. Кн. 5–7. С. 61.

⁵⁰ Заседание с[оциал-]д[емократов] // Биржевые ведомости. 1917. 14 августа (веч. вып.).

⁵¹ Совещание фракции партии с[оциалистов]-р[еволюционеров] // Труд. 1917. 15 августа.

⁵² Желание общественных комитетов // Биржевые ведомости. 1917. 14 августа (веч. вып.).

⁵³ В Центр[альном] исп[олнительном] ком[итете] С[овете] р[абочих] и с[олдатских] д[епутатов] / Вокруг Московского совещания // Известия ЦИК. 1917. 15 августа.

⁵⁴ Заседание демократических организаций / Воскресные групповые совещания // Известия Московского Совета рабочих депутатов. 1917. 15 августа.

⁵⁵ Суханов Н. Записки о революции. Т. 3. Кн. 5–7. С. 59.

основные предметы промышленности. Благодаря этому, по утверждению авторов декларации, твердые цены на хлеб не будут разрушать крестьянское хозяйство. Подчеркивалось, что «возврат к свободной торговле» привел бы «к неминуемому распаду экономической жизни». К распределению продуктов сельского хозяйства и промышленности предлагалось привлечь кооперацию и «весь еще оставшийся частный торговый аппарат» «под особо строгим контролем продовольственных органов»⁵⁶. Несомненно, что эти требования могли привлечь на сторону революционной демократии кооперативы и губпродкомы.

В торгово-промышленной области ЦИК Советов требовал установить контроль государства над производством, провести государственное синдицирование и трестирование, создать государственные монополии. Правительство должно было не приостанавливать «проведения в жизнь программы неотложных мероприятий по охране труда». Рабочие организации должны были «строго наблюдать за соблюдением восьмичасового рабочего дня» и прибегать к стачкам «лишь после исчерпания всех других средств в разрешении конфликтов»⁵⁷. Декларация также требовала «в случае надобности» введение трудовой повинности, которая должна была распространяться на все классы населения, но при условии, чтобы трудовая повинность не приняла форм милитаризации труда⁵⁸. Требования декларации в этой области носили противоречивый характер. С одной стороны, поддержка ЦИК Советов повсеместного введения восьмичасового рабочего дня привлекала на их сторону рабочие организации, но, с другой стороны, это же требование ставило перед Временным правительством трудновыполнимую задачу. Дело в том, что оно так и не приняло постановления о повсеместном введении 8-часового рабочего дня⁵⁹. Требование о соблюдении такого рабочего дня, несомненно, должно было создать непреодолимое препятствие при заключении рабочими организациями соглашений с представителями промышленной буржуазии. Предложение о стачках, прозвучавшее в декларации 14 августа, не могло вызвать одобрения со стороны представителей торговли и промышленников, присутствовавших на Государственном совещании. Одновременно оно свидетельствовало о намерении ЦИК Советов ограничить свободу стачек. И здесь можно было ожидать разочарование политикой ЦИК Советов среди представителей рабочих организаций. Кстати, этот вопрос был болезненным и для Временного правительства. Напомним, что законопроект о свободе стачек и забастовок так и не был постатейно обсужден Временным правительством⁶⁰.

⁵⁶ Государственное совещание: стенографический отчет. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 80.

⁵⁷ Там же. С. 81.

⁵⁸ Там же. С. 81–82.

⁵⁹ Николаев А. Б. Реформы Временного правительства // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. М.: РОССПЭН, 2016. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX вв. / отв. ред. В. В. Шелохаев. С. 400.

⁶⁰ Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. С. 243.

В финансовой области ЦИК Советов требовал провести исключительные меры — установить высокий единовременный поимущественный налог, повысить существующие налоги и ввести новые на предметы массового потребления⁶¹. Эти требования носили преимущественно антинародный характер, но и имущие классы тоже должны были оказаться среди противников ЦИК Советов.

ЦИК Советов выступил за упорядочение поземельных отношений, передав их в руки земельных комитетов, права и обязанности которых должны были быть точно определены в законах и инструкциях, изданных центральной властью⁶². Подчеркнем, что декларация 14 августа не указала на переход земли в руки крестьян, о чем ранее заявляла декларация 8 июля.

По вопросу об организации армии ЦИК Советов потребовал сохранения армейских комитетов и законодательное закрепление их прав. Кроме этого, он выступил против восстановления дисциплинарной единоличной власти начальников⁶³. Эти слова Н. С. Чхеидзе были поддержаны некоторыми участниками совещания: «бурные аплодисменты; солдатская секция — левое крыло — стоя приветствует товарищей офицеров, членов фронтовых комитетов»⁶⁴.

В области местного самоуправления и управления ЦИК Советов потребовал, чтобы только «органы местного самоуправления, избранные на основе всеобщего избирательного права» выполняли «функции местного государственного управления». В декларации 14 августа указывалось: «с момента выборов органов местного самоуправления полномочия исполнительного комитета общественных организаций в соответствующей области прекращаются»⁶⁵. Несомненно, это требование обеспечивало поддержку ЦИК Советов со стороны демократических элементов органов местного самоуправления.

По национальному вопросу ЦИК Советов считал необходимым «издание декларации Временного правительства о признании за всеми народностями права на полное самоопределение, осуществляемое путем соглашения во всенародном Учредительном собрании»⁶⁶. Это предложение ЦИК Советов должно было найти своих сторонников среди представителей национальных групп на Государственном совещании.

Надежды лидеров ЦИК Советов, что на основе программы 14 августа удастся заключить соглашение с буржуазией, начали разрушаться уже на вечернем заседании того же дня, когда А. И. Гучков, М. В. Родзянко, В. В. Шульгин и В. А. Маклаков⁶⁷ ясно дали понять, что эта программа революционной демократии их не устраивает. Отходя все дальше вправо, И. Г. Церетели намекал в своей первой речи на возможность ликвидации Советов после создания

⁶¹ Государственное совещание: стенографический отчет. С. 82.

⁶² Там же. С. 83.

⁶³ Там же. С. 83–84.

⁶⁴ Там же. С. 84.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 85.

⁶⁷ Там же. С. 99–102, 102–107, 107–111, 112–117.

сильных органов местного самоуправления⁶⁸. Во второй речи он предложил условия для заключения «реальной коалиции». Вот некоторые из них: независимая от Советов власть; восстановление военной дисциплины сверху донизу; признание необходимости борьбы «с бессознательностью масс, в том числе и солдатской» и др.⁶⁹ Министр путей сообщения П. П. Юренев⁷⁰ и заместитель министра-председателя и министр финансов Н. В. Некрасов одобрительно отнеслись ко второй речи И. Г. Церетели. Так, Некрасов подчеркнул, что именно после нее наметился перелом на совещании в сторону поддержки Временного правительства⁷¹. Действительно, в ходе заседания П. П. Рябушинский и Н. Н. Кутлер высказали одобрение некоторым (но только некоторым!) мероприятиям правительственной программы⁷², а А. А. Бубликов и А. И. Гучков призвали демократию к сотрудничеству⁷³. На вечернем заседании 15 августа произошло символическое рукопожатие Бубликова и Церетели⁷⁴, которое было охарактеризовано эсерами как моральная капитуляция буржуазии, как факт укрепления коалиции⁷⁵. В действительности буржуазия не собиралась капитулировать и высказывалась в поддержку коалиции лишь формально, о чем говорили выступления ее представителей — П. П. Рябушинского, Н. Ф. Дитмара и С. И. Соколовского⁷⁶. Что касается призывов буржуазных членов Государственного совещания к единению и сотрудничеству, «символическому рукопожатию», то за ними, во-первых, по словам А. А. Бубликова, не было никаких определенных обязательств буржуазии⁷⁷ и, во-вторых, скрывалось намерение тех торгово-промышленных кругов, которые считали необходимым несколько смягчить политическую обстановку, добиться новых уступок со стороны революционной демократии.

После окончания работы совещания в Москве ЦИК неоднократно возвращался к его итогам в ходе заседаний бюро и пленумов, на страницах газеты «Известия». Лидеры ЦИК высоко оценили результаты Государственного совещания, в ходе которого, по их мнению, демократия одержала победу⁷⁸. Действительно, у вождей ЦИК Советов были основания считать его итоги успешными для защиты своей политики. В результате Государственного совещания была спасена коалиция. Вместе с тем необходимо учитывать то, что все это было куплено

⁶⁸ Государственное совещание: стенографический отчет. С. 122.

⁶⁹ Там же. С. 135, 136, 137.

⁷⁰ Министры о совещании // Дело народа. 1917. 17 августа.

⁷¹ Беседа с Н. В. Некрасовым // Биржевые ведомости. 1917. 18 августа (утр. вып.).

⁷² Государственное совещание: стенографический отчет. С. 253, 257–258.

⁷³ Там же. С. 269, 288.

⁷⁴ Там же. С. 269.

⁷⁵ Итоги / Петроград, 17 (30) августа // Дело народа. 1917. 17 августа.

⁷⁶ Государственное совещание: стенографический отчет. С. 253, 255, 266, 270, 271.

⁷⁷ Совещание промышленников // Раннее утро. 1917. 17 августа.

⁷⁸ Торжество демократии / Государственное совещание в Москве (По телефону от наших специальных корреспондентов) // Известия ЦИК. 1917. 16 августа; После совещания // Там же. 7 августа.

слишком дорогой ценой. «Еще одна такая победа, — писал Н. Н. Суханов, — и советское большинство может объявить полное банкротство»⁷⁹.

Не менее важным для проведения политики ВЦИК Советов было и то, что на Государственном совещании демократией была поддержана декларация 14 августа. Этот документ стал платформой демократического блока, сложившегося в ходе совещания в Москве. Наряду с этим, по воспоминаниям одного из лидеров ЦИК — Ф. И. Дана, правая часть блока отказывалась понимать платформу 14 августа как руководство к немедленному действию⁸⁰.

В целях укрепления демократического блока Бюро ЦИК на заседании 18 августа постановило периодически устраивать совместные совещания ЦИК, ИК ВСКД и представителей демократических организаций, объединившихся на Государственном совещании, а также обратиться ко всем Советам с предложением поставить формат государственного совещания в центр политической работы настоящего времени⁸¹. Развивая постановление Бюро ЦИК от 18 августа, Пленум ЦИК Советов 21 августа принял резолюцию, третий пункт которой содержал призыв ко всем центральным и областным организациям напрячь все усилия «к скорейшему осуществлению мероприятий», изложенных в декларации 14 августа⁸². Вопрос о Государственном совещании рассматривался и на заседаниях Бюро ЦИК 22⁸³ и 23 августа⁸⁴. Выполнить программу демократических преобразований призвал Временное правительство Пленум ЦИК Советов 24 августа⁸⁵. Отметим, что декларация 14 августа была положена в основу правительственной декларации 25 сентября⁸⁶, правда, как отмечали «Известия», с некоторыми купюрами⁸⁷.

Заключение. Таким образом, все колебания ЦИК Советов в июле и начале августа 1917 г. в вопросе о Государственном совещании определялись тем, что он стремился получить на нем как можно больше мест. В ходе его ЦИК намеревался защитить коалицию. Но, опираясь исключительно на советских участников, рассчитывать на значительное представительство не приходилось. Не получилось бы и защитить на нем коалицию. Поэтому ЦИК Советов сделал ставку на объединение демократических участников Государственного совещания. Для этого была выработана декларация 14 августа и создан демократический блок. В состав блока вошли представители советской и несветской

⁷⁹ Суханов Ник. Пирровы победы на московском фронте // Новая жизнь. 1917. 18 августа.

⁸⁰ Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства // Октябрьская революция: мемуары. М.; Л.: Госиздат, 1926. (Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев; [т. 2]). С. 117.

⁸¹ Владимирова В. Указ. соч. С. 69.

⁸² ГАРФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 108. Л. 44.

⁸³ Там же. Д. 220. Л. 6.

⁸⁴ Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 198.

⁸⁵ Заседание Центр[ального] исполн[ительного] комитета / Революционная демократия о событиях на фронте // Известия ЦИК. 1917. 25 августа.

⁸⁶ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 4. С. 209–212.

⁸⁷ Правительственная программа // Известия ЦИК. 1917. 28 сентября.

демократии. По нашим подсчетам, он сумел объединить около 1200 человек, или свыше 40 % участников Государственного совещания. Можно утверждать, что цель была достигнута — коалиция была спасена при активном участии ЦИК Советов. Вместе с тем поддержка Временного правительства со стороны ЦИК Советов носила условный характер, так как она была обусловлена выполнением им требований декларации 14 августа.

Литература

1. Злоказов Г. И. Меншеви́стско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 году. М.: Наука, 1997. 336 с.
2. Иоффе Г. З. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М.: Наука, 1995. 238 с.
3. Минц И. И. История Великого Октября. 2-е изд. М.: Наука, 1978. Т. 2. 1008 с.
4. Николаев А. Б. Подготовка созыва Государственного совещания // Рабочий класс, его союзники и политические противники в 1917 году: сб. науч. трудов. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. С. 271–278.
5. Николаев А. Б. Реформы Временного правительства // Реформы в России с древнейших времен до конца XX в.: в 4 т. Т. 3. Вторая половина XIX – начало XX вв. / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2016. С. 361–413.
6. Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде: в 2 кн. / под ред. А. Л. Фраймана и др. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1967. Кн. 2. 611 с.
7. Поливанов О. А. Крушение соглашательской политики ЦИК Советов первого созыва, июнь – октябрь 1917 года: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1989. 17 с.
8. Рубан Н. В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. (Март 1917–1918 гг.). М.: Политиздат, 1968. 400 с.
9. Стародубова А. Л. Государственное совещание // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2017. Т. 1. С. 520–523.
10. Смирнова А. А. От коалиции к катастрофе. Петроградские социалисты в мае – ноябре 1917 года. СПб.: СПбГУКИ, 2006. 348 с.
11. Старцев В. И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава / под ред. О. Н. Знаменского. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. 256 с.
12. Тютюкин С. В. Меньшевизм: страницы истории. М.: РОССПЭН, 2002. 560 с.

References

1. Zlokazov G. I. Men'shevistsko-eserovskii VTsIK Sovetov v 1917 godu [Menshevik and Social-Revolutionaries' VTsIK of Soviets, 1917]. M.: Nauka, 1997. 336 s. (In Russ.).
2. Ioffe G. Z. Semnadsatyi god: Lenin, Kerenskii, Kornilov [1917: Lenin, Kerenskii, Kornilov]. M.: Nauka, 1995. 238 s. (In Russ.).
3. Mints I. I. Istoriia Velikogo Oktiabria. 2-e izd. [The History of the Great October]. 2-e izd. M.: Nauka, 1978. T. 2. 1008 s. (In Russ.).
4. Nikolaev A. B. Podgotovka sozyva Gosudarstvennogo soveshchaniia [The preparation of the State Conference] // Rabochii klass, ego soiuzniki i politicheskie protivniki v 1917 godu: sb. nauch. trudov. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1989. S. 271–278. (In Russ.).

5. Nikolaev A. B. Reformy Vremennogo pravitel'stva [The reforms of the Provisional Government] // Reformy v Rossii s drevneishikh vremen do kontsa XX v.: v 4 t. T. 3. Vtoraia polovina XIX – nachalo XX vv. / otv. red. V. V. Shelokhaev. M.: ROSSPEN, 2016. S. 361–413. (In Russ.).
6. Oktiabr'skoe vooruzhennoe vosstanie. Semnadsatyi god v Petrograde: v 2 kn. [The October armed uprising. 1917 in Petrograd. In 2 books] / pod red. A. L. Fraimana i dr. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1967. Kn. 2. 611 s. (In Russ.).
7. Polivanov O. A. Krushenie soglashatel'skoi politiki TsIK Sovetov pervogo sozyva, iiun' – oktiabr' 1917 goda: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [The collapse of the compromisist policy of the TsIK of the Soviets, June – October 1917: Thesis abstract]. Leningrad, 1989. 17 s. (In Russ.).
8. Ruban N. V. Oktiabr'skaia revoliutsiia i krakh men'shevizma. (Mart 1917–1918 gg.) [The October Revolution and the collapse of Menshivism]. M.: Politizdat, 1968. 400 s. (In Russ.).
9. Starodubova A. L. Gosudarstvennoe soveshchanie [The State Conference] // Rossiiskaia revoliutsiia 1917 goda: vlast', obshchestvo, kul'tura: v 2 t. / otv. red. Iu. A. Petrov. M.: Politicheskaiia entsiklopediia, 2017. T. 1. S. 520–523. (In Russ.).
10. Smirnova A. A. Ot koalitsii k katastrofe. Petrogradskie sotsialisty v mae – noiabre 1917 goda [From coalition to catastrophe. The Petrograd Socialists in May – November 1917]. SPb.: SPbGUKI, 2006. 348 s. (In Russ.).
11. Startsev V. I. Vnutrenniaia politika Vremennogo pravitel'stva pervogo sostava [The first convocation of Provisional Government and its internal policy] / pod red. O. N. Znamenskogo. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1980. 256 s. (In Russ.).
12. Tiutiukin S. V. Men'shevizm: stranitsy istorii [Menshevism: Pages of History]. M.: ROSSPEN, 2002. 560 s. (In Russ.).

УДК 94(470-25=174)»1915/1939»
DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.06

Кувшинова Елена Евгеньевна

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
e-mail: Kuvshinovaee@mgpu.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛАТЫШСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ МОСКВЫ В ПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ 1915–1938 гг.

Аннотация: В статье рассматриваются обстоятельства появления, деятельности и ликвидации в Москве латышских организаций культуры — театров, клубов, сообществ с периода Первой мировой войны до 1939 г. Выявляются приоритетные идеологические установки, основные цели и задачи этих организаций, определяются руководящие органы, основные направления деятельности, социальный и профессиональный состав участников. Исследуются факторы, повлиявшие на ликвидацию этих организаций в период Большого террора, сопровождавшегося расправами над руководящими и рядовыми сотрудниками, и определяется масштаб репрессий.

Главным центром латышской культуры в Москве с 1925 г. было общество «Прометей», имевшее разветвленную структуру секций по всем основным направлениям деятельности — издательской, театральной, школьной, художественной, сельскохозяйственной. Именно оно осуществляло основную работу с латышской диаспорой в Москве, состоявшей из рабочих, служащих и творческой интеллигенции, а также поддерживало представителей своей этнической группы по всей стране. Общество получало существенную поддержку латышских политических объединений и центральных органов власти в СССР — Всероссийского центра латышских секций ВКП (б) и его бюро, Латышской высшей партийной школы, Латышской секции Коминтерна, Комиссариата по латышским и национальным делам. Несмотря на приверженность социалистическим идеям и направленности на хозяйственно-экономическую деятельность, в 1937 г. общество было ликвидировано как контрреволюционная организация. Закрытие объединения сопровождалось массовыми политическими репрессиями

представителей вышестоящих организаций — членов латышских секций Коминтерна, ВКП (б), а также курируемых ими этнических учреждений культуры и образования — латышских клубов, школ, театральных коллективов, колхозных кружков по всей стране. Все обвинения с упоминаемых членов культурных и образовательных учреждений были сняты в реабилитационных процессах 1956–1957 гг.

Ключевые слова: латышская диаспора Москвы, общество «Прометей», театр «Скатувэ», латышская школа, латышские художники, латышская операция НКВД 1937–1938 гг.

Kuvshinova Elena E.

Moscow City University

Moscow, Russia

e-mail: Kuvshinovae@mgpu.ru

ACTIVITY OF THE LATVIAN CULTURAL ASSOCIATIONS IN MOSCOW IN THE POLITICAL CONDITIONS OF 1915–1938

Abstract: The article examines the circumstances of the emergence, activity and liquidation of Latvian cultural organizations in Moscow — theaters, clubs, communities from the period of the First World War to 1939. The priority ideological attitudes, the main goals and objectives of these organizations are identified, the governing bodies, the main areas of activity, the social and professional composition of the participants are determined. The factors that influenced the liquidation of these organizations during the Great Terror, accompanied by repressions of leading and ordinary employees, are investigated and the scale of repression is determined.

Since 1925, the main center of Latvian culture in Moscow has been the Prometheus Society, which had a ramified structure of sections in all main areas of activity — publishing, theater, school, art, agriculture. It was it who carried out the main work with the Latvian diaspora in Moscow, which consisted of workers, employees and creative intelligentsia, and supported representatives of its ethnic group throughout the country. The society received substantial support from Latvian political associations and central authorities in the USSR — the All-Russian Center of Latvian Sections of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and its Bureau, the Latvian Higher Party School, the Latvian Section of the Comintern, and the Commissariat for Latvian and National Affairs. Despite adherence to socialist ideas and focus on economic and economic activity, in 1937 society was liquidated as a counter-revolutionary organization. The closure of the association was accompanied by massive political repression of representatives of higher organizations — members of the Latvian sections of the Comintern, the All-Union Communist Party (Bolsheviks), as well as ethnic cultural and educational institutions supervised by them — Latvian clubs, schools, theater groups, collective farm circles throughout the country. All charges against the mentioned members of cultural and educational institutions were dropped in the rehabilitation processes of 1956–1957.

Keywords: the Latvian diaspora of Moscow, the *Prometheus* society, the *Skatuve* theater, the Latvian school, Latvian artists, the Latvian operation of the NKVD 1937–1938.

Введение. Современная отечественная историография по исследуемой теме представлена работами Д. В. Аветяна, Т. С. Зелюкиной, Е. Н. Крякина, Л. А. Лягушкиной, Е. Л. Назаровой, Э. Ф. Шафранской, В. П. Штрауса¹. Исследования современных зарубежных (латышских) авторов — В. Шалды, Т. Бартеле, Т. Кикутса, В. Стинкулиса — опубликованы в периодических сборниках Института всеобщей истории РАН «Россия и Балтия», «Россия и Латвия» и латышской периодике². В упоминаемых публикациях поднимаются вопросы численности латышских переселенцев в России и СССР, роли красных латышских стрелков в поддержке революции в России, дается характеристика деятельности этнических объединений латышей, в том числе культурно-просветительских организаций в Московском регионе, исследуется социальный и профессиональный состав участников.

Этапам формирования латышской общины в центральных районах России уделяют большое внимание в своих публикациях Т. Кикутс, В. П. Штраус, В. Шалда. Авторы исследуют увлеченность русской культурой и процесс расширения круга латышской интеллигенции в столичном регионе в XIX в.³, выделяют коллективный и индивидуальные факторы миграционных процессов начала XX в.⁴, дают оценку настроений беженцев в 1917 г., когда предпочтение отдавалось большевикам, и в годы Гражданской войны, когда социально-политическая ориентация латышей сильно изменилась⁵. Подробный анализ

¹ Аветян Д. В. Латыши и Латвия в русскоязычной советской прессе. 1918–1940 гг. [Электронный ресурс] // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Вып. 4 (58). URL: <https://history.jes.su/s207987840001851-5-1/> (дата обращения: 07.01.2022); Зелюкина Т. С. Латвийские художники в Третьяковской галерее // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории. М.: Весь мир, 2020. С. 224–238; Крякин Е. Н. Этнические организации Москвы и Подмоскovie в 1920-е – первой половине 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 180 с.; Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 354 с.; Назарова Е. Л. Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковича // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории. М.: Весь мир, 2020. С. 143–186; Шафранская Э. Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей им. И. В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205; Штраус В. П. Московская латышская община в XIX в. Краткое обозрение // Россия и Балтия. Вып. 3: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII–XX в. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 188–194.

² Бартеле Т. Латышский театр в Москве. 1915–1922 // Россия и Балтия. Вып. 2: Эпоха перемен. М.: Наука, 2002. С. 88–110; Кикутс Т. Латышские переселенцы в России: отражение проблемы в латышской публицистике начала XX века // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX в. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 36–60; Шалда В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Вып. 2: Эпоха перемен. М.: Наука, 2002. С. 60–88; Его же. Латышские художники в Москве (20–30 гг. XX века) // Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории. М.: Наука, 2006. С. 178–199; Stinkulis V. Vai tiešām tik sarkani? // Latviešu strēlnieks. 1994. № 4. 3 l pp.

³ Штраус В. П. Московская латышская община в XIX в. Краткое обозрение. С. 188–194.

⁴ Кикутс Т. Указ. соч. С. 57–59

⁵ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция 1915–1921 гг. С. 85.

статистических данных о динамике численности латышской общины в Советской России и СССР в 1920–1940-е гг. проводит К. П. Арент⁶. Его статья содержит сведения о количестве культурных учреждений латышей в стране и первоочередной нацеленности их работы на интересы диаспоры.

В исследованиях Е. Л. Назаровой и В. Стинкулиса основное внимание уделяется изменению оценок в современной российской и латышской историографии деятельности красных латышских стрелков. Их точка зрения противостоит прослеживающейся тенденции возложить на стрелков всю ответственность за красный террор в Советской России / СССР⁷.

Подробная характеристика деятельности культурно-просветительских организаций латышей приводится в работах Д. В. Аветяна и Е. Н. Крякина⁸. Освещая деятельность этих организаций через русскоязычную прессу, Д. В. Аветян отмечает их большую численность и широкий охват всего латышского населения СССР с целью объединения и просвещения при сочетании национальной культуры и социалистической пропаганды. Наиболее значимой этнической организацией оба автора считают общество «Прометей», воспитывавшее классовое пролетарское сознание и пролетарский интернационализм. Авторы также акцентируют внимание на аполитичности латышского населения, которое стремилось мирно трудиться и налаживать быт без участия в политической жизни страны.

Подтверждение этому тезису можно найти в диссертации Л. А. Лягушкиной, в основу которой был положен социальный анализ состава репрессированных по отдельным регионам страны. Автор также утверждает, что причиной арестов латышей и приговоров к высшей мере наказания в 56–78 % случаев периода Большого террора была прежде всего национальность⁹.

Большинство исследователей дают высокую оценку вклада репрессированных латышских художников, писателей, артистов в развитие культуры Латвии и России. Особенное внимание уделяется художественному наследию и судьбам А. Древина, Г. Клуциса, В. Якуба, В. Андерсона¹⁰. Менее изученной остается тематика латышского театрального искусства 1930-х гг., где преобладают работы по ранним театральным коллективам в Москве¹¹, а достижения наиболее зрелого театра «Скатувэ» прослеживаются по публикациям в прессе. О работе латышской секции Союза советских писателей

⁶ Арент К. П. Динамика численности латышей в Советской России / СССР (1920–1940 гг.) // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-й половины XX в. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 212–233.

⁷ Назарова Е. Л. Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковица // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории. М.: Весь мир, 2020. С. 143–186; Stinkulis V. Op. cit.

⁸ Аветян Д. В. Указ. соч.; Крякин Е. Н. Указ. соч.

⁹ Лягушкина Л. А. Указ. соч. С. 296.

¹⁰ Шалда В. Латышские художники в Москве (20–30 гг. XX века). С. 178–199; Зелюкина Т. С. Указ. соч. С. 224–238; Шафранская Э. Ф. Указ. соч. С. 180–205.

¹¹ Бартеле Т. Указ. соч. С. 88–110.

идет речь в статье В. П. Штрауса¹²: автор анализирует состав секции, количество публикаций, вклад писателей в поддержку латышской литературной традиции, приводит данные о попытках перевода латышской художественной литературы на русский язык.

Новизна представленного исследования заключается в обобщении материалов современных работ российских и латвийских авторов по спектру тем, имеющих отношение к репрессиям членов творческих и просветительских сообществ Москвы в 1937–1938 гг. Поскольку архивные фонды по теме исследованы недостаточно, при подготовке публикации был привлечен существенный массив архивных документов из следственных дел репрессированных членов латышских организаций в Москве¹³. Многие из них вводятся в научный оборот впервые и дополняют представление о причинах и масштабах террора в стране¹⁴. В работе с архивными документами и статистической информацией публикаций применяется компаративный метод в комплексе с конкретно-историческим, позволяющим проследживать деятельность культурных объединений и судьбы людей на меняющемся фоне социально-политических процессов в стране и мире.

Ход и результаты исследования. Латышские культурно-просветительские учреждения в России начали создаваться во время Первой мировой войны, когда территория Латвии оказалась во фронтовой и прифронтовой зоне. С входом немецких войск в Курляндию в апреле 1915 г. Ставка военного командования приняла решение об эвакуации населения. Постепенно нарастая, поток беженцев в центральные районы России увеличивался: на 1917 г. в России проживало 760 тыс. латышей, рассредоточенных по 300 географическим локациям. В Санкт-Петербурге было 60 тыс. беженцев из Латвии, а в Москве — около 30,5 тыс.¹⁵ Основной состав беженцев в Москве был представлен промышленным пролетариатом, эвакуированным вместе с предприятиями Риги целыми семьями; сельскохозяйственными работниками, служащими и студентами. Большая часть диаспоры работала в московских филиалах рижских предприятий — на фабрике «Проводник», заводах «Мотор», «Каучук», АМО (ЗИС), авиационном заводе «Юнкерс» (№ 22), в кустарных кожевенных мастерских, позднее объединенных в обувную фабрику «Парижская Коммуна», жила компактно и, плохо владея русским языком, не пыталась ассимилироваться в московской среде. В Центральной России латышей поддерживали различные благотворительные организации — Всероссийский союз беженцев, Латышское культурное бюро, Московское латышское общество и др.

¹² Штраус В. П. С латышского на русский (Проблемы перевода и издания произведений писателей латышской диаспоры в России в 20–30-х гг. XX в.) // Россия и Балтия. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений. М., 2011. С. 117–22.

¹³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10035 (УНКВД по Москве и Московской области).

¹⁴ Справка по материалам фонда ГАРФ № 4736 общества «Прометей». ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25983. Л. 59–62.

¹⁵ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. С. 63–64.

Основная масса латышского населения была политически нейтральной и желала только одного — возвращения на родину. Их мнение было отражено в латышской демократической газете «Новый ежедневный листок»: «У нас нет никаких оснований вмешиваться во внутреннюю борьбу, сведение счетов русской демократии. Нам, латышам, более всего необходим мир, чтобы мы поскорее попали обратно на свою землю и могли бы там восстановить и создать свободное устройство свободной автономной Латвии»¹⁶. Оказавшимся в России соотечественникам активно помогали представители латышской социал-демократии, и беженцы готовы были поддержать большевиков. Хотя только незначительная их часть, увлеченная идеей национального и социального освобождения латвийского народа, участвовала в революционных событиях октября 1917 г. в Петрограде и Москве — около 1500 человек в каждой из столиц¹⁷. Среди латышей наиболее активным отрядом революции стали красные стрелки.

Латышские воинские подразделения были сформированы в период Первой мировой войны, участвовали в военных действиях Юго-Западного, Северо-Западного и Северного фронтов. Часть этих подразделений вошла в латышскую дивизию, а состав был назван латышскими стрелками. В 1917 г. убежденность красных латышских стрелков в едином пути к свободе с революционной Россией была велика, на ней основана воинская отвага, а также преданность идеям большевизма. В западных районах латышские стрелки боролись за установление советской власти в Латвии в декабре 1918 – январе 1919 г., а затем в октябре 1919 – январе 1920 г. и в августе – ноябре 1920 г. участвовали в разгроме войск Антанты; в Центральной России они участвовали в военных действиях на фронтах Гражданской войны. В двух столицах — Петрограде и Москве — от 300 до 1000 латышских стрелков отвечали за охрану Ленина и правительства, выполняя самые сложные задания ВРК, ВЧК, СНК и ВЦИК¹⁸. Латышская стрелковая советская дивизия была расформирована по условиям Рижского мирного договора 1920 г., и с 1919 по 1927 г. 223 572 латыша — стрелки, студенты, рабочие, колонисты — вернулись в Латвию; командиры же латышских военных подразделений, большевики и другие представители социал-демократии Латвии — около 200 тыс. человек — остались. Бывший директор музея красных стрелков в Риге В. Стинкулис считал, что «почти 5 тысяч, в основном старших командиров и членов партии, остались в России»¹⁹. По переписи 1937 г., в Москве проживало 11 077 латышей²⁰.

¹⁶ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. С. 71.

¹⁷ Там же. С. 71.

¹⁸ Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917–1920 гг.: Воспоминания и документы. Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1962. С. 13.

¹⁹ Аренд К. П. Указ. соч. С. 216, 218; Шалда В. Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республики // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории. М.: Весь мир, 2020. С. 110; Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. С. 82; Stinkulis V. Op. cit.

²⁰ Аренд К. П. Указ. соч. С. 226.

Известными деятелями, оставшимися в истории советского государства, стали бывшие стрелки: начальник латышской дивизии и первый командующий вооруженными силами Советской России И. И. Вацетис, начдив Я. Я. Лацис, заместитель председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского — Я. Х. Петерс, историограф ВЧК М. Я. Лацис (Я. Ф. Судрабс), писатель Р. Эйдеман, большевик, возглавивший деятельность латышского культурно-просветительского общества «Прометей» в Москве, — К. Х. Данишевский. Латыши в системе большевистской иерархии заняли высокие и, казалось, очень прочные позиции. Они определили латышское лицо РКК и ВЧК, отчасти высших партийных и государственных органов, а затем постепенно перемещались на хозяйственные должности. Так, М. Я. Лацис возглавил позднее Солесиндикат, К. Х. Данишевский работал в Наркомате лесной промышленности, Я. Э. Рудзутак стал секретарем ВЦСПС.

Не теряя связи с соотечественниками и поддерживая тесные контакты с латышскими объединениями, в соответствии с профессиональным образованием приспосабливались к мирной жизни и рядовые латышские стрелки. В поддержку многочисленного латышского населения в РСФСР были созданы Комиссариат по латышским национальным делам, Всероссийский центр латышских секций ВКП (б) и его бюро, Латышская высшая партийная школа, Латышская секция Коминтерна, Латышская секция Союза писателей, Латышское культурно-просветительское общество «Прометей» и др. В 1920-х гг. в СССР работало около 70 латышских библиотек, 60 клубов, несколько театров, в том числе профессиональных, хоровые коллективы, 150 латышских школ. В Москве находилось издательство «Прометей», выпускавшее газеты и журналы, книги для детей и взрослых, Московский институт народного образования с латышским рабфаком, Коммунистический университет народов Запада с латышским сектором, латышский педагогический техникум, латышская высшая партшкола. В Московском регионе работали десять латышских школ первой ступени, одна школа второй ступени, два детских сада, три детских дома, шесть клубов, две библиотеки²¹.

Латышское культурно-просветительное общество «Прометей» существовало с 1925 г. на основе устава, утвержденного Моссоветом 25 февраля 1924 г. за № 1972²². Высшим руководящим органом являлось распорядительное общее собрание членов общества, а исполнительным органом было правление, избираемое распорядительным общим собранием сроком на один год. Основателем и идеологом «Прометей» был М. Я. Лацис, председателем правления — К. Х. Данишевский, заместителем председателя правления — Ф. И. Берновский, почетными членами — ветераны Латышской социал-демократической рабочей партии Я. Э. Рудзутак, И. И. Вацетис и Я. Х. Петерс. Юрисконсультom общества был Александр Маркович Винавер, а с 1 ноября 1936 г. — Евгений

²¹ Арент К. П. Указ. соч. С. 222–223.

²² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25983. Л. 59–62.

Михайлович Вишнеvский. В 1929 г. устав общества был изменен, дополнен и утвержден Советом народных комиссаров СССР²³.

Целью и задачей общества являлось ведение культурно-просветительной работы среди латышей, проживающих в СССР, посредством распространения периодической и непериодической литературы — научной и художественной, издававшейся преимущественно на латышском языке. Для осуществления указанных целей общество имело право хозяйственной, просветительской и культурной деятельности:

- открывать и поддерживать книжные магазины и склады для торговли литературой издательства «Прометей» и других издательств, а также канцелярскими товарами;

- содержать культурно-просветительные учреждения и необходимые для этого предприятия, такие как типография, мастерские по изготовлению письменных принадлежностей и учебных пособий, переплетные мастерские и т. п.;

- устраивать лекции, доклады, выставки, диспуты;

- оказывать содействие государственным учреждениям в их деятельности по обслуживанию культурных потребностей латышского населения в СССР.

Финансы общества формировались из вступительных и ежемесячных членских взносов; добровольных пожертвований; субсидий правительственных учреждений и общественных организаций; доходов от принадлежащего обществу имущества; доходов от всей деятельности общества, предусмотренной уставом. Общество оказывало материальную поддержку латышским школам, клубам, театрам, учебным заведениям на местах.

В составе общества «Прометей» были следующие секторы: партийного и советского строительства; культурно-просветительской и политмассовой работы; школьный; сельскохозяйственный; музыкальный; изобразительного искусства; латгальский и издательский. Издательской секцией руководил Эрнест Янович Герман. При обществе работало издательство периодических и непериодических изданий, главным редактором которого был Иоган Яковлевич Ласис. Оно издавало на латышском языке ежедневную газету «Коммунару Циня», детскую газету «Дарба Вернэ», детский журнал «Мазайст коллективист», общественно-политический и литературный журнал «Целтна» и журнал на латгальском языке²⁴. Кроме того, издавались и широко распространялись учебные книги для латышских школ, общественно-политическая и художественная литература, велась работа по организации кружков для молодых писателей.

Общество поддерживало работу латышских театров в Москве, Ленинграде и Смоленске. Еще в 1915 г., с входом германских войск в Латвию, в Москву приехали многие известные представители латышской культуры, в том числе известные театральные деятели, в частности режиссер Е. Дубурс — поклонник

²³ Устав просветительного общества «Прометей»: утвержден 1 апреля 1929 года. М.: Прометей, 1929. 11 с.

²⁴ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25983. Л. 60.

системы К. С. Станиславского, и развернулась деятельность латышских молодежных любительских трупп с латышским репертуаром. В 1916 г. в Москве открылся Новый латышский театр, где режиссурой занимался актер-комик Г. Жибалт и репертуар был более революционным, тем не менее латышская секция РКП (б) была им недовольна и театр закрылся в 1919 г. Многие театральные кружки и студии в последующие годы работали при клубах предприятий для латышских рабочих. Среди них «Страдниекс» («Рабочий») на заводе «Проводник», «Накотне» («Будущее») на заводе «Каучук», Московский латышский рабочий театр при латышском клубе «Циня» («Борьба»), театральный кружок латышских стрелков, театральный кружок латышских работников торговли, кружок латышской большевистской секции в Хамовниках. Выступали эти коллективы на сценах известных театров: Никитского театра (Театр им. В. Маяковского), театра Зимина (Театр оперетты), Театра Струйского (филиал Малого театра на Ордынке), театра «Мозаика» (Театр им. М. Ермоловой). В репертуаре была классика: пьесы Лопе де Вега, Ф. Шиллера, Д. Голсуорси, Н. В. Гоголя, А. М. Горького, Г. Гауптмана и в значительной степени пьесы латышских авторов, отражавшие революционную тематику А. М. Упита, Я. Райниса и др. В 1920-е гг. появились государственные латышские театры — Государственный латышский драматический театр-студия и Новый латышский театр агитации и пропаганды при Латышской высшей партийной школе в ведении Наркомпроса, очень идейный и леворадикальный, директором которого был М. Лацис, а режиссером — Т. Антманис. В 1922 г. обсуждалось объединение всех латышских театральных коллективов, но единогласного решения принято не было, и десять лет в Москве латышские театры не работали²⁵.

Только в 1932 г. по инициативе общества «Прометей» в его здании на Страстном бульваре был открыт Государственный латышский театр «Скатувэ» («Сцена»), до этого момента существовавший в виде студии вахтанговцев, где преподавали Б. Щукин и Б. Захава. В 1933 г. он был признан лучшим национальным театром в СССР и имел большую популярность среди латышей. В его репертуаре были 16 больших и 40 малых спектаклей, ставились пьесы латышских драматургов для латышской аудитории: «Разлом», «Вей, ветерок» Я. Райниса, «Авантюра» Р. А. Апина и К. Йокума, «Волки» Р. Эйдемана²⁶. Художественным руководителем театра стал Освальд Федорович Глазунов (Глазниец), близкий к традициям МХТ и театра Е. Вахтангова. Здесь в 1937 г. работали 38 актеров, в том числе М. К. Лейко, братья Я. Я. и К. Я. Балтаусы, братья Рудольф Фрицевич и Роберт Фрицевич Банцан (директор театра)²⁷. Общество «Прометей» совместно с театром «Скатувэ» и Центральным латышским клубом им. П. Стучки организовывали спектакли и концерты, разъезжали по всей

²⁵ Бартеле Т. Указ. соч. С. 88–110.

²⁶ Вейден Я. Латышский театр «Скатувэ» // Советский театр. 1930. № 7. С. 18–19.

²⁷ Состав труппы театра был установлен по материалам следственных дел артистов: ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–52854. Л. 11–12, Д. П–37947. Л. 20–21 об. Д. П–26323. Л. 22–37, Д. П–41263. Л. 12–16.

стране с целью мобилизации латышского профессионального и самодеятельного искусства, демонстрации и популяризации латышского национального искусства. Последний спектакль был сыгран 27 декабря 1937 г., после чего театр был закрыт по решению Президиума Моссовета «О латышском, литовском, эстонском, финском, польском, китайском клубах» вместе с латышскими клубами.

Одновременно сектор культурно-просветительской и политмассовой работы обслуживал потребности латышского населения через радиопередачи. Руководил работой сектора Кришьян Кришьянович Саулит. Общество имело редакции радиопередач в местах компактного проживания латышей в Минске, Смоленске, Ленинграде, Новосибирске, ведущие трансляцию в 49 латышских колхозах. В колхозах проводились лекции, концерты, радиопередачи, были организованы курсы по переподготовке колхозного актива.

Курсы по повышению квалификации бригадиров-животноводов и полеводов проводила сельскохозяйственная секция. Она же оказывала помощь колхозам при проведении сельскохозяйственной кампании: устраивала лекции, беседы, радиопередачи. Руководил секцией Арвид Яковлевич Цельмс, а с 1933 г. — Мартин Фрицевич Витолин. В колхозах была организована сеть изб-читален, красных уголков, библиотек, посылалась литература, проводилась широкая агрозоотехническая пропаганда, оказывалась помощь на время посевной и уборочной кампании. Правление общества «Прометей» пользовалось правом направлять своих работников в колхозы и совхозы, где имелись латышские поселения. В их ведении находились совхоз «Ударник» Загорского района Московской области; сельскохозяйственная коммуна им. Данишевского Детчинского района Московской области; колхоз «Страуме» Бородинского сельсовета Московской области; колхозы Куцевского района Азово-Черноморского края — «Земнекс», «Циня» им. Биркмана, «Дабра Вениба»; колхоз им. Изака Спас-Деменского района Западной области; колхоз «Стрелнекс» Чудовского района Ленинградской области; колхозы «Маяк» и им. Стучки в Башкирии и многие другие. В колхозы выезжали оказывать «культурно-политическую и хозяйственную помощь и ставили своей задачей добиться превращения хозяйства колхоза в образцово-показательное, как в смысле первоочередного выполнения государственных заданий, так и в смысле улучшения материально-бытовых условий колхозников»²⁸. Общество выдавало колхозам кредиты, помогало в получении сельхозинвентаря, семян, кормов, проектировании строительства. Колхозы, в свою очередь, обязаны были снабжать членов общества за счет излишков молоком, маслом, мясом, овощами и другими сельхозпродуктами. Члены общества проводили обследование состояния культурно-массовой работы в колхозах, оказывали содействие в организации латышских школ, комплектовали их учителями, организовывали гастрольные поездки театра «Скатувэ». В колхозы направлялись студенты и аспиранты Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), которые проводили

²⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П–25983. Л. 61–62.

общественную и организационную работу, а также студенты латышского отделения Битцевского сельскохозяйственного техникума.

Музыкальная секция, которой руководил Ян Яковлевич Озолин, также участвовала в обслуживании и колхозов, и рабочих центров, организуя концерты, местные музыкальные кружки. Латгальская секция под руководством Исидора Петровича Кукоя оказывала помощь колхозам и культурным учреждениям латгальцев посредством проведения курсов для колхозного актива, бесед, лекций и прочих мероприятий. В тесном контакте с обществом «Прометей» находилась латышская секция Союза советских писателей. В секции состояли 17 членов и пять кандидатов в члены ССП: Симан Бергис, Петр Блюмфельд, Паул Вискне, Анна Запровская, Петр Кикут, Вильгельм Кноррин, Линард Лайцен, Роберт Пельше, Ян Страуян, Судрабу Эджус, Карл Упмал, Эмил Фросс, Альвил Цеплис, Эдуард Шиллер, Роберт Эйдеман, Ян Эйдук, Юлия Янель. Кандидатами были Эдуард Биройс, Эдмунд Буркевиц (Эдмундс Буркевицс), Конрад Иокум, Карл Преднек, Эдуард Саленек. А. Запровска, Р. Пельше и В. Кноррин были известны также как литературоведы и литературные критики²⁹.

Школьной секцией руководил Эдуард Марцевич Стурит и непосредственно перед ликвидацией общества — Эмма Карловна Жвигур. Секция занималась латышскими школами, осуществляя методическое руководство, в частности сотрудники секции курировали московскую латышскую школу № 355 (по другим сведениям, № 22) Бауманского района, находившуюся на Н. Басманной улице, дом 19. Директором школы в 1936–37 гг. была Алиса Ивановна Баррон, она сменила прежних директоров — Альвину Карловну Ауре и Эльзу Яновну Гробинь, а завучем — тесно связанная с обществом «Прометей» Берта Индриковна Роньсала. Ее муж, Арвид Яковлевич Цельмс, руководил работой сельскохозяйственной секции общества. В школе работали педагоги-латыши: Август Пликаус, Юрий Августович Пакальнет с сестрой Мильдой Августовной Пакальнет, Петр Романович Прейс, Анс Петрович Лауберт, Валентина Уит, Мария Кейпенварлиц, Вильгельмина Александровна Клаве, Татьяна Веркстинь. В одном здании со школой находился латышский детский дом, директором которого была Лилия Бринкман, а воспитательницами — Гильда Федоровна Эсалинь и Эмма Линьтинь³⁰. Школа была расформирована после ликвидации общества.

Задачи секции ИЗО общества «Прометей» заключались в объединении латышских художников для работы над тематическим планом всего сектора культмассовой работы. Руководил секцией художник и бывший латышский стрелок Павел Янович Ирбит. В секцию входили художники Г. Г. Клупис, А. Д. Древин, В. П. Андерсон, К. Вейдеман, В. К. Якуб, Э. Я. Раценайтис, Цецилия Густав, Эрнст Гринвальд, Эрнст Калис и многие др., скульптор Я. Я. Калнынь³¹. В своем творчестве они поднимали тему революционного движения

²⁹ Штраус В. П. С латышского на русский. С. 122.

³⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52667. Л. 9–9 об., П-26631. Л. 11–15, Д. П-55461. Л. 10–18.

³¹ Шафранская Э. Ф. Указ. соч. С. 188–190.

в Латвии, работали над близкими им сюжетами из жизни латышских стрелков, поскольку многие сами в прошлом были стрелками, писали сюжеты о работе латышских колхозов в составе СССР. Секция изобразительного искусства устраивала выставки и общественные просмотры новых картин, вечера тематических встреч и конференции, оказывала помощь клубам, кружкам и школам. Художники отправлялись в командировки от общества в латышские колхозы в Латвию, Башкирию, Крым, Ленинградскую область.

В ноябре 1936 г. Я. Э. Рудзутак и его ближайший помощник К. Х. Данишевский были арестованы как участники троцкистской террористической организации. В 1937 г. общество «Прометей» было ликвидировано на основании Постановления № 1129 Совета народных комиссаров СССР от 16 июля 1937 г.³² Далее последовали массовые аресты членов латышских объединений. Основанием для их проведения стало секретное спецсообщение № 55422 от 21 января 1937 г. Н. И. Ежова Сталину о контрреволюционной организации в Коминтерне и «Прометее»³³, которая якобы возникла в 1928–1929 гг. в Латвии и вела работу против латышской секции Коминтерна, а с 1932 г. ее представители были внедрены в «Прометей» и КУНМЗ³⁴. Затем вышли приказы НКВД № 00447 о репрессиях кулацких, уголовных и антисоветских элементов от 30 июля 1937 г. и № 00485 от 11 августа 1937 г. о польской операции, коснувшиеся и латышей³⁵. Массовые аресты начались в конце ноября 1937 г., когда НКВД СССР была разослана шифрограмма № 49990 от 30 ноября 1937 г. с указанием выявлять контрреволюционеров и шпионов в латышских организациях, на предприятиях, учреждениях, где компактно работали латыши, и приказ НКВД от 3 декабря 1937 г.³⁶ Далее следовали приказы об увеличении лимитов на аресты до осени 1938 г.

Большинство руководителей общества «Прометей», 12 художников секции ИЗО, в том числе К. Вейдеман, А. Древин, Г. Клуцис, Р. Андерсон, Э. Райценайс, П. Ирбит и скульптор Я. Калнынь, были расстреляны в Бутово в 1938 г.³⁷; педагоги латышской школы и детского дома были репрессированы с особой жесткостью³⁸. На Бутовском полигоне 3 февраля 1938 г. были расстреляны 229 латышей, среди них большую часть представляли артисты и сотрудники театра «Скатувэ». В годы репрессий из двадцати двух членов и кандидатов в члены Союза советских писателей были расстреляны восемнадцать³⁹. Массовые репрессии Большого террора 1937–1938 гг. коснулись очень многих представителей

³² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-25983. Л. 62.

³³ Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / под ред. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М.: МФД, 2004. С. 52.

³⁴ Архив Президента Российской Федерации (АПРФ). Ф. 3. Оп. 24. Д. 274. Л. 14–17.

³⁵ Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга Памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М.: Альзо, 2004. С. 263.

³⁶ Там же. С. 267.

³⁷ Там же. С. 276.

³⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-52667. Л. 29–41, Д. П-26631. Л. 37.

³⁹ Штраус В. П. С латышского на русский. С. 122.

латышской диаспоры: они приговаривались если не к высшей мере наказания, то к 10 и 15 годам исправительных трудовых лагерей, как, например, директор Московского библиотечного института (ныне — Московский государственный институт культуры), профессор Генриетта Дерман, арестованная 8 января 1938 г. и сосланная в Воркуту на 15 лет (ее муж Вилис Дерман — заведующий кафедрой всеобщей истории КУНМЗ — был арестован 26 декабря 1937 г. и расстрелян в Бутово 3 февраля 1938 г. вместе с группой латышей). Всего в Бутово расстреляны 1328 латышей, в Коммунарке — 325 человек⁴⁰. Действия НКВД по латышской операции завершились только осенью 1938 г.

Заключение. После революции и войны система ценностей латышского населения включала идею социальной справедливости и национальной свободы, она складывалась под влиянием социал-демократических сил Латвии и России. Преобладающий тип латыша начала века — сельскохозяйственный рабочий, батрак, безземельный крестьянин. Решение вопросов национального и социального освобождения латыши связывали с большевистской Россией и революцией.

Надежность и преданность латышских воинских подразделений периода Гражданской войны не вызывала сомнений. Многие латышские стрелки были членами ВКП (б), убежденными сторонниками демократии, начавшими политическую борьбу еще в качестве членов Социал-демократии Латышского края и Латвийской социал-демократической рабочей партии.

В большевистской иерархии в Советской России и СССР латышские лидеры заняли высокое положение. Они работали в комиссариатах, комитетах, обществах, нередко возглавляя их: ВЧК, РККА, СНК, ВЦСПС, Коминтерне. Они же поддерживали латышские общественные организации по всей стране, пытаясь сохранить единство нации и поддержать национальную идентичность. Разочарование в большевистских идеях пришло позднее, в процессе жесткой реализации этих идей в СССР, когда латышские лидеры отказались от лозунга «Свободная Латвия в свободной России».

Настороженность к национальным движениям в СССР стала проявляться с 1929 г. — времени «большого перелома» — и усиливалась с приближением войны. Принятие Конституции 1936 г. увеличило социальную напряженность, а к моменту выборов по этой конституции в Верховный Совет СССР 12 декабря 1937 г. были приняты меры изоляции подозреваемых в ненадежности национальных контрреволюционных элементов. Массовый характер аресты получили в результате допущенной свободы действий органов НКВД в центре и на местах, получавших все большую власть, определенные привилегии и экономические выгоды от созданной репрессивной машины.

Поддержка латышскими лидерами этнических сообществ латышей в СССР, и в частности культурно-просветительских организаций в Москве, к 1937 г. оказалась опасной для этих объединений, поскольку в стране началась борьба за удержание власти ВКП(б). Все культурно-просветительские и образовательные

⁴⁰ Бутовский полигон. Вып. 8. С. 290.

учреждения латышей были закрыты, и стерта сама память о них. По статистике, в результате репрессий в 1937–1938 гг. в СССР погибло приблизительно 0,43 % населения⁴¹ (население, по переписи 1937 г., составляло около 162 млн чел.). Репрессии латышской диаспоры в столице были гораздо ожесточеннее и цифры погибших, по неполным данным, достигают 1653 человек, или 14,9 % от общего числа проживающих в Москве латышей: большая часть из них — 1328 человек — оказались на Бутовском полигоне⁴², представители латышской номенклатуры в партийных и государственных органах СССР — 325 человек — расстреляны в Коммунарке⁴³. Массовую гибель латышских граждан СССР можно расценивать как один из факторов, приведших к выходу республики из состава Союза в 1989 г., когда Верховный Совет Латвийской ССР принял декларацию о суверенитете. Вместе с тем можно сказать, что отношения советского государства с латышским сообществом в рассматриваемый период находились в рамках определенной правительством, но меняющейся национальной политики.

Литература

1. Арент К. П. Динамика численности латышей в Советской России / СССР (1920–1940 гг.) // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX в. / отв. ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 212–233.
2. Бартеле Т. Латышский театр в Москве. 1915–1922 // Россия и Балтия. Вып. 2. Эпоха перемен (1914–1924) / отв. ред. А. О. Чубарьян; ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 88–10.
3. Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып. 8. М.: Альзо, 2004. 400 с.
4. Зелюкина Т. С. Латвийские художники в Третьяковской галерее // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Весь Мир, 2020. С. 224–238.
5. Кикутс Т. Латышские переселенцы в России: отражение проблемы в латышской публицистике начала XX века // Россия и Латвия в потоке истории. 2-я половина XIX – 1-я половина XX в. / отв. ред. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2015. С. 36–60.
6. Крякин Е. Н. Этнические организации Москвы и Подмосковья в 1920-е – первой половине 1930-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 180 с.
7. Латышские стрелки в борьбе за Советскую власть в 1917–1920 годах: Воспоминания и документы / Акад. наук Латв. ССР. Ин-т истории; [введ. Я. П. Крастыня]. Рига: Изд-во АН Латв. ССР, 1962. 527 с.
8. Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 354 с.
9. Назарова Е. Л. Латыши в русской революции. Судьба Карла Яковица // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Весь Мир, 2020. С. 143–186.

⁴¹ Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 6.

⁴² Бутовский полигон. Вып. 8. С. 290.

⁴³ Там же.

10. Шалда В. Истина или легенды: актуальные вопросы истории латышских стрелков в публицистике и историографии Латвийской Республики // Россия и Балтия. Вып. 9: Источник и миф в истории / отв. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Весь Мир, 2020. С. 82–142.
11. Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Вып. 2. Эпоха перемен (1914–1924) / отв. ред. А. О. Чубарьян; ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: ИВИ РАН, 2002. С. 63–94.
12. Шалда В. Латышские художники в Москве (20–30 гг. XX века) // Россия и Балтия. Вып. 4: Человек в истории / отв. ред. А. О. Чубарьян; ред.-сост. Е. Л. Назарова. М.: Наука, 2006. С. 178–199.
13. Шафранская Э. Ф. Бутовский полигон vs Нукусский музей им. И. В. Савицкого // Знамя. 2021. № 7. С. 180–205.
14. Штраус В. П. Московская латышская община в XIX в. Краткое обозрение // Россия и Балтия. Вып. 3: Остзейские губернии и Северо-Западный край в политике реформ Российской империи. 2-я половина XVIII – XX в. / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 188–94.
15. Штраус В. П. С латышского на русский (Проблемы перевода и издания произведений писателей латышской диаспоры в России в 20–30-х гг. XX в.) // Россия и Балтия. Вып. 6: Диалог историков разных стран и поколений / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Весь мир, 2011. С. 117–22.
16. Stinkulis V. Vai tiešām tik sarkani? // Latviešu strēlnieks. 1994. № 4. 31 p.

References

1. Arent K. P. Dinamika chislennosti latyshei v Sovetskoj Rossii / SSSR (1920–1940 gg.) [Dynamics of the number of Latvians in Soviet Russia/USSR (1920–1940)] // Rossiia i Latviia v potoke istorii. 2-ia polovina XIX – 1-ia polovina XX v. / отв. red. E. L. Nazarova. M.: IVI RAN, 2015. S. 212–233. (In Russ.).
2. Bartele T. Latyshskii teatr v Moskve. 1915–1922 [Latvian theater in Moscow. 1915–1922] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 2. Epokha peremen (1914–1924) / отв. red. A. O. Chubar'ian; red.-sost. E. L. Nazarova. M.: IVI RAN, 2002. S. 88–10. (In Russ.).
3. Butovskii poligon. 1937–1938 gg. Kniga pamiati zhertv politicheskikh repressii. Vyp. 8 [Butovo landfill. 1937–1938. Book of Memory of Victims of Political Repressions]. M.: Al'zo, 2004. 400 s. (In Russ.).
4. Zeliukina T. S. Latviiskie khudozhniki v Tret'iakovskoi galeree [Latvian artists in the Tretyakov Gallery] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 9: Istochnik i mif v istorii / отв. red. A. O. Chubar'ian; In-t vseobshch. istorii RAN. M.: Ves' Mir, 2020. S. 224–238. (In Russ.).
5. Kikuts T. Latyshskie pereselentsy v Rossii: otrazhenie problemy v latyshskoi publitsistike nachala XX veka [Latvian Settlers in Russia: Reflection of the Problem in Latvian Publicism at the Beginning of the 20th Century] // Rossiia i Latviia v potoke istorii. 2-ia polovina XIX – 1-ia polovina XX v. / отв. red. E. L. Nazarova. M.: IVI RAN, 2015. S. 36–60. (In Russ.).
6. Kriakin E. N. Etnicheskie organizatsii Moskvyy i Podmoskov'ia v 1920-e – pervoi polovine 1930-kh gg. [Ethnic organizations of Moscow and the Moscow region in the 1920s – the first half of the 1930s.]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2018. 180 s. (In Russ.).

7. Latyshskie strelki v bor'be za Sovetskuiu vlast' v 1917–1920 godakh: Vospominaniia i dokumenty [Latvian Riflemen in the Struggle for Soviet Power in 1917–1920: Memoirs and Documents] / Akad. nauk Latv. SSR. In-t istorii; [vved. Ia. P. Krastynia]. Riga: Izd-vo AN Latv. SSR, 1962. 527 s. (In Russ.).

8. Liagushkina L. A. Sotsial'nyi portret repressirovannykh v RSFSR v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): sravnitel'nyi analiz baz dannykh po regional'nym «Knigam pamiati» [Social portrait of the repressed in the RSFSR during the Great Terror (1937–1938): a comparative analysis of databases on the regional “Books of Memory”]: dis. ... kand. ist. nauk. M., 2016. 354 s. (In Russ.).

9. Nazarova E. L. Latyshi v russkoi revoliutsii. Sud'ba Karla Iakovitsa [Latvians in the Russian Revolution. The fate of Karl Jakovitz] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 9: Istochnik i mif v istorii / otv. red. A. O. Chubar'ian; In-t vseobshch. istorii RAN. M.: Ves' Mir, 2020. S. 143–186. (In Russ.).

10. Shalda V. Istina ili legendy: aktual'nye voprosy istorii latyshskikh strelkov v publististike i istoriografii Latviiskoi Respubliki [Truth or Legends: Topical Issues in the History of Latvian Riflemen in Journalism and Historiography of the Republic of Latvia] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 9: Istochnik i mif v istorii / otv. red. A. O. Chubar'ian; In-t vseobshch. istorii RAN. M.: Ves' Mir, 2020. S. 82–142. (In Russ.).

11. Shalda V. Latyshskie bezhentsy v Rossii i revoliutsiia. 1915–1921 gg. [Latvian refugees in Russia and the revolution. 1915–1921] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 2. Epokha peremen (1914–1924) / otv. red. A. O. Chubar'ian; red.-sost. E. L. Nazarova. M.: IVI RAN, 2002. S. 63–94. (In Russ.).

12. Shalda V. Latyshskie khudozhniki v Moskve (20–30 gg. XX veka) [Latvian artists in Moscow (20–30s of the 20th century)] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 4: Chelovek v istorii / otv. red. A. O. Chubar'ian; red.-sost. E. L. Nazarova. M.: Nauka, 2006. S. 178–199. (In Russ.).

13. Shafranskaia E. F. Butovskii poligon vs Nukusskii muzei im. I. V. Savitskogo [Butovo training ground vs Nukus Museum named after I. V. Savitsky] // Znamia. 2021. № 7. S. 180–205. (In Russ.).

14. Shtraus V. P. Moskovskaia latyshskaia obshchina v XIX v. Kratkoe obozrenie [Moscow Latvian community in the 19th century. Brief overview] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 3: Ostzeiskie gubernii i Severo-Zapadnyi krai v politike reform Rossiiskoi imperii. 2-ia polovina XVIII–XX v. / otv. red. A. O. Chubar'ian. M.: IVI RAN, 2004. S. 188–194. (In Russ.).

15. Shtraus V. P. S latyshskogo na russkii (Problemy perevoda i izdaniia proizvedenii pisatelei latyshskoi diaspory v Rossii v 20–30-kh gg. XX v.) [From Latvian into Russian (Problems of translation and publication of the works of writers of the Latvian diaspora in Russia in the 20–30s of the 20th century)] // Rossiia i Baltiia. Vyp. 6: Dialog istorikov raznykh stran i pokolenii / otv. red. A. O. Chubar'ian. M.: Ves' mir, 2011. S. 117–122. (In Russ.).

16. Stinkulis V. Vai tiešām tik sarkani? // Latviešu strēlnieks. 1994. № 4. 31 p. (In Latvian).

УДК 947.9“63.3(2)6”002.2

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.07

Шаповал Виктор Васильевич

кандидат филологических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

e-mail: ShapovalVV@mgpu.ru; SPIN: 7321-3635; ORCID: 0000-0001-7615-4389

К ИСТОРИИ ЦЕНЗУРНОГО КОНТРОЛЯ РОМСКИХ ИЗДАНИЙ В СССР (1927–1938)

Аннотация. К началу ромского книгоиздания контроль печати на языках национальностей СССР уже сложился. Кто персонально разрешал ромские книги, неизвестно. В статье предлагается реконструкция ведомственного порядка разрешения публикаций на основе архивных материалов, анализа рукописей и выходных данных книг. Купюры в изданиях не всегда возникали по требованиям цензуры. Иногда авторы прибегали к автоцензуре.

Ключевые слова: цензура, органы контроля, советские ромские книги, цензурная процедура.

Благодарности: статья написана в рамках исследовательского проекта «Roma-Interbellum. Roma Civic Emancipation between the Two World Wars» (Principal Investigator Elena Marushiakova), получившего финансирование от агентства European Research Council (ERC) в рамках программы Европейского союза по исследованиям и инновациям Horizon 2020 (грантовое соглашение № 694656).

Данный текст отражает только точку зрения автора, и агентство не несет ответственности за любое использование информации, которая в нем содержится.

Shapoval Viktor V.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

e-mail: ShapovalVV@mgpu.ru; SPIN: 7321-3635; ORCID: 0000-0001-7615-4389

ON THE HISTORY OF CENSORSHIP OF ROMA PUBLICATIONS IN THE USSR (1927–1938)

Abstract. By the beginning of the Roma book publishing, control of publications in the languages of the nationalities of the USSR had already taken shape. It is not known who personally authorized the Roma books. The article proposes a reconstruction of the departmental order of permission for publication based on archival materials, analysis of manuscripts and the output of books. Gaps in publications did not always appear due to censorship requirements. The authors sometimes resorted to self-censorship.

Keywords: censorship, control institutions, Soviet Romani books, censorship procedure.

Acknowledgments: the article was written as part of the research project *RomaInterbellum. Roma Civic Emancipation between the Two World Wars* (Principal Investigator Elena Marushiakova), which received funding from the European Research Council (ERC) agency within the framework of the European Union's Horizon 2020 Research and Innovation Program (grant agreement № 694656).

This text reflects only the author's point of view, and the agency is not responsible for any use of the information contained therein.

История цензуры в СССР за последние десятилетия изучена в различных аспектах как отечественными, так и зарубежными исследователями¹, в частности проблемы адаптации советской модели к нерусским изданиям². В структуре Наркомпроса РСФСР находилось Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), имевшее областные и районные органы. В большей степени изучен контроль публикаций на русском языке, однако государство прилагало усилия и для охвата печатной продукцией всей многонациональной массы граждан. Этот аспект также исследован, например цензура национальной книги в Коми-Пермяцком округе³, Северо-Кавказском крае⁴ и др. Уже сложившийся вектор позволяет обратиться к истории контроля ромских (цыганских) публикаций в СССР, хронологически относящихся к двум первым пятилеткам⁵.

История ромских изданий в последние годы была нами заметно дополнена: существенно уточнена хронология публикации первого ромского журнала⁶;

¹ Sherry S. Notes from Glavlit: The Autobiographical Writing of Former Soviet Censors // *The Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96. № 4. P. 672–703; Sherry S. *Made under Pressure: Literary Translation in the Soviet Union, 1960–1991*: by Natalia Kamovnikova, Amherst and Boston, University of Massachusetts Press, *Studies in Print Culture and the History of the Book*, 2019, 272 p. // *Slavic Review*. 2020. Vol. 79. № 1. P. 254–255; Sherry S. Introduction: New Perspectives on Censorship under Communism // *Slavonic & East European Review*. 2018. Vol. 96. № 4. P. 601–613 и др.

² Например: Славова П. БТА под контроля на Главлит (1952–1956) // *Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет*. Т. 98–99. 2005–2006. Suppl. 1. Докторантски четения – март '2006. София, 2011. С. 134–144; Kamińska-Chelminiak K. Polish Censorship During the Late Stalinist Period // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2021. Т. 66. Вып. 1. P. 245–259; Streikus A. Political Censorship in the Soviet West. A Comparison of the Lithuanian and Latvian Cases // *Cahiers du monde russe*. 2019. Vol. 60, Issue 4. October. P. 737–762 и др.

³ Дианов С. А. Органы советской цензуры в Коми-Пермяцком национальном округе в 1920–1980-е гг.: структура, функции, кадры // *Манускрипт*. Тамбов, 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 20–24.

⁴ Курмансеитова А. Х. Об организации цензуры национальной книги в Северо-Кавказском крае в годы культурного строительства // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2016. № 2. С. 38–41.

⁵ Shapoval V. V. The Books to the Illiterate?: Romani Publishing Activities in the Soviet Union, 1927–1938 // *Social Inclusion*. 2020. Т. 8. № 2. С. 352.

⁶ Шаповал В. В. Первый советский журнал на ромском языке: к проблеме датировки выпуска // *Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology*. 2019. Т. 26. С. 72–77.

изучены технические и тематические аспекты организации книгоиздания⁷; описаны пути книги к читателю⁸; освещен ранее не исследованный период 1938–1941 гг. и опубликованы письма и архивные документы⁹.

Однако порядок цензурирования рукописей на этом языке пока специалистами не рассматривался. В дополнение к трудностям, бытовым и социальным, ромское книгоиздание осложнялось диалектной пестротой, слабой разработанностью общественно-политической и технической терминологии, отсутствием писательских кадров и читательской практики в традиционном жизненном укладе народа. Сразу подчеркнем, что выяснить, кто персонально давал разрешение на ту или иную ромскую публикацию, пока не удастся, но можно предметно говорить о реконструкции ведомственного порядка и правового механизма получения разрешения на публикацию рукописи на национальном языке, и это уже заметное продвижение вперед в изучении указанного аспекта истории создания литературы данного национального меньшинства.

Ромская печать в СССР началась с 1927 г., когда вышли в свет листовка Всероссийского союза цыган с призывом к оседлости¹⁰ и небольшая заметка к 10-летию Октября «В наш праздник» (ромский титул «Аморо свенко») в газете Центрального издательства народов СССР «За верстаткой» в переводе на 52 языка¹¹. Вероятно, именно русский оригинал литовался как основа в обоих случаях. За точность переводов формально несли ответственность переводчики и привлеченные эксперты. В обоих случаях ромский текст представлял собой пока довольно свободный пересказ русского оригинала. Эта практика имела место даже при переводе, точнее, при пересказе классиков марксизма и «ленинской литературы»¹². Уполномоченный Главлита, к которому поступала рукопись, прежде всего обращал внимание на русский текст оригинала или перевода (подстрочника). Иногда машинопись русского перевода представлялась по требованию уполномоченного дополнительно.

После Октябрьской революции, примерно с 1922 г. происходит последовательная централизация предварительного контроля печатной продукции. В 1927 г., т. е. к началу ромского книгоиздания, система разрешения публикаций на национальных языках уже в достаточной мере сложилась организационно и была обеспечена кадрами. На первых ромских изданиях

⁷ Roma Writings. Romani Literature and Press in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th Century until World War II / R. B. Roman et al. Brill: Ferdinand Schöningh, 2021. P. 159–195.

⁸ Шаповал В.В. Создание нового ромского читателя в СССР (1927–1938): противоречивые подходы // Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology. 2020. Т. 28. С. 30–38.

⁹ Махотина И. Ю., Шаповал В. В. О деятельности Е. А. Муравьевой в ромской секции при Союзе советских писателей (до июня 1941 г.) // Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology. 2021. Т. 30. С. 69–77.

¹⁰ К цыганскому населению Р. С. Ф. С. Р / А. С. Таранов и др. М., 1927. 1 с.

¹¹ [Виксне В. Р.] Аморо свенко // За верстаткой. 1927. № 7. С. 3.

¹² Пять лет Центрального издательства народов СССР. 1924 – 13/VI 1929. М.: Центриздат, 1929. С. 24.

стоит номер разрешения уполномоченного Главлита и номер издательского заказа. Это помогает установить примерную очередность выхода в свет изданий конца 1920-х внутри года, поскольку даты сдачи в набор и подписания в печать стали проставляться позднее.

В 1928 г. вышла из печати только одна книга. Это был букварь «Нэво дром» («Новый путь»)¹³. Трудно переоценить значение этого знаменательного события: издание первой оригинальной советской книги полностью на ромском языке. Очевидно, в контрольные органы представлялась машинописная или рукописная копия, поскольку ранее такая практика сложилась при утверждении текстов цыганских песен для исполнения на эстраде. В 1929 г. вышло в свет уже четыре книги. В основном разрешения Главлита шли без задержек в той же последовательности, что и нумерация издательских заказов. Это говорит о том, что литование ромских рукописей не вызывало непреодолимых проблем и длительных задержек.

Три книги 1929 г. — это оригинальные учебные пособия с мощным идеологическим зарядом. Переводное издание только одно — брошюра Самуила Яковлевича Стерлина (1891–1938) оборонной тематики¹⁴. Переводчик Г. П. Лебедев (1900–1969) внес в вводный раздел актуальные политические дополнения. Подобная переработка оригинала часто встречалась и позднее, следовательно, ромский перевод уже проходил проверку отдельно. Еще одна особенность переводов, которая будет проявляться и позже, — довольно частое несовпадение названия с русским переводом титула, размещавшимся обычно на четвертой странице обложки. Так, дословное заглавие «Буты и джинаибэн» («Работа и знание») стало звучать более официально «Строим нашу промышленность»¹⁵.

Стандартный договор писателя с издательством примерно до середины 1930-х гг. содержал следующее примечание: «В случае, если у Издательства возникнут опасения, что представленный труд не будет допущен в печать по цензурным условиям и Автор не найдет нужным внести изменения в возбуждающие сомнения места рукописи, издательству предоставляется право задержать платеж, предусмотренный лит. “в” настоящего пункта, до получения одобрения Главлита»¹⁶. По этой чисто материальной причине все участники подготовки рукописи старались тщательно соблюдать внешние требования к содержанию. К уполномоченному Главлита попадала рукопись, уже прошедшая автоцензуру и предварительную проверку в издательстве.

Позднее, во второй половине 1930-х, даже и упоминание «цензурных условий» исчезает из договора: «2. Передача рукописи на просмотр надлежащим

¹³ Дударова Н., Панков Н. Нэво дром (букварё) ваш барэ манушэнгэ. М.: Центриздат, 1928. 98 с.

¹⁴ Стерлин С. Я. Соса населениё помогискирла Лолякэ ариянкэ, коли авэла марибэ. М.: Центриздат, 1929. 30 с.

¹⁵ Панков Н. А. Буты и джинаибэн. М.: Центриздат, 1929. 64 с.

¹⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 613. Оп. 2. Ед. хр. 27. Л. 4.

органам власти отодвигает момент принятия рукописи... сверх того еще на две недели»¹⁷.

Касательно термина «цензура» еще один вопрос заслуживает внимания, потому что пока он остается без ответа. В выходных данных «Альманаха цыганских поэтов» наряду с номером Главлита «В-175» приводится и номер «Цнз. № 2293», который трудно не прочесть как номер цензурного разрешения¹⁸. Это была редкая и недолгая практика указания номера цензурного разрешения в выходных данных книги, например «Цнз № 36813. Ленинградский Областлит № 54014»¹⁹. Позднее указывался только номер разрешения, полученного от уполномоченного Главлита. Возможно, какое-то время получение разрешения было двухэтапным, однако термин «цензура» обладал исторически накопленным негативом и в выходных данных издания обычно не отражался. Какой орган стоял за строкой «Цнз.», нам не известно.

Следует подчеркнуть, что не все разночтения и купюры возникли по инициативе уполномоченных советского Главлита, у них были предшественники. Так, в эпилоге поэмы Пушкина «Цыганы» имеются восемь строк со сложной судьбой. В 1822 г. Пушкин пропал из Кишинева на несколько дней и пристал к цыганскому табору, об этом свидетельствовал отрывок эпилога, не попавший в поэму при ее издании: «За их ленивыми толпами... <...> Я имя нежное твердил», но в 1937 г. в юбилейном академическом издании пропуск был восстановлен по автографу²⁰. В переводе Н. А. Панкова на ромский язык эти восемь строк, вписанные Пушкиным в экземпляр поэмы, принадлежавший кн. Вяземскому²¹, не были учтены, хотя уже были признаны частью канонического текста поэмы.

Религиозные намеки также изгонялись из литературы национальностей, порой еще более жестоко, чем из русских текстов. В повести «Железная трава» В. Бахметьева юный герой описан так: «У Русаныча, вчерашнего деповского слесаря, за голенищем <палэ тырах ‘за сапогом’> лежал малого калибра <малокалиберно ‘малокалиберный’> браунинг, а в груди колотилось <мардяпэ ‘билось’> неугомонное <зорало ‘сильное’> сердце, и он готов был <могискир-дя ‘мог’> о самом простом и будничном <каждодывэсытко ‘каждодневном’> кричать <тэ дэл годлы ‘издавать крик’> и петь в это погожее <гожо ‘красивое’> утро, **как молитву в детстве на клиросе**», в русских изданиях это место не изменялось никогда, а в ромском переводе вырезано упоминание молитвы,

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 4777. Л. 23.

¹⁸ Альманахо романэ поэтэн / А. В. Герман (ред.). М.: Центриздат, 1931. С. 2.

¹⁹ Ланн Е. Литературная мистификация. М.; Л.: Госиздат, 1930. С. 2.

²⁰ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 16 т. Т. 4. Поэмы. 1817–1824. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937. С. 204.

²¹ Домгерр Л. Л. Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 гг. (материалы и комментарии) // Записки Русской академической группы в США = Transactions of the Association of Russian-American scholars in the U. S. A. T. 20. New York: Assoc. of Russ.-Amer. scholars in the U. S. A., 1987. P. 316.

выделенное нами полужирным шрифтом²². В ломаных скобках указаны с дословными переводами ромские эквиваленты, выбранные О. И. Панковой при передаче этого описания. Как видим, точность и дословность перевода исключает версию о случайной потере выделенного фрагмента. Это яркое проявление последствий насаждения атеизма коснулось и других переводов, где были упоминания религиозных праздников и других близких понятий.

В ромских публикациях отразилось литование разного уровня. Центральные столичные издательства преобладали: «Центриздат» — монополист до конца 1931 г. — и Государственное издательство художественной литературы (ГИХЛ)²³, где в Нацсекторе служил один из пионеров ромской литературы А. В. Германо (1893–1955)²⁴, а также специальные издательства («Сельколхозгиз», «Молодая гвардия», «Учпедгиз» и пр.), обязанные с 1932 г. публиковать национальную книгу по особой квоте. Они имели возможность оперативно и напрямую обращаться в Главлит, это упрощало процесс получения разрешения на публикацию. Физически этот процесс означал наличие дела, хранившегося в Главлите, и штампа с визой на авторской рукописи. Например, на первом листе наборного экземпляра ромского перевода Н. А. Панкова поэмы Пушкина «Цыганы» видим штамп с вписанными от руки данными (выделены курсивом):

№ _____
Разрешается к печати
Упол. Главл. *А Грушиц*
“28” Января 1938 г.²⁵

Здесь вызывает удивление дата разрешения, потому что сама книга вышла в 1937 г. (подписана к печати 26 июня)²⁶. Возможно, это описка, спровоцированная цифрой 8 в дне месяца. Разрешение не могло быть дано задним числом, потому что на рукописи остались следы пальцев наборщиков и разметка технического редактора. Именно с этой рукописи печаталась книга.

Разрешение Главлита могло быть поставлено не только на первом, но и на последнем листе рукописи, как в переводе «Станционного смотрителя» А. С. Пушкина²⁷: штамп по какой-то причине поверх готовой рукописной визы с подписью уполномоченного приложить не успели или не смогли, так и ушла рукопись обратно в издательство, но это не помешало книге выйти в свет.

Изредка книги на ромском выходили и в других издательствах. Так, Н. Н. Кручинин (Хлебников), редчайший тогда пример потомственно-го цыганского музыканта с высшим консерваторским образованием, издал

²² Бахметьев Вл. Саструны чяр. М.: Гослитиздат, 1935. С. 7.

²³ Цыгане / отв. ред. Н. Г. Деметер, А. В. Черных. М.: Наука, 2018. С. 474.

²⁴ Marushiakova-Popova E., Popov V. Beginning of Romani Literature: The Case of Alexander Germano // Romani Studies. 2020. Vol. 30. № 2. С. 157.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7501. Л. 1.

²⁶ Пушкино А. С. Рома / пер. Н. А. Панкова. М., 1937. С. 28.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Ед. хр. 7498. Л. 15.

пять полевых цыганских песен в специальном издательстве «Музторг» Московского отдела наробраза. Оно имело разрешение губернской структуры Главлита: «Мосгублит № 31876»²⁸.

Известно три газетных номера на ромском языке, вышедших в г. Минеральные Воды в 1934–1935 гг. Газеты литовались на районном уровне, например «Райлит № 44»²⁹. В те годы здесь создавался цыганский сельсовет, единичные выпуски газет были разрешены в рамках этого активизировавшегося к 1936 г., но вскоре свернутого начинания.

Женское участие в ромской литературе было весьма значимым. Конечно, по сравнению с российским обществом эта тенденция была выражена не столь заметно, однако не следует забывать о традиционной экономической самостоятельности ромской женщины и лидерском статусе солисток хоров до революции. Преимущественно из этой среды выдвинулись писательницы и поэтессы, главной темой творчества которых стало «угнетенное положение женщины в ромском обществе и новая судьба цыганки в советской стране»³⁰. Одной из заметных фигур в новой ромской литературе была Евдокия Ивановна Орлова (1890–?). Она была членом Союза работников искусств (РАБИС) с 1918 г., состояла в Драмсоюзе с 1928 г.³¹. Удивительно, что редактором книги стихов Орловой³² был обозначен польский писатель-коммунист Генрих Григорьевич <Германович> Домский (Штейн) (1883–1937). Этот случай интересен по ряду причин. Насколько известно, ромским языком Домский не владел. Кто был настоящим редактором, сказать трудно, но Домский по каким-то причинам решил принять на себя ответственность за содержание книги. Добавим, что некоторые шероховатости в языке и стихотворном размере (как в данном сборнике) мало интересовали цензуру, пока в идейном смысле содержание было безупречным.

Таким образом, контроль публикаций на ромском языке был организован в соответствии с уже сложившейся практикой: уполномоченный Главлита знакомился с русским вариантом, отзывами ответственных экспертов, владевших ромским языком, и проводил проект решения по инстанции. После этого заливотанная рукопись, часто написанная рукой автора, поступала к техническому редактору, который делал разметку шрифтов и отступов для наборщика, а последний уже набирал книгу, нередко на линотипе. Особых проблем при этом у ромских изданий не возникало, поскольку на ромскую кириллицу тогдашние латинизаторы не покушались.

²⁸ Кручинин (Хлебников) Н. Н. Сборник полевых цыганских песен (полёва гиля). Вып. 1. М.: Музторг, 1929. С. 12.

²⁹ Пало большевистско колхозо / [М. Т. Безлюдско и др.]. Минводы, 1934. № 2. С. 2.

³⁰ Цыгане. С. 477.

³¹ РГАЛИ. Ф. 675. Оп. 2. Ед. хр. 464. Л. 1.

³² Орлова Е. И. Прэ фэлда мурдэна яга. Гиля. М.; Л.: Гослитиздат, 1933. С. 2.

Литература

1. Дианов С. А. Органы советской цензуры в Коми-Пермяцком национальном округе в 1920–1980-е гг.: структура, функции, кадры // Манускрипт: история, философия, искусствоведение. 2019. Т. 12. Вып. 6. С. 20–24. DOI: 10.30853/manuscript.2019.6.3
2. Домгерр Л. Л. Из истории советского академического издания полного собрания сочинений Пушкина 1937–1949 гг. (материалы и комментарии) // Записки Русской академической группы в США = Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U. S. A.). Т. 20: А. С. Пушкин, 1799–1837: к 150-летию со дня смерти: [сб. / editor: Nadja Jernakoff]. New York: Assoc. of Russ.-Amer. scholars in the U. S. A., 1987. P. 295–348.
3. Курмансеитова А. Х. Об организации цензуры национальной книги в Северо-Кавказском крае в годы культурного строительства // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 2. С. 38–41.
4. Махотина И. Ю., Шаповал В.В. О деятельности Е. А. Муравьевой в ромской секции при Союзе советских писателей (до июня 1941 г.) // Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology. 2021. Т. 30. С. 69–77. DOI: 10.52603/rec.2021.30.09
5. Славова П. БТА под контрола на Главлит (1952–1956) // Годишник на Софийския университет «Св. Климент Охридски». Исторически факултет. Т. 98–99. 2005–2006. Suppl. 1. Докторантски четения – март 2006. София, 2011. С. 134–144.
6. Цыгане / отв. ред. Н. Г. Деметер, А. В. Черных; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2018. 614 с. (Народы и культуры).
7. Шаповал В. В. Первый советский журнал на ромском языке: к проблеме датировки выпуска // Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology. 2019. Т. 26. С. 72–77. DOI: 10.5281/zenodo.3595147
8. Шаповал В. В. Создание нового ромского читателя в СССР (1927–1938): противоречивые подходы // Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology. 2020. Т. 28. С. 30–38. DOI: 10.5281/zenodo.4437960
9. Kaminska-Chelminiak K. Polish Censorship During the Late Stalinist Period // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 245–259. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.115
10. Marushiakova-Popova E., Popov V. Beginning of Romani Literature: The Case of Alexander Germano // Romani Studies. 2020. Vol. 30. № 2. P. 135–162.
11. Roma Writings. Romani Literature and Press in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th Century until World War II / R. B. Roman et al. Brill: Ferdinand Schöningh, 2021. 276 p.
12. Shapoval V. V. The Books to the Illiterate?: Romani Publishing Activities in the Soviet Union, 1927–1938 // Social Inclusion. 2020. Vol. 8. № 2. P. 346–357. DOI: 10.17645/si.v8i2.2792
13. Shapoval V. V. Obscure Years of Soviet Roma Literature (1939–1941) // Romani Studies. 2021. Vol. 31. № 1. С. 5–28. DOI: 10.3828/rs.2021.2
14. Sherry S. Notes from Glavlit: The Autobiographical Writing of Former Soviet Censors // The Slavonic & East European Review. 2018. Vol. 96. № 4. P. 672–703.
15. Sherry S. Made under Pressure: Literary Translation in the Soviet Union, 1960–1991. By Natalia Kamovnikova. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 2019. xii, 272 pp. // Slavic Review. 2020. Vol. 79. № 1. P. 254–255. DOI: 10.1017 / slr.2020.64

16. Sherry S. Introduction: New Perspectives on Censorship Under Communism // Slavonic & East European Review. Vol. 96. № 4. P. 601–613.

17. Streikus A. Political Censorship in the Soviet West. A comparison of the Lithuanian and Latvian cases // Cahiers du monde russe. October 2019. Vol. 60. Issue 4. P. 737–762. DOI: 10.4000/monderusse.11403

References

1. Dianov, S. A. Organy sovetskoi tsenzury v Komi-Permiatskom natsional'nom okruge v 1920–1980-e gg.: struktura, funktsii, kadry [Bodies of Soviet Censorship in the Komi-Permyak National District in the 1920s–1980s: Structure, Functions, Personnel] // Manuskript: istoriia, filosofii, iskusstvovedenie. 2019. T. 12. Vyp. 6. S. 20–24. (In Russ.).

2. Domgerr L. L. Iz istorii sovetskogo akademicheskogo izdaniia polnogo sobraniia sochinenii Pushkina 1937–1949 gg. (materialy i kommentarii) [From the History of the Soviet Academic Publication of the Complete Works of Pushkin 1937–1949. (Materials and Comments)] // Zapiski Russkoi akademicheskoi gruppy v SShA = Transactions of the Association of Russian-American Scholars in the U. S. A.). T. 20: A. S. Pushkin, 1799–1837: k 150-letiiu so dnia smerti: [sb. / editor: Nadja Jernakoff]. New York: Assoc. of Russ.-Amer. scholars in the U. S. A., 1987. S. 295–348. (In Russ.).

3. Kurmanseitova A. K. Ob organizatsii tsenzury natsional'noi knigi v Severo-Kavkazskom krae v gody kul'turnogo stroitel'stva [On the Organization of Censorship of the National Book in the North Caucasian Region During the Years of Cultural Construction] // Izvestiia vuzov. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. 2016. № 2. S. 38–41. (In Russ.).

4. Makhotina I. Iu., Shapoval V.V. O deiatel'nosti E. A. Murav'evoi v romskoi sektiis pri Soiuze sovetskikh pisatelei (do iunია 1941 g.) [On the Activities of E. A. Muravyova in the Roma Section of the Union of Soviet Writers (until June 1941)] // Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology. 2021. T. 30. S. 69–77. DOI: 10.52603/rec.2021.30.09 (In Russ.).

5. Slavova P. BTA pod kontrola na Glavlit (1952–1956) [BTA Under the Control of the Glavlit] // Godishnik na Sofiiskiiia universitet «Sv. Kliment Okhridski». Istoricheski fakultet. T. 98–99. 2005–2006. Suppl. 1. Doktorantski cheteniia – mart 2006. Sofia, 2011. S. 134–144. (In Bulgarian).

6. Tsygane [Roma] / otv. red. N. G. Demeter, A. V. Chernykh; In-t etnologii i antropologii im. N. N. Miklukho-Maklaia RAN. M.: Nauka, 2018. 614 s. (Narody i kul'tury). (In Russ.).

7. Shapoval V. V. Pervyi sovetskii zhurnal na romskom iazyke: k probleme datirovki vypuska [The first Soviet magazine in the Romani language: On the problem of the date of issue] // Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology. 2019. T. 26. S. 72–77. DOI: 10.5281/zenodo.3595147 (In Russ.).

8. Shapoval V. V. Sozдание novogo romskogo chitatelia v SSSR (1927–1938): protivorechivye podkhody [Creating a new Romani reader in the USSR (1927–1938): contradictory approaches] // Revista de Etnologie și Culturologie = Journal of Ethnology and Culturology. 2020. T. 28. S. 30–38. DOI: 10.5281/zenodo.4437960 (In Russ.).

9. Kamińska-Chelminiak K. Polish Censorship During the Late Stalinist Period // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2021. Т. 66. Вып. 1. С. 245–259. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.115

10. Marushiakova-Popova E., Popov V. Beginning of Romani Literature: The Case of Alexander Germano // *Romani Studies*. 2020. Vol. 30. № 2. P. 135–162.
11. Roma Writings. Romani Literature and Press in Central, South-Eastern and Eastern Europe from the 19th Century until World War II / R. B. Roman et al. Brill: Ferdinand Schöningh, 2021. 276 p.
12. Shapoval V. V. The Books to the Illiterate?: Romani Publishing Activities in the Soviet Union, 1927–1938 // *Social Inclusion*. 2020. Vol. 8. № 2. P. 346–357. DOI: 10.17645/si.v8i2.2792
13. Shapoval V. V. Obscure Years of Soviet Roma Literature (1939–1941) // *Romani Studies*. 2021. Vol. 31. № 1. C. 5–28. DOI: 10.3828/rs.2021.2
14. Sherry S. Notes from Glavlit: The Autobiographical Writing of Former Soviet Censors // *The Slavonic & East European Review*. 2018. Vol. 96. № 4. P. 672–703.
15. Sherry S. Made under Pressure: Literary Translation in the Soviet Union, 1960–1991. By Natalia Kamovnikova. Amherst, Mass.: University of Massachusetts Press, 2019. xii, 272 pp. // *Slavic Review*. 2020. Vol. 79. № 1. P. 254–255. DOI: 10.1017 / slr.2020.64
16. Sherry S. Introduction: New Perspectives on Censorship Under Communism // *Slavonic & East European Review*. Vol. 96. № 4. P. 601–613.
17. Streikus A. Political Censorship in the Soviet West. A comparison of the Lithuanian and Latvian cases // *Cahiers du monde russe*. October 2019. Vol. 60. Issue 4. P. 737–762. DOI: 10.4000/monderusse.11403.

УДК 78.03+930.253

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.08

Цыкина Юлия Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент

Казанский государственный институт культуры

Казань, Россия

e-mail: Suleimani@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0907-5207

Козловская Галина Ефимовна

доктор исторических наук, профессор

Самарский филиал Московского городского

педагогического университета

Самара, Россия

e-mail: KozlovskayaGE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-9445-9183

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИК СВЕДЕНИЙ О МАРИЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье анализируются неопубликованные документы центральных и местных архивов, позволившие отразить специфику развития марийской музыкальной культуры. Цель исследования — выявить роль архивных материалов в воссоздании целостной картины процесса генезиса и эволюции профессиональной музыки народа мари.

Материалом для статьи послужили документы центральных и местных архивов, изученные авторами в разные годы научной деятельности. Основными методами стали критический и конкретно-исторический, описание в сочетании с анализом, а также статистический метод. В ходе проведения исследования также использовался комплексный подход. В процессе изучения вопросов развития марийской музыкальной культуры были проанализированы материалы восьми архивов, 87 фондов, 97 описей, свыше 500 дел. Существенная часть материалов впервые введена в научный оборот. Систематизация, анализ и синтез данного комплекса источников позволили выстроить логическую систему целей и задач, осмыслить и воссоздать не освещавшиеся ранее основные тенденции развития марийской национальной культуры. Использованная источниковая база исследования является репрезентативной при комплексном изучении марийской музыкальной культуры.

Ключевые слова: музыкальная культура, региональная история, народ мари, марийская музыка, архивы, архивные фонды, источниковедение.

Tsykina Yulia Yu.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Kazan State Institute of Culture,
Kazan, Russia
e-mail: Suleimani@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0907-5207

Kozlovskaya Galina Ye.

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Samara Branch of Moscow City University
Samara, Russia
e-mail: KozlovskayaGE@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-9445-9183

ARCHIVAL MATERIALS AS A SOURCE OF INFORMATION ABOUT THE MARI MUSICAL CULTURE

Abstract. The article analyzes the unpublished documents of the central and local archives, which made it possible to reflect the specifics of the development of the Mari musical culture. The aim of the study is to reveal the role of archival materials in reconstructing a holistic picture of the process of genesis and evolution of professional music of the Mari people.

The material for the article was the documents of the central and local archives, studied by the author in different years of scientific activity. The main methods were critical and concrete-historical methods, description in combination with analysis, as well as the statistical method. The study also used an integrated approach. In the process of studying the development of the Mari musical culture, materials from 8 archives, 87 funds, 97 inventories, over 500 cases were analyzed. A significant part of the materials was introduced into scientific circulation for the first time. The systematization, analysis and synthesis of this complex of sources made it possible to build a logical system of goals and objectives, to comprehend and recreate the main trends in the development of the Mari national culture that were not comprehensively covered earlier. The used source base of the research is representative in the complex study of the Mari musical culture.

Keywords: Musical culture, regional history, Mari people, Mari music, archives, archival funds, source studies.

Введение. В течение долгого времени марийская музыкальная культура рассматривалась несколько фрагментарно, практически не получив всестороннего комплексного освещения. Для восполнения существующих пробелов в ее изучении авторами данного исследования была задействована документальная база восьми центральных и местных архивов, изучено 87 фондов, 97 описей, свыше 500 дел.

В настоящее время практически отсутствуют комплексные труды, в которых анализируются архивные материалы как источники изучения марийской музыкальной культуры. Следует отметить статью автора настоящего исследования, в которой выявляется роль личных архивов этнографа В. М. Васильева,

композитора И. С. Ключникова-Палантая, писателя И. А. Борисова¹. Эти выдающиеся личности стояли у истоков марийской музыкальной культуры, были первопроходцами и способствовали ее всемерному развитию. Авторы исследования доказывают, что личные архивы позволили получить ценную, неизвестную до этого времени информацию о становлении и развитии музыкального искусства Марийской Республики, его зависимости от политической линии советского государства, а также выявить детали творческого облика указанных деятелей культуры.

Ход и результаты исследования. Всестороннее рассмотрение истории марийской музыкальной культуры потребовало использования значительного массива неопубликованных архивных материалов. Авторами настоящей статьи были задействованы материалы центральных и региональных архивов: Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ); Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ); Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, ранее — ЦГАЛИ), Архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (Архив ФСБ РФ), Национального архива (НАРТ) и Центрального государственного архива историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ), Государственного архива Республики Марий Эл (ГА РМЭ), архива музея Йошкар-Олинского музыкального училища им. И. С. Палантая. Указанные архивные материалы позволили комплексно проанализировать марийскую музыкальную культуру от ее зарождения до кульминационного этапа развития.

Важный фактический материал сосредоточен в Государственном архиве Российской Федерации в фондах ВЦСПС, Наркомпроса (Ф. А-2306), Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (ВОКС) (Ф. 3385)², Центрального исполнительного комитета ЦИК СССР (Ф. 3316)³.

В частности, фонд Наркомпроса (Ф. А-2306. Оп. 1)⁴ содержит стенограммы заседаний, протоколы, планы и отчеты представителей комиссариата о проделанной работе. Материалы фонда дали возможность выявить роль данного комиссариата в становлении и развитии народного образования, в том числе и в Марийском крае.

Необходимо выделить материалы фонда ВЦСПС (Ф. Р-5508)⁵, отразившие деятельность профсоюза работников искусств (РАБИС). Описи указанного

¹ Цыкина Ю. Ю. Личные архивы государственного архива Республики Марий Эл в изучении марийской музыкальной культуры // Совершенствование эстетического образования в XXI веке. Минск, 2010. С. 130–133.

² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2306. Оп. 1. Д. 1, 12, 22, 26, 127, 138, 156, 311, 392, 405, 424, 425, 530, 586, 694, 770, 806, 826, 924, 943, 969, 987, 1008, 1045, 1277, 1293, 1331, 1356, 1487, 1537, 1764, 1894, 1930, 1964, 1982, 2039, 2040, 2093, 2281, 2371, 2473, 2491, 2563, 2805, 3437.

³ Там же. Ф. 3385. Оп. 2. Д. 1, 52.

⁴ Там же. Ф. 3316. Оп. 58. Д. 15, 12, 126, 127.

⁵ Там же. Ф. 5508. Оп. 1. Д. 849, 886, 889, 1346, 1455; Оп. 2. Д. 124, 125, 167, 277, 278, 622, 623, 624, 625, 609, 610, 652, 720, 723, 732, 1145, 1194, 1343, 1390; Оп. 3. Д. 206, 254/4.

фонда включают стенограммы всесоюзных конференций ЦК профсоюза работников искусств, материалы заседаний Комиссии по делам искусств при Совете Министров СССР, собраний музыкальной секции при Центральном комитете искусств, пленумов ЦК профсоюза работников искусств. Значительный интерес представляют протоколы пленумов Марийского обкома профсоюза работников искусств, выявившие особенности функционирования союза РАБИС на территории республики. Комплекс изученных документов позволил на общесоюзном и региональном уровнях выявить отношение профсоюзов к постановлениям партии и правительства, принципам формирования репертуара театров, тематики для изучения вопросов, касающихся музыкального искусства, в университетах марксизма-ленинизма.

В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) представляют интерес материалы, касающиеся деятельности Наркомата по делам национальностей (Наркомнац), а также Фонд А. В. Луначарского.

Фонд ВЦИК Наркомнац (Ф. 17. Оп. 61)⁶ содержит протоколы заседаний, стенограммы, планы работы. Анализ этих документов позволил осознать роль указанного комиссариата в становлении национальных культур России, выявить роль марийского музыкального искусства в контексте общероссийского культурного строительства.

Документы фонда А. В. Луначарского (Ф. 142. Оп. 1)⁷ содержат тезисы выдающегося политического деятеля об организации народного просвещения. Анализ указанных материалов позволил оценить вклад А. В. Луначарского в оптимизацию народного просвещения, что можно отследить и на примере Марийского края.

В изученных авторами документах Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ, ранее — ЦГАЛИ) следует выделить материалы, содержащиеся в фондах Управления по делам искусств при Совнарком РСФСР (Ф. 2075. Оп. 9)⁸ и Главного управления по делам художественной литературы и искусства Наркомпрос РСФСР (Главискусство) (Ф. 645. Оп. 1)⁹. Представленные в указанных фондах протоколы заседаний, стенограммы, отчеты позволили осветить ранее неизвестные факты о выступлении марийских музыкантов в Москве, проведенной там грамзаписи и уточнить список наиболее востребованных в 1930-е гг. сочинений марийских композиторов.

Интерес представляют сведения, почерпнутые в персональных фондах Б. В. Асафьева (Ф. 2658), Н. Я. Брюсовой (Ф. 2009), А. М. Дианова (Ф. 2027), А. Г. Новикова (Ф. 2031), Р. М. Глиэра (Ф. 2085). Изучение указанных документов дало возможность выявить ранее неизвестные биографические факты

⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 61. Д. 16, 22, 32, 48, 51, 52, 60, 62, 64, 68.

⁷ Там же. Ф. 142. Оп. 1. Д. 216, 217, 222, 330.

⁸ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2075. Оп. 9. Д. 13.

⁹ Там же. Ф. 645. Оп. 1. Д. 102, 343.

деятелей культуры Марийской АССР. В частности, сведения из материалов фондов А. М. Дианова и Н. Я. Брюсовой¹⁰ позволили обозначить детали творческого облика одного из основоположников марийской профессиональной музыки Я. А. Эшпая и тем самым осознать его значительную роль в становлении музыкальной культуры мари.

Помимо документов центральных архивов были введены в оборот и региональные архивные материалы.

Фонды Государственного архива Республики Татарстан (ГАРТ) содержат важные сведения об уровне культуры Марийского края дореволюционного и советского периодов. Анализ документов указанного архива позволил обосновать утверждение о значительном вкладе казанских ученых в изучение вопросов марийской музыки, выявить позитивную роль Марийской секции и Марийского землячества Казани в оптимизации процесса культурного строительства в Марийском крае.

Документы ГАРТ дореволюционного периода представлены фондами Казанского отделения Императорского Русского музыкального общества (Ф. 642)¹¹, Переводческой комиссии при Казанском учебном округе (Ф. 931)¹², попечителя Казанского учебного округа (Ф. 92)¹³, Казанской учительской семинарии (Ф. 93)¹⁴, Казанской духовной академии (Ф. 10)¹⁵, персональными фондами Н. Ф. Катанова (Ф. 969)¹⁶, Н. И. Ильминского (Ф. 968)¹⁷. Исследование указанных документов позволило обосновать важную роль Казани в становлении марийских деятелей культуры, выявить особенности политики России в отношении так называемых инородцев.

Важное место в изучении роли образовательных учреждений Казани в подготовке марийских деятелей культуры в советский период занимают материалы фондов Восточной академии (Ф. Р-225), Северо-Восточного археологического и этнографического института (Ф. Р-1339), Казанского губернского отдела народного образования (Ф. Р-271), Казанского объединенного художественно-театрального техникума (Ф. Р-2812), Казанской государственной консерватории (Ф. Р-6832), Казанского музыкального училища (Ф. Р-7353)¹⁸. Указанные

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 2009. Оп. 1. Д. 64, 128; Ф. 2027. Оп. 2. Д. 19.

¹¹ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. 642. Оп. 1. Д. 1, 2.

¹² Там же. Ф. 931. Оп. 1. Д. 545, 555, 557, 562, 569, 587, 602, 611, 625, 630, 656, 772, 782, 790, 804, 829, 835, 868, 899, 961, 978, 1044, 1218, 1509.

¹³ Там же. Ф. 92. Оп. 2. Д. 2.

¹⁴ Там же. Ф. 93. Оп. 1. Д. 602, 611, 625, 656, 772, 790, 803, 804, 806, 808, 809, 813а, 813 в, 813 г, 835, 868, 899, 978, 961, 1509, 1218, 1044.

¹⁵ Там же. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1336, 1450.

¹⁶ Там же. Ф. 969. Оп. 1. Д. 79.

¹⁷ Там же. Ф. 968. Оп. 1. Д. 2.

¹⁸ Там же. Ф. Р-225. Оп. 1. Д. 3, 6, 8, 12, 17; Оп. 2. Д. 1; Ф. Р-1339. Оп. 1. Д. 2, 3, 5, 8, 32, 34, 35; Ф. Р-271. Оп. 1. Д. 2, 11, 14, 17 а, 28, 29, 42, 47, 68, 76, 97, 110, 137, 163, 189, 219, 237, 270, 271, 276; Ф. Р-2812. Оп. 1. Д. 55; Ф. Р-6832. Оп. 1. Д. 3, 354, 561, 584, 668; Оп. 2. Д. 39; Ф. Р-7353. Оп. 1. Д. 15, 17, 26, 18.

документы содержат учебные планы, списки учащихся, отчеты, справки, обзоры концертной деятельности. Изученные материалы способствовали глубокому и всестороннему анализу процесса музыкального образования, расширению представления о спектре деятельности учреждений музыкального образования Казани и их влиянии на музыкальную культуру Марийской Республики на протяжении всего рассматриваемого периода.

Фонд Союза композиторов Татарской АССР (Ф. Р-7057)¹⁹ содержит протоколы заседаний, планы мероприятий, отчеты, справки, материалы пленумов и съездов СК ТАССР. Данные материалы предоставили возможность сравнить степень развития музыки Марийской и соседней Татарской АССР и подтвердить ранее сделанные выводы о «догоняющей модели» развития марийского музыкального искусства.

Фонды вошедшего в состав ГАРТ Центрального государственного архива историко-политической документации (ЦГА ИПД РТ), подотдела национальных меньшинств (Ф. 15), Казанского губкома (Ф. 868)²⁰ включают протоколы заседаний, справки, распоряжения, статистические данные о проведенных мероприятиях. Анализ указанных материалов позволил восполнить пробелы в осмыслении позитивной роли Марийской секции при губкоме РКП(б), марийского студенческого землячества Казани в формировании марийской музыкальной культуры.

Наибольшее значение для исследования проблемы развития марийской музыкальной культуры имеет анализ документов, содержащихся в архивах Республики Марий Эл.

При анализе документов, хранящихся в Государственном архиве Республики Марий Эл (ГАРМЭ), были задействованы фонды дореволюционного периода: Козьмодемьянского училища (Ф. 57), Царевококшайской женской гимназии (Ф. 40), Козьмодемьянской гимназии (Ф. 1), Царевококшайской городской управы (Ф. 45), Царевококшайского уездного наблюдателя церковно-приходских школ Казанской губернии (Ф. 101), учителя-инспектора Царевококшайского четырехклассного училища (Ф. 278), полицейских надзирателей (Ф. 85), земских участковых начальников (Ф. 8)²¹. Анализ дореволюционных архивных документов позволил восстановить в общих чертах панораму культурной жизни, уровень общего и музыкального образования Марийского края.

Документы советского периода, хранящиеся в ГАРМЭ, можно распределить в несколько групп.

¹⁹ ГАРТ. Ф. Р-7057. Оп. 1. Д. 1, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 14, 25.

²⁰ Государственный архив Республики Марий Эл (ГАРМЭ). Ф. 15. Оп. 1. Д. 50, 434, 437, 447, 796, 1059, 1293, 1487, 1491; Ф. 868. Оп. 1. Д. 18, 33, 46, 115, 132, 512, 553.

²¹ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 104, 121, 145, 179, 181; Ф. 40. Оп. 1. Д. 40, 48, 56, 61, 66, 75; Ф. 1. Оп. 1. Д. 9, 64, 94, 174, 224; Ф. 45. Оп. 1. Д. 139, 190, 191, 195, 199, 217, 218, 219; Ф. 101. Оп. 1. Д. 1, 4, 5, 6, 9, 12, 13, 15, 16, 18, 21; Ф. 278. Оп. 1. Д. 116, 142, 164; Ф. 85. Оп. 1. Д. 7; Ф. 8. Оп. 1. Д. 265.

К первой группе относятся материалы советских и партийных органов: Ревкома (Ф. Р-23. Оп. 1), Совета народных комиссаров (Ф. Р-542. Оп. 1, 3, 4), Совета рабочих, крестьянских депутатов (Ф. Р-250. Оп. 1), представительства Марийской АССР (Ф. Р-654. Оп. 1), обкома ВКП(б) (КПСС) (Ф. П-1. Оп. 1, 4, 6, 7, 8), Йошкар-Олинского горкома ВКП(б) (КПСС) (Ф. П-8. Оп. 1, 7), Верховного Совета (Ф. Р-471. Оп. 1), Совета министров Марийской АССР (Ф. Р-542. Оп. 1; Ф. Р-828. Оп. 1, 2), Управления по делам культуры при Совете министров МАССР (Ф. Р-425. Оп. 1, 2), Управления по делам культурно-просветительных учреждений при Совете министров МАССР (Ф. Р-783. Оп. 2)²². Содержащиеся в фондах справки, прошения, заявления, статистические данные, протоколы заседаний, отчеты, стенограммы пленумов Марийского обкома ВКП(б) (КПСС), директивные документы позволили проанализировать неоднозначное влияние партийно-правительственных органов на становление марийской музыкальной культуры в советский период.

Большинство материалов и документов требуют тщательной верификации, поскольку они не всегда могут дать объективную картину развития искусства Марийской Республики. Сравнение материалов из разных фондов, посвященных одним и тем же событиям, предоставило возможность сопоставить некоторые данные и сделать необходимые уточнения отдельных фактов.

Рассматривая указанные материалы, следует отметить их стилистические и языковые особенности, которые особенно явно заметны при анализе фондов, относящихся к 1920–1930 гг. В них содержится немало опечаток, неточностей и откровенных ошибок, свидетельствующих о недостаточной осведомленности авторов о предмете разговора. Например, этот факт отмечается при изучении автором сметы на открытие Марийского техникума искусств (1929 г.)²³, в которой выявлены грубые ошибки в названии музыкальных инструментов, принадлежностей художественного образования. Подобные явления можно объяснить недостаточной компетентностью руководящих органов в специфических вопросах искусства.

Следует также отметить, что значительное количество документов, относящихся к периоду становления советской власти в Марийском крае, было написано от руки, зачастую карандашом, на бумаге плохого качества, что потребовало от авторов больших усилий по их расшифровке. В целом же эта группа источников позволила рассмотреть процессы, происходившие в марийском

²² ГАРМЭ. Ф. Р-542. Оп. 1. Д. 8, 38; Оп. 3. Д. 68; Оп. 4. Д. 70; Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 30, 145, 710, 1001, 1397, 1599; Ф. Р-654. Оп. 1. Д. 4; Ф. П-1. Оп. 1. Д. 327; Оп. 4. Д. 30, 545; Оп. 6. Д. 1, 11, 13, 29, 33, 102, 103, 178, 180, 182, 189, 191, 192, 219, 220, 243, 289, 299, 362, 368, 373, 375, 376, 377, 411, 414, 458, 462, 464, 466, 507, 510, 511, 514, 545, 547, 550, 649, 654, 694, 734, 783, 859, 863, 864; Оп. 7. Д. 603; Оп. 8. Д. 28; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 10, 18, 19, 21, 22, 27, 66, 68, 72; Оп. 7. Д. 3, 11, 23, 67, 11; Ф. Р-471. Оп. 1. Д. 109, 394, 395, 424; Ф. Р-542. Оп. 1. Д. 38, 39, 56, 130; Ф. Р-828. Оп. 1. Д. 492, 511; Оп. 2. Д. 203, 204. Ф. Р-425. Оп. 1. Д. 1, 2, 5, 22, 24, 25, 57, 59, 63, 65, 67, 69, 74, 83, 88, 102, 103, 105, 114, 116, 121, 205, 208, 209, 246, 279, 395, 398; Оп. 2. Д. 19, 39, 47, 56, 57, 59, 62, 6; Ф. Р-783. Оп. 2. Д. 650, 721.

²³ Там же. Ф. Р-250. Оп. 1. Д. 1001. Л. 2.

музыкальном искусстве, а также проанализировать влияние экономико-политического фактора на становление марийской музыки.

Документы второй группы дали возможность осветить деятельность общественных организаций: Марийского республиканского совета Союза воинствующих безбожников (Ф. Р-118), Марийского областного комитета РАБИС (Ф. Р-434. Оп. 1), Союза композиторов МАССР (Ф. Р-1012. Оп. 1) и их влияние на становление марийской музыкальной культуры.

Фонд Союза воинствующих безбожников²⁴ содержит справки, отчеты, пропагандистские материалы, в том числе стихи, позволившие оценить влияние этой организации на идеологическое (атеистическое) воспитание деятелей культуры республики.

Материалы фонда работников искусств (РАБИС)²⁵ Марийской АССР (протоколов, отчетов, статистических данных) дополнили рассмотренные выше сведения из фонда Р-5508 ГАРФ. Проведенный анализ выявил влияние этой общественной организации на формирование идеологии деятелей национальной культуры, позволил оценить вклад этой организации в развитие музыкальной жизни республики в советский период.

При изучении проблемы становления марийской музыкальной культуры в советский период следует выделить документы фонда Союза композиторов республики (Ф. Р-1012. Оп. 1)²⁶. Анализ материалов пленумов, съездов, протоколов совещаний, заседаний художественного совета, отчетов о проделанной работе дал возможность выявить особенности становления марийской композиторской школы, роль ее отдельных представителей в развитии музыкального искусства, рассмотреть весь жанровый спектр создаваемых произведений.

Документы третьей группы представлены в фондах учреждений культуры и образования Марийской республики: Государственного объединенного музыкально-драматического театра им. М. Шкетана (Ф. Р-344. Оп. 2), Марийской государственной филармонии (Ф. Р-742. Оп. 1), Музыкально-театрального училища (Ф. Р-426. Оп. 1, 2)²⁷. Они содержат протоколы совещаний и общих собраний работников искусства Марийской АССР, справки, письма в вышестоящие инстанции, докладные записки, отчеты о работе, информацию, доклады, сведения о проводимых мероприятиях. Анализ указанных материалов способствовал воссозданию полноценной картины деятельности этих организаций и выявил позитивные и негативные стороны их функционирования, а также оценить степень оказываемой им помощи со стороны органов советской власти.

Значительную помощь при рассмотрении вопросов развития музыкальной культуры оказали материалы личных архивов представителей марийской

²⁴ ГАРМЭ. Ф. Р-118. Оп. 1 Д. 56.

²⁵ Там же. Ф. Р-434. Оп. 1. Д. 21, 91.

²⁶ Там же.. Ф. Р-1012. Оп. 1. Д. 2, 6, 12, 21, 28, 31, 34, 37, 40, 50, 51, 52, 55.

²⁷ Там же. Ф. Р-344. Оп. 2. Д. 10, 12, 15, 17, 43, 66; Ф. Р-742. Оп. 1. Д. 13; Ф. Р-426. Оп. 1. Д. 6, 14, 41, 76; Оп. 2. Д. 1.

культуры и искусства: В. М. Васильева (Ф. Р-1151), И. С. Ключникова-Палантая (Ф. Р-1159), И. А. Борисова (Ф. Р-709)²⁸, выявившие неизвестные факты биографии марийских музыкантов, этнографов, особенности творческого процесса представителей марийской музыкальной элиты в советский период.

В целом материалы Государственного архива Республики Марий Эл позволили комплексно рассмотреть процессы, происходившие в музыкальном искусстве, проанализировать влияние экономико-политического фактора на развитие марийской музыки, выявить роль и место отдельных творческих личностей и коллективов в советский период с 1917 по 1985 г.

Помимо указанных документов, авторами данной статьи впервые введены в оборот материалы архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (архив ФСБ РФ, Управление ФСБ России по Республике Марий Эл)²⁹. Следует отметить, что, несмотря на срок давности, для архивно-уголовных дел 1930-х гг. до сих пор действует гриф секретности. Предоставленные выписки из архивно-уголовных дел в некоторой степени помогли воссоздать страницы биографии репрессированных деятелей марийского музыкального искусства, хотя и не позволили в полной мере реконструировать целостную картину событий 1930-х гг.

Сведения, почерпнутые в архиве музея Йошкар-Олинского музыкального училища им. И. С. Палантая³⁰, раскрыли особенности творческого пути одного из марийских композиторов — Л. Н. Сахарова. Значительный интерес представляют собой рукописи его стихов, сочиненных в период заключения композитора в Бутырской тюрьме в 1937–1939 гг.

Осмысление и анализ архивных документов позволили воссоздать целостную картину становления и развития марийской музыкальной культуры.

Заключение. При изучении марийской музыкальной культуры основополагающую роль сыграли материалы центральных и местных архивов. Следует отметить, что в настоящее время практически все архивные фонды открыты для исследователей. Вместе с тем для архивных документов ФСБ действует срок давности, поэтому предоставленные выписки из архивно-уголовных дел не позволили исследовать ряд вопросов в полной мере. Необходимо указать, что многие документы до сих пор хранятся на бумажных носителях, а некоторые — в рукописном варианте. Оцифровка указанных материалов позволит в дальнейшем более активно задействовать архивные источники при выяснении неисследованных исторических вопросов.

²⁸ ГАРМЭ. Ф. Р-1151. Оп. 1. Д. 63, 64, 65, 66, 67, 68; Ф. Р-1159. Оп. 1. Д. 11; Ф. Р-709. Оп. 1. Д. 2, 3, 4, 6, 7, 50, 51, 52, 53.

²⁹ УФСБ РФ. Управление ФСБ России по Республике Марий Эл. Архивно-уголовные дела № п-2247; № п-726; № 2 п-2005.

³⁰ Архив музея истории музыкального училища им. И. С. Палантая. Коллекционная опись. Архив композитора Л. Н. Сахарова. Д. 274, 290, 307, 308, 317, 318, 320, 323, 324, 325, 327, 334, 335, 338.

Литература

1. Цыкина Ю. Ю. Личные архивы государственного архива Республики Марий Эл в изучении марийской музыкальной культуры // Совершенствование эстетического образования в XXI веке: материалы Международного научно-практического семинара (г. Минск, 22 декабря 2010 г.) Минск: БГПУ, 2010. С. 130–133.

References

1. Tsykina Yu. Yu. Lichnye arkhivy gosudarstvennogo arkhiva Respubliki Marii El v izuchenii mariiskoi muzykal'noi kul'tury [Personal Archives of the State Archive of the Republic of Mari El in the Study of the Mari Musical Culture] // Sovershenstvovanie esteticheskogo obrazovaniia v XXI veke: materialy Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminar (g. Minsk, 22 dekabria 2010 g.) Minsk: BGPU, 2010. S. 130–133.

УДК 94 (3)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.09

Алексеев Константин Александрович

кандидат философских наук

Филиал Российского государственного
университета им. А. Н. Косыгина в г. Твери

Тверь, Россия

alekseev.k@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9131-6331

ДИВЕРГЕНЦИЯ ПАЛЕОБАЛКАНСКОЙ ГРУППЫ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ И ОСВОЕНИЕ ИМИ БАЛКАНО-АНАТОЛИЙСКОГО РЕГИОНА В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Аннотация. Целью статьи является определение места палеобалканцев и протогреков в системе диалектного членения индоевропейской семьи с установлением времени появления каждого из племен на исторических местах обитания. В качестве основного метода избрано ретроспективное восхождение от культур, имеющих надежную этническую атрибуцию к их предполагаемым предкам. Проведен комплексный анализ данных археологии, лингвистики и глоттохронологии по принципу их взаимной конвергентности. В ходе исследования выдвинута гипотеза о фригийской этнической принадлежности основателей Илиона (Трои VI), обоснован протогреческий этнический статус Буджакской культуры в Северо-Западном Причерноморье.

Ключевые слова: индоевропейцы, протогреки, палеобалканцы, Ямная культура, Буджакская культура.

Alekseev Konstantin A.

Candidate of Philosophical Sciences
Branch of the Kosygin State University
of Russia in Tver,
Tver, Russia

e-mail: alekseev.k@mail.ru; ORCID: 0000-0001-9131-6331

DIVERGENCE OF THE PALEOBALKAN GROUP OF INDO-EUROPEANS AND THEIR DEVELOPMENT OF THE BALKAN-ANATOLIAN REGION IN THE BRONZE AGE

Abstract. The purpose of the article is to determine the place of the Paleo-Balkans and Proto-Greeks in the system of dialectal division of the Indo-European family with the establishment of the time of the appearance of each of the tribes in historical habitats. A retrospective ascent from cultures with reliable ethnic attribution to their supposed ancestors. A comprehensive analysis of the data of archeology, linguistics and glottochronology was carried out according to the principle of their mutual convergence. A hypothesis is put forward about the Phrygian ethnicity of the founders of Ilion (Troy VI), the proto-Greek ethnic status of the Budjak culture in the North-Western Black Sea region is substantiated.

Keywords: Indo-Europeans, Proto-Greeks, Paleo-Balkans, Yamnaya culture, Budjak culture.

Введение. На основе исключительных греко-армянских лексических изоглосс лингвисты постулируют сепаратную греко-армянскую языковую группу, обособленную от индоиранской¹. В состав этой группы И. М. Дьяконов включал также фракийские и фригийские диалекты и в целом именовал ее *палеобалканской*². Л. А. Гиндин объединял арийцев и греко-армян в более широкую — *аугментную* — группу³.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ данных лингвистики и археологии для построения, насколько это возможно, непротиворечивой схемы дивергенции палеобалканской группы с определением времени выделения каждого из диалектов и ареалов их бытования до выхода на исторические места обитания.

¹ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: [в 2 ч.]. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. С. 898–899; Порциг В. Членение индоевропейской языковой области. М.: Прогресс, 1964. С. 231–232; Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои: Ист.-филол. исслед. по этнологии древ. Анатолии. М.: Наука, 1993. С. 150, 157.

² Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории. 1982. № 3 (161). С. 8–10.

³ Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 59.

В соответствии с поставленными целями основным методом избрано ретроспективное восхождение от археологических культур, имеющих надежную этническую атрибуцию к их предполагаемым предкам.

Ход и результаты исследования. Археологи отмечают этнокультурную стабильность и преемственность от исторических фракийцев железного века, надежно зафиксированных греческими письменными источниками, через культуру фракийского гальштата Басарабь к культурам бронзового века — Ватинской и Гирла-маре⁴. Обе входили в более широкий круг культур инкрустированной керамики (дунайских полей погребений) — Дубовач, Жуто, Брдо (1600–1100 гг. до н. э.)⁵. Устоялось мнение отечественных и зарубежных исследователей о том, что культуры инкрустированной керамики распространились из Баната (Южная Венгрия, Воеводина) вниз по обоим берегам Дуная в исторические Фракию и Дакию⁶.

Предположительно, Ватинская культура (1700–1500 гг. до н. э.) в Банате сформировалась на основе памятников Периам (на реке Муреш), Панчево, Мокрин (в Воеводине)⁷, составляющих Мурешскую (Печицкую) культуру ранней и средней бронзы (далее: РБВ III – СБВ, 2300–1700 гг. до н. э.)⁸. Как указывает Л. Николова, культура Муреш была сформирована в бассейне одноименной реки при участии носителей Ямной культуры (далее — ЯК)⁹.

Среди историков обнаруживается консенсус по вопросу о датировке ямных древностей в Банате. Курганы 5 и 6 Кетедьхаза сопровождаются керамикой типа Болераз и Чернавода III. Это позволило В. А. Сафронову датировать появление ямников XXVIII веком до н. э.¹⁰

В тех же хронологических рамках РБВ II (2800–2400 гг. до н. э.) бытование ямных древностей в Банате предполагает Л. Николова, что подтверждается стратиграфически: курган в Панчево перекрывает поселение культуры Костолац, а в кургане Перлез обнаруживается баденская керамика¹¹. И. Эчеди

⁴ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. С. 208.

⁵ Чтобы не уточнять каждый раз, оговоримся, что здесь и далее мы будем использовать традиционные некалиброванные даты с отложением 1950 лет от радиоуглеродного значения ВР; хронология бронзового века приводится по: Катиншаров Р., Тасич Н. Юго-Восточная Европа // История Человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 356.

⁶ Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб.: [б. и.], 2007. С. 130; Катиншаров Р., Тасич Н. Указ. соч. С. 358–359.

⁷ Берчу Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная. М.: Центрполиграф, 2008. С. 75–79, 85–89.

⁸ Катиншаров Р., Тасич Н. Указ. соч. С. 357.

⁹ Николова Л. Ямная культура на Балканах (Динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 445.

¹⁰ Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1989. С. 128, 166–168.

¹¹ Иванова С. В. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области // *Российская археология*. 2014. № 2. С. 16.

и Т. Ковач также называют первую половину III тыс. до н. э. как дату переселения индоевропейцев из Причерноморских степей¹².

Таким образом, ямники совершенно однозначно проживали в Банате на протяжении по меньшей мере 500 лет (2800–2300 гг. до н. э.), законсервировав наиболее типичные обрядовые черты своей культуры¹³, которые В. А. Сафронов именует ядром культуры — курганный насыпь, деревянные перекрытия ям (И. Эчеде говорит о типе погребений с деревянными конструкциями) и трупоположение «скорченное на спине»¹⁴. Кроме того, встречаются такие обрядовые черты, как посыпка трупов охрой и ориентация их на Запад (Кетедь-хаза к. 3, пог. 4, 6, 7). С другой стороны, не отмечается появления каких-либо ритуальных новшеств, например каменных конструкций.

Таким образом, возникает археологическая преемственность: ЯК — культура Муреш — культуры Ватина / Гирла-маре / Дубовач — культура Бассарабь — исторические фракийцы. При этом многочисленные культуры инкрустированной керамики (дунайских полей погребений), очевидно, являлись археологическими эквивалентами отдельных племен (гетов, даков, мизийцев, собственно фракийцев)¹⁵, на которые в поздней бронзе распалась прежде единая сатемная палеобалканская группа, компактно обитавшая в Банате в рамках культуры Муреш.

Ямные древности в Подунавье С. В. Иванова рассматривает в качестве *Балкано-Карпатского варианта ямной культурно-исторической области*, а исходным пунктом миграции называет Северо-Западное Причерноморье (междуречье Буга и Дуная)¹⁶. С этой точкой зрения в целом соглашается Л. С. Клейн¹⁷.

Таким образом, происхождение банатских ямников оказывается вполне определено: не позднее 2800 г. до н. э. они приходят из Северо-Западного Причерноморья, где на старых местах обитания продолжает бытовать сестринская им Буджакская культура (далее — БК).

Установив происхождение фракийцев, можно высказать некоторые суждения относительно судьбы их ближайших сатемных сородичей — армяно-фригийцев.

С учетом длительности пребывания ямников в Банате допустимо предполагать, что в этот анклав около 2800 гг. до н. э. мигрировала целиком

¹² Эчеде И., Ковач Т. Центральная Европа // История Человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. — VII век до н. э. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 362.

¹³ Николова Л. Указ. соч. С. 441.

¹⁴ Сафронов В. А. Указ. соч. С. 128, 190.

¹⁵ Kristiansen K. Europe Before History. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 404.

¹⁶ Иванова С. В. Причины и характер экспансии скотоводческого населения в Балкано-Карпатский регион в раннем бронзовом веке // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). СПб.: Ин-т истории мат. культуры РАН, 2016. С. 60; Ее же. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области. С. 14.

¹⁷ Клейн Л. С. Ямная, буджакская и ДНК // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). СПб.: Ин-т истории мат. культуры РАН, 2016. С. 9.

вся группа сатемных палеобалканцев, и соответственно ее дивергенция происходит в период между приходом в Банат и последующим распространением из этого анклава сугубо протофракийских культур инкрустированной керамики. Следовательно, в широком диапазоне 2800–1700 гг. до н. э. племена армяно-фригийцев должны были покинуть Банатский анклав и, поднявшись вверх по Мораве, поселиться в бассейне Вардара, который Гомер именовал *Аксий широкий* («Илиада», II:850).

В бассейне Аксия, в странах Амидона во времена Троянской войны (около 1250 г. до н. э.) обитали *криволукие пеоны*, которых исследователи считают армянами¹⁸.

Однако мы знаем, что еще в 1392–1370 гг. до н. э. хеттский Тутхалияс III воевал с народом *хайса*, проживавшим у подножья Арарата. В этнониме хайса недвусмысленно усматривается самоназвание армянского народа — *hay*, происходящее от легендарного предка Наук. Этноним этимологизируется от *Natti* — народа, населявшего страну Хайаса, завоеванную армянами в ожесточенной войне с прежними хозяевами страны — хеттами¹⁹.

Хорошо известно мнение Геродота, что «армении... будучи переселенцами из Фригийской земли, имели фригийское вооружение» («История», VII:73). На основе этой этнографической реплики мы полагаем, что армяне следовали судьбою фригийцев. Лингвисты обнаруживают *полное сходство вплоть до идентичности* фонетической структуры армянского и фригийского языков²⁰. В силу этого мы полагаем, что собственно армяне (не пеоны) вместе с фригийцами пришли с Балкан в Малую Азию, а в период 1392–1370 гг. до н. э. ушли из Фригии к подножью Арарата²¹. Момент, когда происходит переселение армяно-фригийцев с Балкан в Анатолию, мы определяем около 1800 г. до н. э.

По К. Блегену, это дата основания Трои VI (легендарного Илиона). По мнению большинства исследователей — Г. Чайлда, К. Блегена, Э. Акургала, А. Л. Монгайта, — Троя VI была заселена носителями серой (минийской) керамики, что позволяет делать вывод о греческой этнической принадлежности илионян²².

Однако возникает целый ряд вопросов. Является ли минийская керамика индикатором этничности, тем более греческой? Мы вслед за Л. С. Клейном и Х. Думасом полагаем, что греков характеризует иная керамика — сделанная

¹⁸ Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы. С. 59; Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // Трубачев О. Н. К истокам Руси: народ и язык. М.: Алгоритм, 2013. С. 113.

¹⁹ Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. С. 20–21; Его же. Предыстория армянского народа. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. С. 234; критические замечания см.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ соч. С. 913.

²⁰ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ соч. С. 910; Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов. С. 8.

²¹ Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы. С. 61.

²² Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои. С. 168.

на гончарном круге, чернолощеная со шнуровым орнаментом, появляющаяся в Лерне IV (2100 г. до н. э.) на руинах пеласгической Лерны III²³.

Где место рождения минийской керамики? Генрих Шлиман нашел ее в Беотии, ни в Македонии, ни во Фракии ее наличия не обнаруживается. По общему мнению исследователей, минийская керамика действительно происходит из Анатолии (Дж. Меллаарт, Г. Чайлд)²⁴, однако является достижением сугубо культуры Илиона: именно в этом городе разработали специфическую технологию обжига глины, что и придавало готовой посуде характерный серый цвет. Уже из Илиона это техническое новшество, подобно навыкам коневодства, было заимствовано ахейцами в материковой Греции и таким образом минийская керамика стала атрибутом греческой культуры, хотя вовсе не греки создали эту технологию. Собственно ахейской в среднеэлладский период (1900–1580 гг. до н. э.) следует признать расписную матовую керамику²⁵.

В силу этого, учитывая преемственность между Троей VI и гомеровской Троей VIIa (*град Приамов*), мы не можем согласиться с этнической атрибуцией Илиона как города, населенного греками. Принципиально различен погребальный обряд. В среднеэлладском и микенском периодах (1900–1580–1100 гг. до н. э.) для Эллады характерно трупоположение в скорченном виде в обычных ямах или каменных ящиках²⁶. Единственное кладбище в Трое было обнаружено К. Блегеном, и это было кладбище погребальных урн с прахом сожженных²⁷.

Наконец, утверждению, что троянцы (илионяне, тевкры) принадлежали к одной ветви с греками (ахейцами, данайцами), прямо противоречат поэмы Гомера. Троянская война была не междоусобной войной между мирмидонянами и микенцами, между Ахиллесом и Агамемноном. Нет! Это была война цивилизаций — всех **греков** против всех **не-греков**, к каковым относились не только троянцы и дарданцы, но также фригийцы (βριγες), пеоны, фракийцы и фессалийские пеласги с европейского берега Геллеспонта.

«Илиада» подчеркивает глубокую культурную, антропологическую, этническую и, очевидно, лингвистическую пропасть между ахейцами и троянцами. И поскольку слово Гомера для нас ценнее любого сосуда горшечника, мы однозначно убеждены, что основатели и насельники легендарного Илиона не были греками, а потому соглашаемся с Вергилием, который неоднократно использует в качестве синонима троянцев этноним *фригийцы* («Энеида», I:468;

²³ Клейн Л. С. Древние миграции. С. 154–155; Думас Х. Ранний бронзовый век // История человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 151; Sakellariou M. Les proto-grecs. Athen: Ekdotike Athenon, 1980. P. 30–32.

²⁴ Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои. С. 159; Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. С. 30.

²⁵ Сакеллариу М., Думас Х. Средний и поздний бронзовый век // История человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 159.

²⁶ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. С. 41.

²⁷ Сакеллариу М., Думас Х. Средний и поздний бронзовый век. С. 159–160.

II:68; III:148). Помимо этого указания в пользу фригийской принадлежности илионян свидетельствуют следующие данные:

1) согласно мифам основатель Илиона — Ил, сын Троса, — был подданным царя Фригии, и сам город был основан на участке, выделенном для этого фригийским царем; иными словами, троянцы были некоторой локальной ветвью фригийского племени;

2) фригийцы были союзниками Трои («Илиада», II:863) и соответственно к началу Троянской войны уже проживали в Малой Азии, являясь, таким образом, единственными точно устанавливаемыми индоевропейцами в Анатолии наряду с хеттами.

В силу этого мы полагаем, что около 1800 г. до н. э. в Малую Азию приходят именно армяно-фригийцы, расселяются в исторической Фригии в верховьях Граника и Меандра, и одновременно основывают Трою VI (Илион).

Возникает вопрос: входили ли протогреки в состав Банатского анклава? Вероятней всего — нет. Как мы уже указали, греки появляются в Арголиде (Лерна IV) около 2100 г. до н. э. (РБВ III), тогда как археологически подтвержденные инфильтрации из Баната относятся только к концу средней бронзы (Гирла-маре). При этом исход армяно-фригийцев в точно не установленные сроки реконструируется лишь гипотетически. Доказательства миграций из Баната в южном направлении — за Дунай — в период бытования собственно ЯК (2800–2300 гг. до н. э.) отсутствуют. Доказаны только миграции дальше на запад²⁸. Анклав был довольно замкнут и изолирован. С точки зрения глоттохронологии это означает, что в Банате обитали исключительно те палеобалканцы, у которых произошла палатализация фонетического ряда, а протогреки, у которых сатемизации не случилось, обитали за пределами Баната и выдвинулись на исторические места обитания с других направлений.

Согласно глоттохронологии самостоятельная греческая группа диалектов должна была начать свое бытие не позднее 2650 г. до н. э. Археология ямников в Банате лишь уточняет, что дивергенция палеобалканской макрогруппы на две сестринские группы — собственно греческую и сатемную палеобалканскую — произошла в момент ухода сатемных палеобалканцев в Банат — не позднее 2800 г. до н. э. Таким образом, бытование единой греческой диалектной группы после ухода сатемных палеобалканцев продолжалось на протяжении 700 лет (2800–2100 гг. до н. э.).

Как уже было сказано, культурно-отличительным признаком восточных греков, пришедших в легендарную Арголиду около 2100 г. до н. э., разрушивших пеласгическую Лерну III и на ее руинах основавших Лерну IV, была чернолощенная керамика, сделанная на гончарном круге. Учитывая это мы полагаем, что до прихода в Элладу единая греческая группа должна была контактировать с жителями Трои II (2500–2200 гг. до н. э., по К. Блегену),

²⁸ Иванова С. В. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области. С. 12.

в каковой культуре впервые и появляется гончарный круг²⁹, который греки заимствовали.

Это обстоятельство ввело в заблуждение Дж. Меллаарта, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, заставив их утверждать, что греки пришли в Элладу непосредственно из региона распространения гончарного круга, т. е. из Малой Азии³⁰. Однако этому противоречит языковое родство палеобалканцев и греков — они должны были происходить из одного ареала, и поскольку мы установили для палеобалканцев происхождение из Северо-Западного Причерноморья, то таким же необходимо должно быть происхождение греков. Ведущие греческие историки М. Сакеллариу и Х. Думас именно в Евразийских степях видят прародину греческого племени³¹. На это указывают такие признаки культуры Лерна IV, как шнуровая керамика и курган с кенотафом, вероятно, вождя, насыпанный на месте дома прежнего правителя Лерны III³².

Становится ясно, что применительно к технологии гончарного круга в действительности имела место лишь диффузия конкретной идеи в ограниченной акватории Северной Эгеиды, что предполагает обитание здесь греков после ухода из Причерноморья и накануне вторжения в Элладу.

На памятники Дикили-Таш (близ Варны), Ситагри IV (близ Драмы) и Парадими (близ Ксанти), оставленные мигрантами из Понтийских степей, указывает М. Гарашанин. В абсолютных значениях эти древности датируются 4285 л. н. (2335 г. до н. э.)³³, и очевидно, отмечают путь греков.

Расселившись в районе Ситагри и Парадими в период 2335–2100 гг. до н. э., греки вышли непосредственно к побережью Эгейского моря на участке впадения Струмы и Марицы и вступили в контакт с жителями Трои II, у которых смогли заимствовать гончарный круг.

Можно предположить, что миграция греков из Северной Эгеиды далее на юг — в Элладу — была вызвана приходом в страны Амидона армяно-фригийцев, которые с Вардара расселились вплоть до Геллеспонта и позднее пересекли его. Соответственно многочисленные греко-армянские лексические изоглоссы могли быть результатом вторичной, сугубо ареальной конвергенции, протекавшей в среднеэладском и микенском периодах в акватории Эгейского моря.

Исходным пунктом греческой миграции за Дунай и в Элладу Л. С. Клейн называет БК, именуя ее *нерушайской*³⁴. На довольно длительное проживание греков в Днестро-Дунайском междуречье (собственно, в Буджакской степи) указывает гомеровский этноним «данайцы» (Δαναοί), несомненно,

²⁹ Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. С. 29–30.

³⁰ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч. С. 899.

³¹ Сакеллариу М., Думас Х. Средний и поздний бронзовый век. С. 156.

³² Клейн Л. С. Древние миграции. С. 155.

³³ Гарашанин М. Балканский полуостров и Юго-Восточная Европа в эпоху неолита // История человечества: в 8 т. Т. 1. Доисторические времена и начала. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 568.

³⁴ Клейн Л. С. Древние миграции. С. 156.

происходящий от общего корня обоих указанных гидронимов³⁵. По существу, этноним может быть легко этимологизирован по аналогии с *морованами, полочанами как выходцами с Дуная (Днестра), или люди, живущие у воды* (т. е. don).

Наиболее ранние радиоуглеродные даты ямно-буджакских древностей 2820–2800 гг. до н. э. (Утконосовка 1/3 и Новоселица 20/9) признаются Ю. Я. Рассамакиным некорректными и относятся С. В. Ивановой к *прото-буджакскому горизонту*³⁶. Собственно, буджакские древности радиоуглеродным методом должны датироваться в пределах 2650/2630 гг. до н. э. (Семеновка 14/2 и Маяки 1/9) — 1820/1800 гг. до н. э. (Новоселица 19/11, Вишневое 17/36)³⁷.

В Буджакской степи греки должны были обитать в период 2650–2350 гг. до н. э.

Около 2350 г. до н. э. происходит, по терминологии О. Г. Шапошниковой, *массовое вторжение* поздних ямников, которые вытесняют насельников Михайловки II и основывают Михайловку III³⁸. Часть беженцев уходит на Балканы, где их присутствие отмечено курганом Вербица близ Крайовы (в узком диапазоне 2400–2250 гг. до н. э.), который аналогичен южно-бугскому кургану Ковалевка VI 4/6³⁹. Синхронная дата для Кетедьхазы 3/4 (2315 $\pm$ 80 г. до н. э.) не должна вводить нас в заблуждение: погребения в Кетедьхазе типологически отличны от вербицко-ковалевских, Банатский анклав оставался замкнут сам в себе, притоков культурных новшеств не отмечается.

Мы полагаем, что часть беглецов из Михайловки II продвигается далее на запад — в Олтению, другая часть оседает в Буджакской степи. На это указывает появление вербицко-ковалевского ритуала (правая рука — вдоль туловища, левая — на тазе) в кургане Огородное-80 (III). Для одного из погребений этого кургана имеется радиоуглеродная дата 2020 ± 40 г. до н. э.⁴⁰

В свою очередь, появление и оседание в Буджакской степи около 2350 г. до н. э. мигрантов с Южного Буга вызывает собственно греческие миграции на Балканы (через Дикили-Таш в Ситагри IV и Парадими). Очевидно, именно в этот момент, уйдя с исторической прародины, в память о прежних местах обитания греки начинают именовать себя данайцами.

³⁵ Sakellarlou M. Les proto-grecs. P. 172, 255; Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы. С. 59.

³⁶ Иванова С. В. Об истоках формирования Буджакской культуры // *Старожитності Степового Причорномор'я і Криму: збірник наукових праць*. Т. 16. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2012. С. 28.

³⁷ Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 364.

³⁸ Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область (Южнобуг. вариант). Киев: Наукова думка, 1986. С. 54.

³⁹ Алексеев К. А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи (интегральный обзор) // *Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки*. 2021. № 3. С. 137.

⁴⁰ Субботин Л. В. Указ. соч. С. 358 (рис. 3.2), 364.

Миграция носителей БК в РБВ III (2400–2000 гг. до н. э.) характеризуется появлением на Балканах погребений в каменных ящиках. Этот ритуал хорошо известен в БК⁴¹ и транслируется в среднеэллиладский период, характеризуя погребения ахейцев (данайцев). **Таким образом, мы, безусловно, соглашаемся с Л. С. Клейном и полагаем, что греки происходят от насельников БК.**

В данном случае обнаруживается искомая конвергенция: лингвистически постулируемое родство греков и сатемных палеобалканцев (в Банате), необходимо предполагающее происхождение из одного ареала, получает материальное подтверждение, поскольку Буджакская (предположительно, греческая) культура и Карпато-Дунайский вариант ЯК (предположительно, палеобалканский), несомненно, являются сестринскими ветвями одного археологического феномена.

Здесь мы сталкиваемся с проблемой культурогенеза западных вариантов Ямной культурно-исторической области, каковой вопрос не менее дискуссионен, чем происхождение индоевропейцев.

Вопросу происхождения БК посвящена докторская диссертация С. В. Ивановой. Она критически относится к мнению тех исследователей⁴², которые полагают БК происходящей с востока, где еще не была основана Михайловка II, где Репинская культура еще не вышла к Днепру (на участке течения Орель – Самара), таким образом, на просторах от Днепра до Днестра еще не было тех «ямников», которые могли бы прийти в Буджакскую степь.

По справедливому замечанию В. А. Дергачева, повторенному И. И. Черняковым, ведущие формы буджакской керамики совершенно отличны от соответствующего набора ямных погребений более восточных областей⁴³. Таким образом, ЯК в Буджакской степи действительно явление автохтонное, уходящее корнями в местный энеолит. Вопрос в том, какие именно энеолитические традиции были интегрированы в БК⁴⁴.

Проще всего было бы согласиться с позицией И. Т. Чернякова, полагающего всю БК происходящей от Усатово⁴⁵. В этом случае обретет свое (материальное) археологическое обоснование идея Б. В. Горнунга, высказанная еще до выделения БК, что прародиной протогреков было Усатово⁴⁶. Действительно, по общему мнению археологов⁴⁷, памятники Усатовской культуры стратиграфически предшествуют ямно-буджакским древностям (курганы Холмское

⁴¹ Иванова С. В. Об истоках формирования Буджакской культуры. С. 21; Субботин Л. В. Там же.

⁴² Субботин Л. В. Указ. соч. С. 352.

⁴³ Черняков И. Т. Буджакская («ямная культура») Северо-Западного Причерноморья и курганные «погребения с охрой» Подунавья в эпоху ранней бронзы // *Sagratika – Карпатика*. Ужгород: Говерла, 2006. Вип. 34. С. 23–24.

⁴⁴ Иванова С. В. Об истоках формирования Буджакской культуры. С. 27.

⁴⁵ Черняков И. Т. Указ. соч. С. 25–26.

⁴⁶ Горнунг Б. В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (Протоиндоевропейские компоненты или иноязычные субстраты?). М.: Наука, 1964.

⁴⁷ Субботин Л. В. Указ. соч. С. 351, 353, 356; Черняков И. Т. Указ. соч. С. 21–22.

и Приморское). Соответственно, Усатовская культура должна была начать свое бытие раньше 2650 г. до н. э., когда БК уже несомненно возникла. Таким образом, начальная фаза Усатова хронологически оказывается в протобуджакском горизонте (2820–2650 гг. до н. э.), по терминологии С. В. Ивановой.

Однако непосредственному происхождению БК от Усатова противоречит то обстоятельство, что по усатовскому обряду («скорченное тело на боку») в БК совершено лишь 13 % погребений. Основным же погребальным ритуалом (57 %) было отличное от усатовского трупоположения «скорченное на спине головой на запад». Этот обряд Иванова именует постстоговским⁴⁸.

Очевидно, что БК возникла в результате миграции в протобуджакском горизонте (2800–2650 гг. до н. э.) некоего позднеэнеолитического элемента в ареал, ранее занятый усатовцами. Очень незначительная часть усатовцев (в пропорции 1 : 4) была вовлечена в формирование новой культуры, начавшей свое бытие около 2650 г. до н. э. Усатовцы не были субстратом новой культуры, а пришельцы не стали суперстратной элитой.

Возникает вопрос: откуда протобуджакцы приходят в Буджакскую степь? С. В. Иванова указывает, что памятники Буджакской степи тяготеют к горди-нештским традициям Попрутья⁴⁹. Очевидно, что именно на Пруте, в Молдаванской степи надо искать истоки протобуджакского горизонта. Его выделение Ивановой представляется совершенно оправданным, при этом памятники горизонта не сгруппированы в отдельную культуру (буквально древнеямную), хотя хронологическая его протяженность и стратиграфическая нерасчлененность позволяют поставить подобный вопрос.

С. В. Иванова совершенно права, усматривая *стоговские* традиции в БК, но только не *постстоговские*, а именно *среднестоговские*.

В период Триполья VI (3–4, 3580–3405 гг. до н. э.⁵⁰) стоговцы, несомненно, заносят в ареал дуруиторской группы Трипольской культуры (поселения Новые Дуруиторы в районе Рыкшан; Старые Куконешты в районе Единцы; Трушешти I и Дрэгушени — за Прутом (на румынской территории))⁵¹ ритуал трупоположения «скорченное на спине» (головой на юг в 80 % случаев). Пройдя через дуруиторский ареал, стоговцы оставили грунтовый могильник в Дечиа Муреш в Румынии, датирующийся 3430 г. до н. э.⁵²

Таким образом, при участии стоговских элементов в среде трипольцев формируется *древнеямное культурное ядро*, признаки которого В. А. Сафронов обнаружил в Думянских курганах (р-н Единцы), сопровождавшихся трипольской

⁴⁸ Иванова С. В. Об истоках формирования Буджакской культуры. С. 21–22, 29.

⁴⁹ Иванова С. В. История населения Северо-Западного Причерноморья в конце IV–III тыс. до н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 2013. С. 12.

⁵⁰ Котова Н. С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: СНУ им. В. Даля, 2006. С. 81; Археология Украинской ССР: в 3 т. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985. С. 254.

⁵¹ Энеолит СССР. М.: Наука, 1982. С. 199, 204; Археология Украинской ССР. С. 213.

⁵² Котова Н. С. Указ. соч. С. 64–66.

керамикой поселений Нов. Дуруиторы и Дрэгушени. На основании результатов раскопок Сафронов сделал принципиальный вывод о том, что погребения Думяны 15/4 и 8/осн. являются древнейшими памятниками всей Ямной культуры⁵³, которая, таким образом, зарождается в недрах дуруиторской группы Триполья не позднее периода VI (4) — около 3400 г. до н. э.

В силу этого мы должны датировать протобуджакский горизонт 3400–2800 гг. до н. э. В этот период в Молдаванской степи на левобережье Прута проживали потомки коренных трипольцев, в качестве знаковой системы своего нового — пасторального — образа жизни практиковавших типично ямный погребальный ритуал (культурное ядро).

Данные выводы полностью согласуются с позицией западных исследователей (Дж. П. Мэллори, К. Ренфрю) о *сдвиге к пасторализму*, произошедшему в среде трипольских земледельцев в середине IV тыс. до н. э.⁵⁴ Исследования С. В. Ивановой также подтверждают «формирование в Северо-Западном Причерноморье... оптимальных природных условий для занятия подвижным скотоводством»⁵⁵.

Заключение. Таким образом, древних ямников в Молдаванской степи мы должны рассматривать в качестве искомым индоевропейцев неразделенной палеобалканской группы. Около 2800 г. до н. э. происходит дивергенция этой группы: будущие сатемные палеобалканцы уходят на запад — в Трансильванию и далее — в бассейн Тисы и в Банат, а будущие греки уходят на юг — в Буджакскую степь, где в ходе взаимодействия с усатовцами около 2650 г. до н. э. формируют своеобразную культуру.

Однако было бы неверно полагать, что на всем протяжении протобуджакского горизонта (3400–2800 гг. до н. э.) древняя Ямная культура Молдавии была индоевропейской. В начальных фазах горизонта ее насельники говорили на местном, трипольском, диалекте. Проникновение индоевропейцев в ямную среду происходит гораздо позже.

Как правильно указала С. В. Иванова, ближайшим культурным контр-агентом протобуджакцев в Попрутье была гординештская группа Триполья (Бричанский р-н Молдавии). Материнской для нее считается жванецкая группа в составе поселений Костешты IV, Брынзены III (на Костештском водохранилище), Жванец (близ Каменца-Подольского), Бильче-Злота – Вертеба (в Тернопольской области)⁵⁶, предшественницей которой, в свою очередь, является группа Брынзены IV – Варваровка XV (близ Теленешт). Для Варваровки имеется радиоуглеродная дата 3040 ± 110 г. до н. э.⁵⁷

На поселениях жванецкой группы Брынзены III и Корстешты IV обнаруживается тисапольгарская керамика⁵⁸, когда, собственно, тисапольгарская

⁵³ Сафронов В. А. Указ. соч. С. 200–202.

⁵⁴ Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение Евразийских степей: вопросы хронологии // Вестник древней истории. 2002. № 2 (241). С. 25.

⁵⁵ Иванова С. В. Причины и характер экспансии скотоводческого населения. С. 59.

⁵⁶ Археология Украинской ССР. С. 227, 232, 237, 241; Энеолит СССР. С. 221.

⁵⁷ Археология Украинской ССР. С. 235, 255.

⁵⁸ Энеолит СССР. С. 259.

керамическая традиция уже прекратила свое существование на территории Альфельда. В пещере Вертеба обнаружена митохондриальная гаплогруппа HV, ранее встречающаяся в культуре Альфельд (предковой для Тисапольгара)⁵⁹. В другом месте мы попытались доказать, что данные обстоятельства в совокупности свидетельствуют в пользу проникновения носителей тисапольгарской традиции в ареал Варваровки XV около 3080–3040 гг. до н. э., в силу чего жванецкую группу следует считать археологическим эквивалентом индоиранцев⁶⁰. Данные выводы подтверждаются тем, что MtHg HV, транслирующаяся из Альфельда в трипольскую Вертебу, характеризует также позднейших индоарийцев в долине ведической реки Сват и должна рассматриваться как генетический маркер индоевропейских миграций⁶¹.

Сама по себе тисапольгарская миграция через ареал Триполья подтверждается данными антропологии, согласно которым ближайшими родичами ямников Запорожья признаны носители культуры Тисапольгар⁶². Таким образом, системное толкование данных археологии, генетики и антропологии (присутствие тисапольгарской керамики, альфельдских генов и транзит тисапольгарского краниологического типа) не оставляет сомнений в том, что носители культуры Тисапольгар действительно проникли в ареал Триполья около 3080–3040 гг. до н. э.

Хотя аналогичных свидетельств в пользу проникновения тисапольгарцев в среду древних ямников Молдавии не наблюдается, однако, учитывая, что древнеямный ареал (Бричаны, Единцы, Рыкшаны) синхронно полностью находился в границах более широкого трипольского ареала Варваровка XV (Теленешты) – Жванец (за Днестром), мы допускаем проникновение тисапольгарцев также и в древнеямную среду.

Миграция тисапольгарцев в ареал Триполья, очевидно, стала фактором дивергенции прежде единой аугментной макрогруппы индоевропейцев: те мигранты, которые осели в сугубо трипольской (жванецкой) среде, стали развивать индоиранские диалекты; напротив, те мигранты, которые проникли в древнеямную среду, сформировали палеобалканскую группу. Таким образом, ее самостоятельное бытование приходится на 3080/3040–2800 гг. до н. э., в каковой период протобуджакский горизонт только и приобретает индоевропейский лингвистический статус.

Таким образом, в бронзовом веке в Северо-Западном Причерноморье концентрируется узел проблем, системно связанных с происхождением Ямской культуры и этногенезом индоевропейцев. В графическом виде результат нашей попытки разрешить данный комплекс проблем представлен на рисунке.

⁵⁹ The Genomic History of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // Nature. 2018. № 555 (7695). Sup. tab. 1.

⁶⁰ Алексеев К. А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи. С. 139.

⁶¹ Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 37–38.

⁶² Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии, 2009, № 4 (40). С. 129.

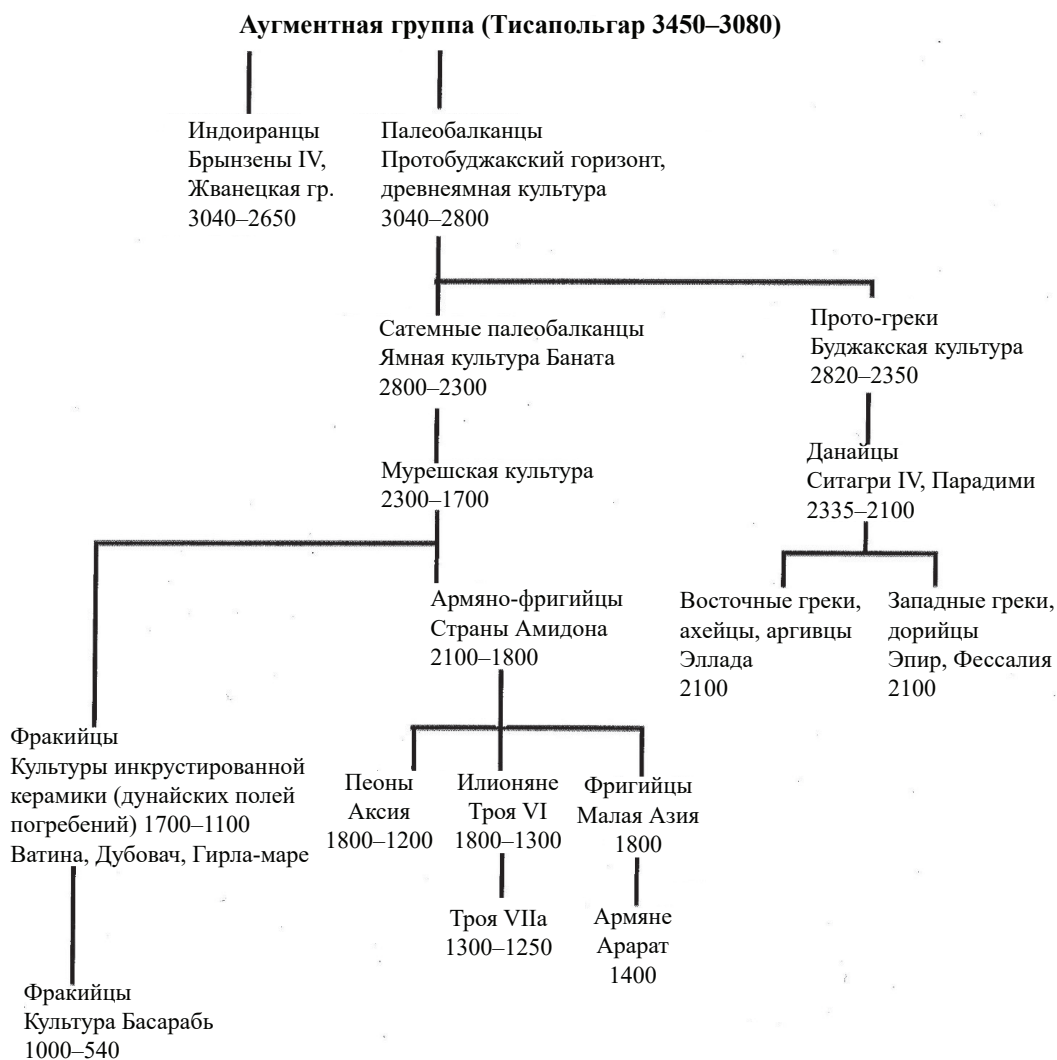

Рис. 1. Ареально-диалектная дивергенция аугментной группы индоевропейской семьи

Литература

1. Алексеев К. А. Ареально-диалектная дивергенция восточной ветви индоевропейской семьи (интегральный обзор) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 3. С. 131–145. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145
2. Алексеев К. А. К вопросу о происхождении индо-иранцев и тохар в свете новейших данных генетики // Genesis: исторические исследования. 2020. № 12. С. 34–43. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34080
3. Археология Украинской ССР: в 3 т. Т. 1. Первобытная археология / отв. ред. Д. Я. Телегин. Киев: Наукова думка, 1985. 568 с.
4. Берчу Д. Даки. Древний народ Карпат и Дуная / пер. с англ. Н. И. Лисовой. М.: Центрполиграф, 2008. 190 с. (Загадки древних цивилизаций).

5. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры: [в 2 ч.]. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. ХСVI+1330 с.
6. Гарашанин М. Балканский полуостров и Юго-Восточная Европа в эпоху неолита // История человечества: в 8 т. Т. 1. Доисторические времена и начала. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 558–570.
7. Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои: историко-филологическое исследование по этнологии древней Анатолии. М.: Наука, 1993. 210 с.
8. Гиндин Л. А. Пространственно-хронологические аспекты индоевропейской проблемы и «карта предполагаемых прародин шести ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 54–65.
9. Горнунг Б. В. К вопросу об образовании индоевропейской языковой общности (Протоиндоевропейские компоненты или иноязычные субстраты?). М.: Наука, 1964. 46 с. (Расширенная редакция доклада на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук).
10. Думас Х. Ранний бронзовый век // История человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 150–155.
11. Дьяконов И. М. О прародине носителей индоевропейских диалектов // Вестник древней истории. 1982. № 3 (161). С. 3–30.
12. Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1968. 180 с.
13. Иванова С. В. Балкано-Карпатский вариант ямной культурно-исторической области // Российская археология. 2014. № 2. С. 5–20.
14. Иванова С. В. История населения Северо-Западного Причерноморья в конце IV–III тыс. до н. э.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Киев, 2013. 28 с.
15. Иванова С. В. Об истоках формирования Буджакской культуры // Старожитності Степового Причорномор'я і Криму: збірник наукових праць. Т. 16. Запоріжжя: Запорізький національний університет, 2012. С. 18–62.
16. Иванова С. В. Причины и характер экспансии скотоводческого населения в Балкано-Карпатский регион в раннем бронзовом веке // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в энеолите и бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2016. С. 59–64.
17. Катиншаров Р., Тасич Н. Юго-Восточная Европа // История Человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э. М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 356–360.
18. Клейн Л. С. Древние миграции и происхождение индоевропейских народов. СПб.: [б. и.], 2007. 226 с.
19. Клейн Л. С. Ямная, буджакская и ДНК // Внешние и внутренние связи степных (скотоводческих) культур Восточной Европы в Энеолите и Бронзовом веке (V–II тыс. до н. э.) / отв. ред. В. А. Алёкшин. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2016. С. 6–13.
20. Козинцев А. Г. О ранних миграциях европеоидов в Сибирь и Центральную Азию (в связи с индоевропейской проблемой) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 4 (40). С. 125–136.
21. Котова Н. С. Ранний энеолит степного Поднепровья и Приазовья. Луганск: СНУ им. В. Даля, 2006. 328 с.

22. Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.: Наука, 1974. 428 с.
23. Николова Л. Ямная культура на Балканах (Динамика структуры погребального обряда и соотношение с другими культурами ранней бронзы) // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 423–458.
24. Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / пер. с нем. Л. Ю. Брауде и В. М. Павлова. М.: Прогресс, 1964. 332 с.
25. Ренфрю К. Индоевропейская проблема и освоение Евразийских степей: вопросы хронологии // *Вестник древней истории*. 2002. № 2 (241). С. 20–31.
26. Сакеллариу М., Думас Х. Средний и поздний бронзовый век // *История человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э.* М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 156–162.
27. Сафронов В. А. Индоевропейские прародинны. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1989. 398 с.
28. Субботин Л. В. Северо-Западное Причерноморье в эпоху ранней и средней бронзы // *Stratum plus*. 2000. № 2. С. 350–387.
29. Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема // *К истокам Руси. Народ и язык*. М.: Алгоритм, 2013. С. 96–120.
30. Тхапар Б. К., Рахман А. Постиндские культуры (1500–700 гг. до н. э.) // *История человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э.* М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 273–287.
31. Черняков И. Т. Буджакская («ямная культура») Северо-Западного Причерноморья и курганные «погребения с охрой» Подунавья в эпоху ранней бронзы // *Sagratika – Карпатика*. Вип. 34: Давня та середньовічна історія Карпато-Дунайського ареалу. Ужгород: Говерла, 2006. С. 20–37.
32. Шапошникова О. Г., Фоменко В. Н., Довженко Н. Д. Ямная культурно-историческая область: (Южнобуг. вариант). Киев: Наукова думка, 1986. 159 с. (Археология СССР. Свод археологических источников).
33. Энеолит СССР / отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. М.: Наука, 1982. 360 с. (Археология СССР).
34. Эчеиди И., Ковач Т. Центральная Европа // *История человечества: в 8 т. Т. 2: III тысячелетие до н. э. – VII век до н. э.* М.: ЮНЕСКО, 2003. С. 361–367.
35. *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017. XII+732 p.
36. Kristiansen K. *Europe Before History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 505 p.
37. The Genomic History of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // *Nature*. 2018. № 555 (7695). P. 197–203. DOI: 10.1038/nature25778
38. Sakellariou M. *Les proto-grecs*. Athen: Athens: Ekdotikè Athenon, 1980. 287 p.

References

1. Alekseev K. A. Areal'no-dialektnaia divergentsiia vostochnoi vetvi indoevropskoi sem'i (integral'nyi obzor) [Areal-Dialect Divergence of the Eastern Branch of the Indo-European Family (Integral Review)] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo obshchestvennogo universiteta. Seriya: Istorii i politicheskie nauki*. 2021. № 3. С. 131–145. DOI: 10.18384/2310-676X-2021-3-131-145. (In Russ.).

2. Alekseev K. A. K voprosu o proiskhozhdenii indo-irantsev i tokhar v svete novei-shikh dannykh genetiki [On the Question of the Origin of the Indo-Iranians and Tocharians in the Light of the Latest Genetic Data] // *Genesis: istoricheskie issledovaniia*. 2020. № 12. S. 34–43. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.12.34080. (In Russ.).
3. Arkheologiiia Ukrainskoi SSR [Archeology of the Ukrainian SSR]: v 3 t. T. 1. Pervobytnaia arkheologiiia / otv. red. D. Ia. Telegin. Kiev: Naukova dumka, 1985. 568 s. (In Russ.).
4. Berchu D. Daki. Drevnii narod Karpat i Dunaia [Dacians. The Ancient People of the Carpathians and the Danube] / per. s angl. N. I. Lisovoi. M.: Tsentrpoligraf, 2008. 190 s. (Zagadki drevnikh tsivilizatsii). (In Russ.).
5. Gamkrelidze T. V., Ivanov V. V. Indoevropeskii iazyk i indoevropetsy: rekonstruktsiia i istoriko-tipologicheskii analiz praiazyka i protokul'tury [Indo-European Language and Indo-Europeans: Reconstruction and Historical and Typological Analysis of Proto-Language and Proto-Culture]: [v 2 ch.]. Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo universiteta, 1984. XCVI+1330 s. (In Russ.).
6. Garashanin M. Balkanskii poluostrov i Iugo-Vostochnaia Evropa v epokhu neolita [The Balkan Peninsula and Southeastern Europe in the Neolithic Era] // *Istoriia chelovechestva: v 8 t. T. 1. Doistoricheskie vremena i nachala*. M.: IuNESKO, 2003. S. 558–570. (In Russ.).
7. Gindin L. A. Naselenie gomerovskoi Troi: istoriko-filologicheskoe issledovanie po etnologii drevnei Anatolii [The Population of Homeric Troy: Historical and Philological Studies on the Ethnology of Ancient Anatolia]. M.: Nauka, 1993. 210 s. (In Russ.).
8. Gindin L. A. Prostranstvenno-khronologicheskie aspekty indoevropeskoi problemy i «karta predpolagaemykh prarodin shesti nostraticheskikh iazykov» V. M. Illich-Svitycha [Spatial and Chronological Aspects of the Indo-European Problem and the “Map of the Supposed Homelands of the Six Nostratic Languages” by V. M. Illich-Svitych] // *Voprosy iazykoznaniiia*. 1992. № 6. S. 54–65. (In Russ.).
9. Gornung B. V. K voprosu ob obrazovanii indoevropeskoi iazykovoi obshchnosti (Protoindoevropeskie komponenty ili inoiazychnye substraty?) [On the Question of the Formation of an Indo-European Linguistic Community (Proto-Indo-European Components or Foreign Language Substrates?).] M.: Nauka, 1964. 46 s. (Rasshirennaia redaktsiia doklada na VII Mezhdunarodnom kongresse antropologicheskikh i etnograficheskikh nauk). (In Russ.).
10. Dumas Kh. Rannii bronzovyi vek [Early Bronze Age] // *Istoriia chelovechestva: v 8 t. T. 2: III tysiacheletie do n. e. – VII vek do n. e.* M.: IuNESKO, 2003. S. 150–155. (In Russ.).
11. D'iakonov I. M. O prarodine nositelei indoevropeskikh dialektov [About the Ancestral Home of Speakers of Indo-European Dialects] // *Vestnik drevnei istorii*. 1982. № 3 (161). S. 3–30. (In Russ.).
12. D'iakonov I. M. Predystoriia armianskogo naroda [The Prehistory of the Armenian People]. Erevan: Izd-vo AN Armianskoi SSR, 1968. 180 s. (In Russ.).
13. Ivanova S. V. Balkano-Karpatskii variant iamnnoi kul'turno-istoricheskoi oblasti [Balkan-Carpathian Variant of the Yamnaya Cultural-Historical Region] // *Rossiiskaia arkheologiiia*. 2014. № 2. S. 5–20. (In Russ.).
14. Ivanova S. V. Istoriia naseleniia Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia v kontse IV–III tys. do n. e. [The History of the Population of the North-Western Black Sea Region

at the End of the 4th–3rd Millennium BC]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Kiev, 2013. 28 s. (In Russ.).

15. Ivanova S. V. Ob istokakh formirovaniia Budzhakskoi kul'tury [About the Origins of the Budjak Culture Formation] // Starozhitnosti Stepovogo Prichernomor'ia i Krimu: zbirnik naukovikh prats'. T. 16. Zaporizhzhia: Zaporiz'kii natsional'nii universitet, 2012. S. 18–62. (In Russ.).

16. Ivanova S. V. Prichiny i kharakter ekspansii skotovodcheskogo naseleniia v Balkano-Karpatiskii region v rannem bronzovom veke [The reasons and nature of the expansion of the pastoral population in the Balkan-Carpathian region in the Early Bronze Age] // Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoi Evropy v eneolite i bronzovom veke (V–II tys. do n. e.). SPb.: Institut istorii material'noi kul'tury RAN, 2016. S. 59–64. (In Russ.).

17. Katinsharov R., Tasich N. Iugo-Vostochnaia Evropa [South-Eastern Europe] // Istoriia Chelovechestva: v 8 t. T. 2: III tysiacheletie do n. e. – VII vek do n. e. M.: IuNESKO, 2003. S. 356–360. (In Russ.).

18. Klein L. S. Drevnie migratsii i proiskhozhdenie indoeuropeiskikh narodov [Ancient Migrations and the Origin of Indo-European Peoples]. SPb.: [b. i.], 2007. 226 s. (In Russ.).

19. Klein L. S. Iamnaia, budzhakskaiia i DNK [Yamnaya, Budzhak and DNA] // Vneshnie i vnutrennie svyazi stepnykh (skotovodcheskikh) kul'tur Vostochnoi Evropy v Eneolite i Bronzovom veke (V–II tys. do n. e.) / otv. red. V. A. Alekshin. SPb.: Institut istorii material'noi kul'tury RAN, 2016. S. 6–13. (In Russ.).

20. Kozintsev A. G. O rannikh migratsiakh evropeoidov v Sibir' i Tsentral'nuiu Aziyu (v svyazi s indoeuropeiskoi problemoi) [On Early Migrations of Caucasoids to Siberia and Central Asia] // Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii. 2009. № 4 (40). S. 125–136. (In Russ.).

21. Kotova N. S. Rannii eneolit stepnogo Podneprov'ia i Priazov'ia [Early Eneolithic of the Steppe Dnieper and Azov]. Lugansk: SNU im. V. Dalia, 2006. 328 s. (In Russ.).

22. Mongait A. L. Arkheologiya Zapadnoi Evropy. Bronzovyi i zheleznyi veka [Archaeology of Western Europe. Bronze and Iron Ages]. M.: Nauka, 1974. 428 s. (In Russ.).

23. Nikolova L. Iamnaia kul'tura na Balkanakh [Yamnaya Culture in the Balkans] (Dinamika struktury pogrebal'nogo obriada i sootnoshenie s drugimi kul'turami rannei bronzy) // Stratum plus. 2000. № 2. S. 423–458. (In Russ.).

24. Portsig V. Chlenenie indoeuropeiskoi iazykovoi oblasti [Division of the Indo-European Language Area] / per. s nem. L. Iu. Braude i V. M. Pavlova. M.: Progress, 1964. 332 s. (In Russ.).

25. Renfrii K. Indoeuropeiskaia problema i osvoenie Evraziiskikh stepei: voprosy khronologii [The Indo-European Problem and the Development of the Eurasian Steppes: Questions of Chronology] // Vestnik drevnei istorii. 2002. № 2 (241). S. 20–31. (In Russ.).

26. Sakellariu M., Dumas Kh. Srednii i pozdnii bronzovyi vek [Middle and Late Bronze Age] // Istoriia chelovechestva: v 8 t. T. 2: III tysiacheletie do n. e. – VII vek do n. e. M.: IuNESKO, 2003. S. 156–162. (In Russ.).

27. Safronov V. A. I Safronov V. A. Indoeuropeiskie prarodiny [Indo-European Ancestral Lands]. Gor'kii: Volgo-Viatskoe kn. izdatel'stvo, 1989. 398 s. (In Russ.).

28. Subbotin L. V. Severo-Zapadnoe Prichernomor'e v epokhu rannei i srednei bronzy [Northwestern Black Sea Region in the Early and Middle Bronze Age] // Stratum plus. 2000. № 2. S. 350–387. (In Russ.).

29. Trubachev O. N. Etnogenez slavian i indoeuropeiskaia problema [Ethnogenesis of the Slavs and the Indo-European Problem] // K istokam Rusi. Narod i iazyk. M.: Algoritm, 2013. S. 96–120. (In Russ.).
30. Tkhapar B. K., Rakhman A. Postindskie kul'tury [Postindian Cultures] (1500–700 gg. do n. e.) // Istoriiia chelovechestva: v 8 t. T. 2: III tysiacheletie do n. e. – VII vek do n. e. M.: IuNESKO, 2003. S. 273–287. (In Russ.).
31. Cherniakov I. T. Budzhakskaya («iamnaia kul'tura») Severo-Zapadnogo Prichernomor'ia i kurgannye «pogrebeniia s okhroi» Podunav'ia v epokhu rannei bronzy [Budzhakskaya (“Yamnaya kultura”) North-Western Black Sea Region and Burial Mounds with Ochre in the Danube Region in the Early Bronze Age] // Carpatika – Karpatika. Vip. 34: Davnia ta seredn'ovichna istoriia Karpato-Dunaiskogo arealu. Uzhgorod: Goverla, 2006. S. 20–37. (In Russ.).
32. Shaposhnikova O. G., Fomenko V. N., Dovzhenko N. D. Iamnaia kul'turno-istoricheskaya oblast': (Iuzhnobug. variant) [Yamnaya cultural and historical region: (Yuzhnobugsky. option)]. Kiev: Naukova dumka, 1986. 159 s. (Arkheologiiia SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov). (In Russ.).
33. Eneolit SSSR [Eneolithic of the USSR] / otv. red. V. M. Masson, N. Ia. Merpert. M.: Nauka, 1982. 360 s. (Arkheologiiia SSSR). (In Russ.).
34. Echedi I., Kovach T. Tsentral'naia Evropa [Central Europe] // Istoriiia chelovechestva: v 8 t. T. 2: III tysiacheletie do n. e. – VII vek do n. e. M.: IuNESKO, 2003. S. 361–367. (In Russ.).
35. Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017. XII+732 p.
36. Kristiansen K. Europe Before History. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 505 p.
37. The Genomic History of Southeastern Europe / I. Mathieson et al. // Nature. 2018. № 555 (7695). P. 197–203. DOI: 10.1038/nature25778
38. Sakellarlou M. Les proto-grecs. Athen: Athens: Ekdotikè Athenon, 1980. 287 p.

УДК 94(37)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.10

Левин Никита Игоревич

Московский педагогический государственный университет

Москва, Россия

e-mail: n.i.levin98@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2346-285X

ВЛАСТЬ КВЕСТОРОВ В ИСПАНСКИХ ПРОВИНЦИЯХ В 82–44 гг. до н. э.

Аннотация. В статье рассматриваются властные полномочия и деятельность квесторов в Испании в период от диктатуры Суллы до убийства Цезаря. Значительное внимание уделено проблеме чекана монеты в связи с фискальными полномочиями квесторов. Автор делает попытку определить место квестуры в системе провинциального управления и ответить на вопрос о правовых основаниях замещения квестором должности наместника провинции.

Ключевые слова: квестор, проквестор, римская Испания, imperium, potestas, пропре-тор, эрарий.

Levin Nikita I.

Moscow Pedagogical State University

Moscow, Russia

e-mail: n.i.levin98@gmail.com; ORCID: 0000-0003-2346-285X

THE POWER OF THE QUAESTORS IN THE SPANISH PROVINCES IN 82–44 B. C.

Abstract. The article examines the powers and activities of the quaestors in Spain during the period from the dictatorship of Sulla to the assassination of Caesar. Considerable attention is paid to the problem of coinage in connection with the fiscal powers of the quaestors. The author makes an attempt to determine the place of the questura in the system of provincial government and answer the question about the legal grounds for the replacement of the post of governor of the province by the quaestor.

Keywords: quaestor, proquaestor, roman Spain, imperium, potestas, propraetor, erarium.

Введение. В период поздней Республики римская гражданская община переживает кризис структуры власти: магистратура как форма управления городом-общиной не могла адекватно решить проблему управления провинциями. Кризисное состояние магистратской власти незамедлительно отразилось на низшей магистратуре — квестуре.

Ход и результаты исследования. Первые попытки решения вопросов провинциального управления были осуществлены Суллой, увеличившим квестуру с восьми до двадцати человек для пополнения Сената и разграничившим центральное и провинциальное управление¹. Его продолжателем стал Цезарь, также увеличивший квестуру в два раза. Их правовая деятельность определила смешанный характер полномочий квестора и незавершенность процесса реорганизации провинциальной магистратуры, которые ярко раскрываются на примере деятельности квестора в испанских провинциях.

Квестура относится к низшей ординарной магистратуре. Квесторы избирались на трибутных комициях, сенат принимал сенатусконсульт для назначения их в провинцию, а затем происходило *sortitio provinciarum* (бросание жребия). Провинции распределялись по жребию и вне жребия². После диктатуры Суллы распределение происходило в декабрьские ноны, чтобы квестор успел отбыть в назначенную провинцию к началу административного года³. Случаи определения провинции *extra sortem* отмечает В. В. Дементьева. При таком обстоятельстве назначение квестора происходило в аппарат наместника без жеребьевки по личной инициативе пропретора⁴. Как правило, пропретор и квестор были связаны клиентскими отношениями или дружбой (*amicitia*) (Cic., *Verr.*, II, I, 15, LXV, 145; *Pro planc.*, II, XI, 38–40), поэтому прямое назначение в провинции становится частым явлением к концу Республики.

Традиционной деятельностью квесторов, зафиксированной нарративом, является финансовая. Известен случай с квестором Бальбом, который во время Гражданской войны Цезаря и Помпея сбежал к царю Мавритании Богуду с деньгами, запасами серебра и золота, взятыми «из государственных поступлений» (Cic. *Ad Fam.*, 10, 32, 1. Перевод В. О. Горенштейна). Ввиду активной разработки на территории Испании рудников и копей, откуда золото и серебро поступали в эрарий, хранение и учет драгоценных металлов было ключевой зоной ответственности квестора. Помимо этого, квестор раскладывал и собирал налоги с подвластных общин, которые делились на стипендиальные и выплачивающие поземельный налог⁵. Испанские общины были обязаны содержать наместника и его административный аппарат, для чего вводился *vestigal praetorium*, и вносили различные «добровольные» подношения

¹ Еремин А. В. Диктатура Суллы (социально-политические и правовые основания сулланского режима): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 16–17.

² Дементьева В. В. Квесторские *provinciae* за пределами Италии // Вестник РГГУ. 2011. № 14. С. 13.

³ Дементьева В. В. *Sortitio provinciarum* квесторов Римской республики // *Scripta antiqua*. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах. Т. 1. М.: Собрание, 2011. С. 236.

⁴ Дементьева В. В. Квесторские *provinciae* за пределами Италии. С. 14.

⁵ Евсеенко Т. П. К вопросу о внутренней организации провинций Римской республики II–I вв. до н. э. // Исседон: Альманах по древней истории и культуре. Т. 2. Екатеринбург: УГУ, 2003. С. 95–96.

наместнику, портовые, дорожные сборы и т. д.⁶ Наконец, общины принимали на постоя римское войско.

Взимание податей и налогов осуществлялось в денежной форме, что ставило перед римскими властями проблему чеканки монет в провинции. Среди римских монет, отчеканенных на территории испанских провинций, есть ряд денариев, чьим эмитентом были квесторы и проквесторы. Зачастую проквестором назначался по истечении административного года квестор или легат. Основой назначения являлся сенатусконсульт или приказ носителя империя⁷. Подобная прерогатива, по мнению современных исследователей, удовлетворяла потребность в управлении провинциями без увеличения количества квесторов, а также была следствием невозможности управлять провинциями напрямую из Рима, поэтому проквестура была необходима для сохранения преемственности магистратур⁸. Не менее важной причиной являлась прерогатива империя наместников Римской Испании, которые продлевали полномочия своей администрации.

Статус эмитентов отчеканенных в 82–81 гг. до н. э. на территории Испании денариев вызывает дискуссию в историографии⁹. На них отмечены имена Гая Анния, который в 82 г. до н. э. был проконсулом Ближней Испании и был послан Суллой для подавления восстания Сертория, и двух квесторов — L. Fabius f. L. Hispaniensis и C. Torquilius. Как считал Р. Броутон, они одновременно служили под командованием проконсула¹⁰. По мнению М. Кроуфорда, назначение двух квесторов при Г. Аннии во время Серторианской войны указывало на управление обеих испанских провинций одним пропретором, что создавало прецедент в провинциальном управлении¹¹. Борха Антела-Бернандес не так давно подверг критике эту точку зрения, предположив, что имена двух квесторов связаны с их сменой во время пропретуры Г. Анния (в связи с окончанием срока исполнения обязанностей), поскольку уже на следующий год происходило ординарное избрание пропреторов для двух провинций, а реальной власти Г. Анний или Серторий над Испанией не имели¹². Смена квесторов могла

⁶ Грушевой А. Г., Никишин В. О. Рим и провинции: проблемы взаимодействия в период поздней Республики // Экономика, право, власть в древнем мире: посвящается памяти В. И. Кузнецова. Серия «Исторические исследования, 122». СПб.: Алетей, 2021. С. 571–572.

⁷ Дементьева В. В. Римский республиканский проквестор: определение понятия // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 4. С. 9–10.

⁸ Pina F. P., Díaz A. F. The Quaestorship in the Roman Republic. Berlin, 2019. P. 126–127; Васильев А. В. Магистратская власть в Риме в республиканскую эпоху: традиции и инновации: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 176.

⁹ 366/1–4 [Электронный ресурс] // Coinage of the Roman Republic Online. URL: <http://numismatics.org/crro/> (дата обращения: 04.01.2022).

¹⁰ Broughton R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 2. 99–31 B. C. New York, 1952. P. 77.

¹¹ Crawford M. Roman Republican Coinage. Vol. 1. Cambridge, 1975. P. 381–386.

¹² Antela-Bernárdez Borja. Los cuestores de C. Annio y el gobierno provincial en Hispania // L'antiquité classique. 2013. № 82. P. 364.

произойти на основании упоминаемого Плутархом закона (Plut. Gracch. 23.2), по которому квестор не был обязан оставаться при наместнике после окончания срока магистратуры, что указывает на добровольный характер проквестуры, основанной на личных отношениях с пропретором.

Денарий 49–48 гг. до н. э. отчеканен проквестором Гнеем Кальпурнием Пизоном. На его аверсе изображен профиль Нумы Помпилия, указаны имя Пизона и его должность, а на реверсе — ростры корабля с именем Помпея Великого¹³. Денарии 46–45 гг. до н. э. содержат легенду «CN MAGN IMP» на аверсе и профиль Гнея Помпея, а на реверсе — надпись «M MINAT SABIN PR Q» и олицетворение г. Кордобы, приветствующего помпейского солдата. Их эмитентом был проквестор Марк Минаций Сабин, который являлся также легатом Помпея¹⁴.

Эти денарии, целью которых было привлечь испанцев на сторону Суллы в период Серторианской войны 82–72 гг. до н. э. и Помпея в ходе гражданской войны 49–45 гг. до н. э., имели пропагандистский характер. Квесторы и проквесторы не обладали самостоятельным правом чекана монеты в мирных условиях, эмитентом выступали проконсулы и пропреторы как носители империя, о чем свидетельствует обширный нумизматический материал¹⁵, поэтому чеканку монеты низшими магистратами следует рассматривать, скорее, как экстраординарную, чем обычную практику.

Тесно связана с финансовой интендантская служба квесторов. Приводя указанный случай с Бальбом, Цицерон пишет, что он не выплатил жалованье солдатам, вместе с которыми сбежал в Мавританию (Cic., Ad Fam., 10, 32, 1). В. В. Дементьева отмечает полномочия квесторов по выплате и учету денежных средств войск¹⁶.

Известно о судебных обязанностях квесторов. Светоний приводит рассказ о Цезаре, который, будучи квестором в Дальней Испании в 68 г. до н. э., по поручению пропретора объезжал общины для решения судебных дел (Suet. Caes. 7). Светоний не указывает на отрасль права, в которой квестор отправлял правосудие. В. А. Васильев отмечает, что уголовная юрисдикция не входила в обязанность квесторов, а специальные уголовные квесторы занимались досудебной практикой (разыскивали преступников и представляли их на суд), в то время как выносить решения по уголовным делам мог только консул или претор¹⁷. В свою очередь, В. В. Дементьева полагает, что юридическая сила квесторов в судебных вопросах приравнивалась к курульным эдилам,

¹³ 446/1 [Электронный ресурс] // Roman Coins Database. URL: <http://davy.potdevin.free.fr/Site/home.html> (дата обращения: 01.11.2021).

¹⁴ 470/1a-d [Электронный ресурс] // Coinage of the Roman Republic Online. URL: <http://numismatics.org/cfro/> (дата обращения: 04.01.2022).

¹⁵ См., например, Мэттингли Г. Монеты Рима: с древнейших времен до падения Западной империи / пер. с англ. А. Пятин. М.: Collector's book, 2010. 573 с.; Crawford M. Op. cit.

¹⁶ Дементьева В. В. Квесторские provinciae за пределами Италии. С. 20.

¹⁷ Васильев А. В. Указ. соч. С. 35; 41.

и они решали экономические дела¹⁸. Это верно отчасти, поскольку в пассаже Кассия Диона Цезарь отправился в латинские колонии для решения вопроса о гражданстве (Cas. Dion., 37, 52). Квестор обладал правом наделения отдельных общин гражданским статусом и дарованием латинского или римского права¹⁹.

Римское государственное устройство в период от диктатуры Суллы до убийства Цезаря претерпело значительные изменения. Если Сулла восстановил власть олигархии, то Цезарь внес в устройство Рима монархические элементы²⁰. Эти изменения не могли не коснуться власти наместника провинции, чьи полномочия при Сулле стали продлеваться на два года для проконсулов и на один год для пропреторов, что привело к увеличению срока полномочий младших магистратов. Все чаще появляются проквесторы, которые замещают пропреторов в провинциях: пример Цицерона, который, будучи наместником Киликии в 50 г. до н. э., «уезжая... поставил квестора Целия во главе провинции» (Cic., Ad Fam., II, 15, 4. Пер. В. О. Горенштейна), указывает подобные противоречивые казусы. Близкий пример для Испании дает эпиграфика: надпись CIL II 3421 содержит указание на замещение квестором пропретора: «---INIUS Q(AESTOR) PRO PR(AETORE) EADEM ---»²¹. Р. Броутон приводит свидетельство исполнения проквестором, чье имя достоверно установить не удастся, обязанностей наместника Дальней Испании²². По мнению В. В. Дементьевой, это было возможно в случае наделения квестора преторским правом (*quaestor cum jure praetorio*)²³. Неясно, каким образом происходило наделение квестора, обладающего *potestas*, полномочиями носителя *imperium*, но, вероятно, его статус правой руки наместника во многом позволял прибегнуть к такому назначению. Цезарь, например, указывает на квесторов в ранге военных командиров (Caes. Bell. Gall. I.52.1; V.24.3), что предполагает у них наличие военной власти. В. А. Васильев считает, что *civitas* наделяла империем только высших магистратов, в то время как *potestas* обладал любой магистрат уже в силу избрания на комициях²⁴. Ф. А. Михайловский придерживается точки зрения, что квесторская *provincia* определялась сферой деятельности магистрата, и *imperium* в качестве власти оставался неделимым, а *provincia* как область деятельности магистрата могла трансформироваться²⁵. Иными

¹⁸ Дементьева В. В. Квесторские *provinciae* за пределами Италии. С. 20.

¹⁹ González Andrés. Julio César: cuestor y pretor en Hispania Ulterior // Historia Digital. 2018. Vol. 18. № 31. P. 160.

²⁰ Моммзен Т. История Рима. Т. 2. От битвы при Пидне до смерти Суллы. СПб.: Наука: Ювента, 1994. С. 325–327; Там же. Т. 3. От смерти Суллы до битвы при Тапсе. С. 397.

²¹ Ariño Borja Díaz. Un *quaestor pro praetore* republicano en Carthago Nova // Journal of Roman Archaeology. 2008. Vol. 21. P. 255.

²² Broughton R. S. Op. cit. P. 488.

²³ Дементьева В. В. Квесторские *provinciae* за пределами Италии. С. 21.

²⁴ Васильев А. В. Указ. соч. С. 52.

²⁵ Михайловский Ф. А. Становление принципата: Республиканские традиции в оформлении императорской власти: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. С. 19.

словами, *provincia* не являлась административно-географическим понятием, а была областью деятельности, которая трансформировалась при необходимости, и дробления империя не происходило. В провинциях, бывших во власти римского народа, единственными носителями власти вообще (включая в форме *potestas*) были только магистраты и промагистраты, поэтому при отсутствии наместника квестор возглавлял провинцию за неимением других претендентов. Это нарушало республиканское устройство общины, но Рим не имел готовых решений по эффективному управлению провинцией. Подобные случаи замещения становятся все более характерным явлением после Суллы, который стремился не допустить увеличения количества высших магистратов. За пределами римской Испании известны другие проквесторы пропреторов, например в 49 г. до н. э. Л. Антоний (провинция Азия), Фавст Корнеллий Сулла и т. д.²⁶

Значение квестора при дворе наместника определялось контролем за фискальной политикой, что позволяло ему сосредоточивать властные полномочия. Назначение на должность пропретора в I в. до н. э. рассматривалось как удачный способ поправить свое финансовое положение (исключение составляет разве что Цицерон)²⁷, поэтому близкая связь с квестором пропретору была необходима. Зачастую после исполнения обязанностей квестора эти магистраты сами избирались пропреторами. Исследователи Ф. Пинья и А. Диас отмечают, что квестор занимал второе место в структуре провинциального управления²⁸. Кассий Дион пишет о назначении бывшего квестора Кассия Лонгина пропретором Дальней Испании (*Cas. Dion.*, 41, 24, 2). Цезарь в 61 г. до н. э. также стал пропретором Дальней Испании (*Plut. Caes.* 11.2), исполнявший до этого в 68 г. до н. э. обязанности квестора. Назначение квесторов наместниками провинции после окончания административного года подчеркивало их место в провинциальной администрации.

Заключение. Итак, институт провинциальной квестуры отличался от квестуры в пределах померия. Если в городе квестор имел только одну зону ответственности — *quaestores aerarii*, *quaestores urbani*, *quaestores parricidii*, *quaestores consulis* и др.²⁹, — то в провинции эти функции объединял провинциальный квестор. В его *provincia* входил контроль за бюджетом провинции, раскладка налогов среди иберийских общин и римских колоний, определение вида взимаемого налога и пр. Для обеспечения податей на территории Испании чеканились монеты, чьим эмитентом выступали квесторы и проквесторы. Как показано выше, самостоятельным правом чекана они не обладали. Заведование фуражом, продовольствием и снабжением войск органично входило в обязанности квестора, который обладал военной властью, выступая в роли

²⁶ Broughton R. S. Op. cit. P. 260–261.

²⁷ Грушевой А. Г., Никишин В. О. Указ. соч. С. 569.

²⁸ Pina F. P., Díaz A. F. Op. cit. P. 126.

²⁹ Дементьева В. В. Терминология нарративной традиции, эпиграфических памятников и монетных легенд при обозначении римской квестуры // Античный мир и археология / под ред. С. Ю. Монахова. Вып. 14. Саратов: Научная книга, 2010. С. 122.

командира. Важной составляющей функционала квестора являлось судопроизводство, осуществляемое по поручению пропретора в области экономических преступлений и вопросов наделения гражданством.

Ключевой особенностью, определяющей место квестуры в системе провинциального управления Римской Испанией, является связь с империем. Она выражалась в возможности замещения квестором наместника на основании сенатусконсульта или приказа пропретора, что давало широкие полномочия, сопоставимые с властью пропретора. Подчеркивало статус квестора то, что он (кроме пропретора) был единственным римским магистратом, присутствовавшим в провинции, что делало его вторым по величине должностным лицом³⁰.

Таким образом, квестор выполнял обязанности, охватывающие основные сферы провинциального управления. Они выходили за рамки его ординарных полномочий, что определяло содержание власти квестора и ее составляющие в Римской Испании в период политической деятельности Суллы и Цезаря, а также его роль в провинциальном аппарате управления наместника.

Литература

1. Васильев А. В. Магистратская власть в Риме в республиканскую эпоху: традиции и инновации: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. 214 с.
2. Грушевой А. Г., Никишин В. О. Рим и провинции: проблемы взаимодействия в период поздней Республики // Экономика, право, власть в древнем мире: посвящается памяти В. И. Кузищина. Серия «Исторические исследования, 122». СПб.: Алетей, 2021. С. 554–604.
3. Дементьева В. В. Sortitio provinciarum квесторов Римской республики // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах / отв. ред. М. Д. Бухарин. Т. 1. М.: Собрание, 2011. С. 236–251.
4. Дементьева В. В. Квесторские provinciae за пределами Италии // Вестник РГГУ. 2011. № 14. С. 11–27.
5. Дементьева В. В. Римский республиканский проквестор: определение понятия // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2014. № 4. С. 5–10.
6. Дементьева В. В. Терминология нарративной традиции, эпиграфических памятников и монетных легенд при обозначении римской квестуры // Античный мир и археология / под ред. С. Ю. Монахова. Вып. 14. Саратов: Научная книга, 2010. С. 122–137.
7. Евсеенко Т. П. К вопросу о внутренней организации провинций Римской республики II–I вв. до н. э. // Исседон: Альманах по древней истории и культуре / под. ред. А. В. Зайкова, Л. А. Закса и В. Т. Звиревича. Т. 2. Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2003. С. 91–103.
8. Еремин А. В. Диктатура Суллы (социально-политические и правовые основания сулланского режима): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 23 с.
9. Михайловский Ф. А. Становление принципата: Республиканские традиции в оформлении императорской власти: автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000. 50 с.

³⁰ Pina F. P., Díaz A. F. Op. cit. P. 164.

10. Мэттингли Г. Монеты Рима: с древнейших времен до падения Западной империи: цены на монеты Римской империи, римские персонификации, классификация степеней сохранности античных монет / пер. с англ. А. Пятин. М.: Collector's book, 2010. 573 с.
11. Antela-Bernárdez Borja. Los cuestores de C. Annio y el gobierno provincial en Hispania // *L'antiquité classique*. 2013. № 82. P. 263–265.
12. Ariño Borja Díaz. Un quaestor pro praetore republicano en Carthago Nova // *Journal of Roman Archaeology*. 2008. Vol. 21. P. 255–263.
13. Broughton R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 2. 99–31 B. C. New York: American Philological Association, 1952. 650 p.
14. Crawford M. Roman Republican Coinage. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 630 p.
15. González Andrés. Julio César: cuestor y pretor en Hispania Ulterior // *Historia Digital*. 2018. Vol. 18. № 31. P. 151–181.
16. Pina F. P., Díaz A. F. The Quaestorship in the Roman Republic. Berlin: CPI books GmbH, Leck, 2019. 385 p.

References

1. Vasil'ev A. V. Magistratskaia vlast' v Rime v respublikanskuiu epokhu: traditsii i innovatsii [Magistracy in Rome in the Republican era: traditions and innovations]: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2014. 214 s. (In Russ.).
2. Grushevoi A. G., Nikishin V. O. Rim i provintsii: problemy vzaimodeistviia v period pozdnei Respubliki [Rome and the Provinces: problems of interaction during the Late Republic] // *Ekonomika, pravo, vlast' v drevnem mire: posviashchaetsia pamiati V. I. Kuzishchina*. Seriya «Istoricheskie issledovaniia, 122». SPb.: Aleteiia, 2021. S. 554–604. (In Russ.).
3. Dement'eva V. V. Sortitio provinciarum kvestorov Rimskoi respubliki [Sortitio provinciarum of the Quaestors of the Roman Republic] // *Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury: al'manakh / otv. red. M. D. Bukharin*. T. 1. M.: Sobranie, 2011. S. 236–251. (In Russ.).
4. Dement'eva V. V. Kvestorskie provinciae za predelami Italii [Quaestor provinciae outside Italy] // *Vestnik RGGU*. 2011. № 14. S. 11–27. (In Russ.).
5. Dement'eva V. V. Rimskii respublikanskii prokvestor: opredelenie poniatii [Roman Republican Proquestor: definition of the concept] // *Vestnik IarGU. Seriya «Gumanitarnye nauki»*. 2014. № 4. S. 5–10.
6. Dement'eva V. V. Terminologiya narrativnoi traditsii, epigraficheskikh pamiatnikov i monetnykh legend pri oboznachenii rimskoi kvestury [Terminology of narrative tradition, epigraphic monuments and coin legends in the designation of the Roman Questura] // *Antichnyi mir i arkheologiya / pod red. S. Iu. Monakhova*. Vyp. 14. Saratov: Nauchnaia kniga, 2010. S. 122–137. (In Russ.).
7. Evseenko T. P. K voprosu o vnutrennei organizatsii provintsii Rimskoi respubliki II–I vv. do n. e. [On the question of the internal organization of the provinces of the Roman Republic of the II–I centuries B. C.] // *Issledon: Al'manakh po drevnei istorii i kul'ture / pod. red. A. V. Zaikova, L. A. Zaksa i V. T. Zvirevicha*. T. 2. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi universitet, 2003. S. 91–103. (In Russ.).
8. Eremin A. V. Diktatura Sully (sotsial'no-politicheskie i pravovye osnovaniia sullanskogo rezhima) [The dictatorship of Sulla (socio-political and legal foundations of the Sullan regime)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2003. 23 s. (In Russ.).

9. Mikhailovskii F. A. Stanovlenie printsipata: Respublikanskii traditsii v oformlenii imperatorskoi vlasti [The formation of the principate: Republican traditions in the design of the imperial power]: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. M., 2000. 50 s. (In Russ.).
10. Mettingli G. Monety Rima: s drevneishikh vremen do padeniia Zapadnoi imperii: tseny na monety Rimskoi imperii, rimskie personifikatsii, klassifikatsiia stepenei sokhranosti antichnykh monet [Coins of Rome: from ancient times to the fall of the Western Empire: prices of coins of the Roman Empire, Roman personifications, classification of degrees of preservation of antique coins] / per. s angl. A. Piatygin. M.: Collector's book, 2010. 573 s. (In Russ.).
11. Antela-Bernárdez Borja. Los cuestores de C. Annio y el gobierno provincial en Hispania // *L'antiquité classique*. 2013. № 82. P. 263–265.
12. Ariño Borja Díaz. Un quaestor pro praetore republicanum in Carthago Nova // *Journal of Roman Archaeology*. 2008. Vol. 21. P. 255–263.
13. Broughton R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. 2. 99–31 B. C. New York: American Philological Association, 1952. 650 p.
14. Crawford M. Roman Republican Coinage. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1975. 630 p.
15. González Andrés. Julio César: cuestor y pretor en Hispania Ulterior // *Historia Digital*. 2018. Vol. 18. № 31. P. 151–181.
16. Pina F. P., Díaz A. F. The Quaestorship in the Roman Republic. Berlin: CPI books GmbH, Leck, 2019. 385 p.

УДК 94(47) 470.3

DOI: 10.25688/20-76-9105.2022.45.1.11

Евтехов Роман Артурович

кандидат исторических наук

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Москва, Россия

e-mail: lib-lab-scan@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0630-7196

РЕЦЕНЗИЯ НА:

**Четырина Н. А. Сергиевский посад —
город с именем Преподобного (конец XVIII – начало XIX в.).
М.: АИРО-XXI, 2020. 392 с. (Серия «АИРО – монография»)**

Evtekhov Roman A.,

Candidate of Historical Sciences

Lomonosov Moscow State University

Moscow, Russia

e-mail: lib-lab-scan@mail.ru; ORCID: 0000-0003-0630-7196

BOOK REVIEW:

**Chetyrina N. A. Sergievsky Posad —
a city with the name of the Reverend (the end of the 18th —
the beginning of the 19th century). M.: AIRO-XXI, 2020. 392 p.
(AIRO – monograph series)**

История организации и развития городского пространства — одна из важнейших проблем гуманитарной науки. Необходимость изысканий в этой сфере продиктована самим стилем нашей жизни, высоким уровнем урбанизации, стремлением большинства наиболее активной молодежи жить в городе. Городские стиль жизни, отношения и культурные

установки сегодня уже вышли за пределы больших и средних городов и транслируются на все остальные территории, где воспринимаются как некий образец для подражания. Совершенно справедливым в этом смысле становится интерес к тому, как и когда это началось, почему и каким образом этот процесс развивался. Учитывая современные проблемы малых городов России, их статус, социально-экономическую роль, а также навеянные конституционными преобразованиями 2020 г. изменения системы местного самоуправления, вопросы изучения малых городов, в том числе в ретроспективе, приобретают особую остроту и актуальность.

Русские города в силу особенностей российских исторических процессов имеют специфику своего зарождения и развития в сравнении, к примеру, с европейскими городами. В этом отношении выявление понятия города, городской среды, городской культуры и их общее преобразующее влияние на человека в каждый конкретный исторический период достаточно сложная задача. Имеются разные точки зрения исследователей на проблему отправной точки: когда сельское поселение вдруг становится городом и чем оно тогда отличается от других поселений? Еще сложнее этот процесс отслеживается при наличии особых факторов, как-то: приграничность или, например, близость крупного религиозного центра (монастыря), что сразу делает исследуемое городское поселение уникальным.

Весь комплекс проблем, сложный процесс зарождения, становления и развития города, усложненный близостью нахождения крупнейшего в России монастыря, был поднят и изучен в монографии «Сергиевский посад — город с именем Преподобного (конец XVIII — начало XIX в.)». Рассматриваемая работа является закономерным продолжением и углублением исследований в данной области, проводимых научным сотрудником Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова Натальей Аркадьевной Четыриной. Монография базируется на исследованиях, на основе которых ею была защищена кандидатская диссертация, издана монография¹, а также целая серия статей и других трудов, уточняющих и раскрывающих отдельные положения темы. Автор не остановился на фактическом описании становления административного статуса посада. Исследование в значительной мере углублено в детали трансформации социального статуса, быта и уклада жизни местного населения их хозяйственных занятий.

Монография построена по проблемно-хронологическому принципу и разделена на пять глав, каждая из которых в рамках определенного временного периода освещает те или иные проблемы. В конце каждой главы представлен список изданий и источников, на которые ссылается автор. С первых страниц очевидна скрупулезная работа автора с источниками, фундаментом которых служат документы, отложившиеся в крупнейших российских архивах

¹ Четырина Н. А. Сергиевский посад в конце XVIII — начале XIX вв. (Посад как тип городского поселения). М.: АИРО-XXI, 2006. 319 с.

(РГАДА, ЦГАМ, РГВИА). При общем анализе материалов, использованных в работе, оговариваются не только информационные возможности документов, но и некоторые тонкости их оформления и использования. Сопоставление разного уровня фактов, добытых из разрозненных источников, позволили уверенно составить фактическую картину бытования города. Подробная историография изучения посадов Российской империи включает не только научные изыскания, но и ценные работы топографического характера, являющиеся современниками рассматриваемых событий. При этом справедливо отмечено, что грань между источниками и историографией периода XVIII–XIX вв. установить очень сложно, при том что ценность использованных трудов сомнению не подлежит.

Глава 1 посвящена анализу историографии и законодательства применительно к понятию посада. Сущностный историографический анализ понятия «посад» как типа поселения привел автора к выводу о двоичности мнений на данный счет: «Одни историки считают эти поселения городскими, другие — поселениями полугородского, переходного типа» (с. 43). Расхождение мнений историков по этому предмету усмотрены в «принадлежности земель, на которых находятся поселения, сословная принадлежность жителей и наличие посадской общины со своей организацией» (с. 43). Работа над этими ключевыми показателями на примере Сергиевского посада проведена красной нитью через весь труд. Далее в соответствии с установленным целеполаганием рассмотрен законодательный блок источников для установления более конкретного понятия посада с точки зрения видения власти. В соответствии с выявленной иерархией городов — «столичные, губернские, уездные, безуездные города и посады» — автором утверждается, что «посад — это городское поселение, не являющееся и не являвшееся ранее административным центром» (с. 48).

Глава 2 посвящена рассмотрению социальных и демографических аспектов. Автором приводятся ценные сведения о численности дворов, сословный и гендерный состав населения Сергиевского посада. Отдельно рассмотрена и охарактеризована каждая категория посадского населения. Например, сообщается о первом появлении цеховых ремесленников в посаде (с. 70), росте их численности и специализациях. Любопытен приведенный состав профессиональных служащих монастыря (с. 77), среди которых такие неожиданные специалисты, как повара и пирожники, изразешники, квасовары, садовники и пр. Указываются ценнейшие сведения о достатке служителей, регламентации их работ и даже праве на отпуск.

Автору удалось выявить начало процесса структурного изменения состава населения, который отнесен к периоду после проведения секуляризации церковных земель 1764 г. Констатируется факт, что формирование городского поселения началось еще до вступления в силу указа Екатерины II от 22 марта 1782 г. о формировании Сергиевского посада. Особого внимания заслуживает проведенное в этом вопросе соотношение источников с разнящимися фактическими данными. Статистика времен имперской России, безусловно, лукава

и часто может выражать лишь тенденцию, поэтому и может (и должна) проверяться только сопоставлением разных источников, что в работе представлено в достаточной мере.

В главе 3 исследуется система и органы самоуправления Сергиевского посада, должностные лица в них участвовавшие, численность, жалование и организация выборов. Интереснейшие данные приведены относительно функций должностных лиц ратуши, в том числе и низших, на которых, как правило, исследователи почти не обращают внимания. Детально оговариваются оклады и возможности получения определенных преференций за службу. Описан внутренний интерьер ратуши и вещно-предметный состав, окружавший чинов самоуправления на службе. Для сохранения имен первых отцов города автором выявлен именной список высших чинов городского самоуправления с 1782 по 1800 г. (с. 89), а также проанализированы социальные характеристики выборных в городском самоуправлении второй половины XVIII в. Предсказуемо, что основная часть выбранных в самоуправление были представителями купечества, но, что интересно, большинство из них не знали грамоты. «Избиратели не считали явным пороком незнание грамоты», что несколько удивляет, учитывая, о каком сословии идет речь.

В работе подробно показаны прямые функции ратуши, категории рассматриваемых дел, интенсивность заседаний, производство дел и бюрократическая работа. Не может не привлекать внимание мало становившаяся ранее предметом изучения деятельность таких учреждений, как сиротский и словесный суды, цеховой ремесленной управы, градской шестигласной думы, нижней расправы. Учитывая характер расположения посада вблизи Троице-Сергиевой лавры, автором не выпущен из внимания уникальный орган — Учрежденный собор лавры, — управлявший делами монастыря, бывший своего рода аналогом системы самоуправления, но в системе церковной организации.

Глава 4 освещает хозяйственную составляющую городской жизни. Согласно представленным данным, Сергиевский посад являлся преимущественно торговым городом. Основу его торгового успеха составил его проходной на пути к Москве характер, а также наличие значительного центра паломничества. Автор скрупулезно восстанавливает данные о видах продаваемого товара: от экзотических чая и кофе до разного рода съестного разнообразия, одежды, бытовых предметах, посуде, строительных материалах и прочее. Описанные примеры кредитных отношений свидетельствуют об уровне сложившихся бытовых рыночных отношений. Уровень сложности местного торгового ремесла подтверждается обнаруженными записями «договоров, заключенных для обучения торговому промыслу» (с. 191).

Особое значение в торговых отношениях, по сведениям автора, отводится ярмаркам, что подтверждается исследованиями истории городов по всей Европейской России, Сибири и Дальнему Востоку. Как и в большинстве торговых городов, особое значение отводится продаже алкоголя. Уже только перечисление

названий питейных домов говорит о разнообразии и важности данной отрасли: «чарошная, выставка, кабак, австерия, трактир, ренсковый погреб, штофная лавка, ведерная, герберг, питейный дом и т. д.» (с. 197). Среди подобных заведений, в частности, описан характер и интерьер гербергов — трактиров особого устройства, свидетельствующих о моде на европейские образцы культурного досуга.

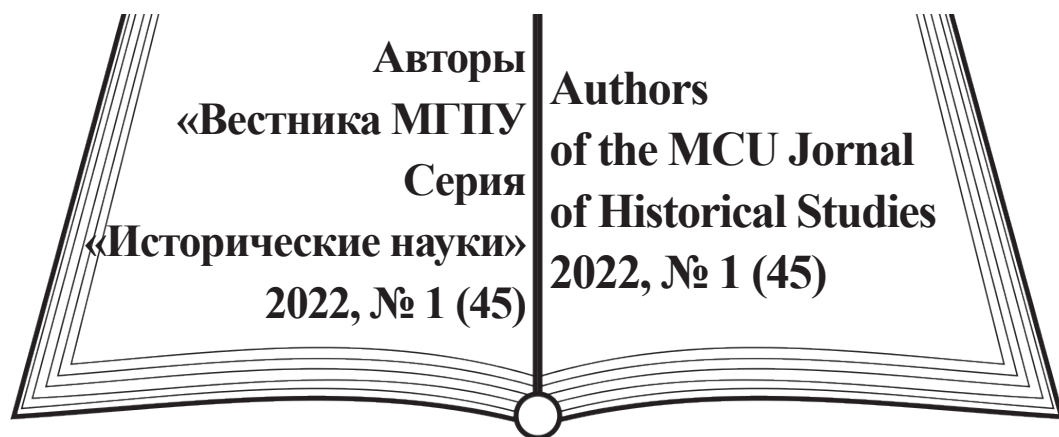
Изученные документы, в том числе сохранившиеся контракты, позволили автору выявить характер и особенности ремесленного производства в посаде. Кроме мастеров традиционных и широко распространенных ремесел в посаде проживали резчики посуды, мастера росписи, художники, зеркальщики и т. д. Проведенным исследованием выявлен местный бренд Сергиевского посада — производство игрушек (скульптур мелкой пластики, используемых для украшения). Как особенность ремесленничества, в Сергиевском посаде в социальном отношении отмечается распространение традиционного для ремесленников ученичества вне социального слоя ремесленников. Другими словами, обучением ремеслу занимались люди, не входившие в сословие цеховиков, а среди самих цеховиков ученичества и вовсе не отмечалось (с. 240).

В главе 5 подняты проблемы бытовой жизни населения Сергиевского посада. Реконструированы отдельные аспекты уклада их жизни, роль православной веры, организация рекрутчины и т. д. Описаны особенности и попытки модернизации архитектурного пространства, окружавшего жителей. При этом автором отстаивается версия, что проекты изменения планировки посада приурочены не к стихийным бедствиям, а являются закономерным этапом развития городского пространства (с. 272). Отдельно рассмотрена система организации общего образования в посаде, описана практика организации обучения и, что важно, доказана непрямая зависимость наличия училищ от статуса городского поселения. На основе широкого круга источников в работе реконструированы элементы повседневной жизни горожан. В частности, описаны варианты организации хозяйственных построек во владениях жителей, некоторые строительные аспекты устройства жилых изб. Относительно внутреннего интерьера домов, описываются варианты принадлежавших семьям святынь в виде икон и книг религиозного содержания, реже встречались книги ученического характера. Перечислены общие предметы домашнего обихода, мебель и виды разного белья. При этом автор сообщает мелкие и очень показательные аспекты быта людей XVIII в., как, например, характер расположения на ночлег и т. д. Большую справочную ценность имеют описанные автором названия, виды, назначение и материал разного рода посуды. Рассмотренные в работе источники, кроме прочего, позволили описать характерные типы одежды. Это и многое другое позволило сделать выводы о проникновении некоторых новаций в быт ранее вполне традиционного сельского населения Сергиевского посада.

Общим итогом исследования, подведенным в заключении, стал ряд вполне объективных и убедительных выводов о новшествах в укладе общественной и

частной жизни населения Сергиевского посада, характерных для города Российской империи XVIII в. Отмечены и специфические особенности посада, которые усмотрены автором во влиянии крупнейшего монастыря фактически на все стороны его жизни.

Безусловной ценностью работы Н. А. Четыриной является насыщенность богатейшим и разнообразнейшим архивным материалом, множественные детали быта русского города, возвращение имен наиболее активных и деятельных жителей посада: купцов, членов самоуправления, ремесленников и т. д. Новизна и острота работы, на наш взгляд, кроме всего прочего выразилась в поиске и обнаружении автором того самого начала, отправной точки города, когда деревня начинает меняться не столько указом власти, сколько естественным образом. Автору удалось нащупать качественные трансформации, которые начали происходить в быту и в какой-то мере в сознании вчерашних деревенских жителей, ставших посадскими людьми. Монография «Сергиевский посад — город с именем Преподобного (конец XVIII — начало XIX в.)» значительно расширяет имеющиеся научные представления об истории города, его бытовой, хозяйственной и общественной жизни и коррелируется с исследованиями историков, сделанными ранее.

**Авторы
«Вестника МГПУ
Серия
«Исторические науки»
2022, № 1 (45)**

**Authors
of the MCU Jornal
of Historical Studies
2022, № 1 (45)**

Алексеев Константин Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук и дизайна, филиал Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина в г. Твери.

Konstantin A. Alekseyev — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and Design, the Kosygin Russian State University (Tver branch).

E-mail: alekseev.k@mail.ru

Безина Елизавета Александровна — аспирант кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Elizaveta A. Bezina — postgraduate student of the Department of National History of the Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: lizagrib@mail.ru

Виноградов Алексей Евгеньевич — кандидат исторических наук, независимый исследователь.

Alexey Ye. Vinogradov — Candidate of Historical Sciences, Independent Researcher.

E-mail: alwynor@mail.ru

Евтехов Роман Артурович — кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и теории политики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Roman A. Yevtekhov — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Department of History and Theory of Politics, Lomonosov Moscow State University.

E-mail: lib-lab-scan@mail.ru

Ершова Тамара Витальевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Tamara V. Yershova — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: ErshovaTV@mgpu.ru

Козловская Галина Ефимовна — доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала Московского городского педагогического университета.

Galina Ye. Kozlovskaya — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of Samara Branch of Moscow City University.

E-mail: KozlovskayaGE@mgpu.ru

Кувшинова Елена Евгеньевна — старший преподаватель кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Elena Ye. Kuvshinova — Senior Lecturer of the Department of Russian History of the Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: Kuvshinovaee@mgpu.ru

Левин Никита Игоревич — ассистент кафедры истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семенова Московского педагогического государственного университета.

Nikita I. Levin — Assistant of the Department of the History of the Ancient World and the Middle Ages named after V. F. Semenov, Moscow Pedagogical State University.

E-mail: n.i.levin98@gmail.com

Малышева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Olga G. Malysheva — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of National History of the Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: MalyshevaOG@mgpu.ru

Могилевский Николай Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всемирной и отечественной истории Московского государственного института международных отношений (университет).

Nikolay A. Mogilevsky — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of World and National History, Moscow State Institute of International Relations (university).

E-mail: n.mogilevskii@inno.mgimo.ru

Николаев Андрей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена.

Andrey B. Nikolayev — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Russian History (XIX–XXI centuries), the Herzen Russian State Pedagogical University.

E-mail: abnikolaev@herzen.spb.ru

Седов Сергей Викторович — аспирант кафедры отечественной истории Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Sergey V. Sedov — postgraduate student of the Department of National History of the Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: SedovSV434@mgpu.ru

Цыкина Юлия Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры этнохудожественного творчества и музыкального образования Казанского государственного института культуры.

Yulia Yu. Tsykina — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Ethnic and Artistic Creativity and Music Education, Kazan State Institute of Culture.

E-mail: Suleimani@mail.ru

Шаповал Виктор Васильевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики преподавания истории, обществознания и права Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Viktor V. Shapoval — Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Methods of Teaching History, Social Studies and Law of the Institute of Humanities, Moscow City University.

E-mail: ShapovalVV@mgpu.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки» принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Оригинальность авторского текста должна составлять не менее 80 %.

Материалы для публикации научной статьи направляются по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически).

Метаданные

Метаданные приводят до основного текста статьи на языке текста статьи и затем повторяют на английском языке.

Перед названием статьи указываются данные в обозначенной последовательности на разных строках без разделения запятыми:

Ф. И. О. автора (авторов)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается название статьи (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (7–10 слов).

Фамилия, имя, отчество на русском языке указываются полностью (Иванов Иван Иванович), на английском языке отчество сокращается до начальной буквы (Ivan I. Ivanov).

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) указывается в верхнем левом углу до Ф. И. О. автора (www.teacode.com/online/udc/).

Разделы научной статьи

Во *введении* должна быть поставлена проблема; обозначена научная новизна и актуальность исследования; представлена историография вопроса и источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования должны соответствовать его целям и задачам. Результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение должно содержать выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Заголовки разделов научной статьи указываются перед текстом раздела научной статьи, отделяются точкой, выделяются полужирным шрифтом.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Не допускается использование цветных рисунков и графиков. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Отдельно предоставляются рисунки в формате jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Список источников / литературы

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние 5 лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

Все упомянутые в тексте статьи авторы должны быть представлены своими работами в списке литературы, а все включенные в список литературы работы — в тексте статьи в виде ссылок.

Ссылки на литературу оформляются в тексте научной статьи в квадратных скобках. Например: [15, с. 140], где первая цифра означает порядковый номер в списке литературы, вторая — номер страницы источника (если это цитата). Ссылки на архивные источники в тексте научной статьи оформляются так же, как и ссылки на литературу (например: [6, л. 11 об.]).

Перечень затекстовых библиографических ссылок (= Список источников / литературы) помещают после основного текста статьи. Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и формируется в алфавитном порядке. При наличии у публикации индекса DOI, он приводится в обязательном порядке.

В Список источников / литературы включаются все архивные дела, на листы которых делаются ссылки. Описание архивного дела начинается с наименования архива. Если дается библиографическое описание второго и последующих дел одного архивохранилища, наименование архива приводится в сокращенном виде.

References (список литературы на английском языке) оформляется в соответствии со стилем APA (apastyle.apa.org). В References необходимо полностью повторить список литературы в русскоязычной части, независимо от наличия в нем иностранной литературы.

В References данные по каждому русскоязычному источнику предоставляются с транслитерацией фамилии автора, в соответствии с оригинальным переводом метаданных статьи на английский язык, с названием журнала, зарегистрированном на английском языке (при наличии). Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, то они приводятся в References.

Также по каждому русскоязычному источнику предоставляется транслитерация наименования источника (www.translit.ru). Режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). После транслитерации русскоязычных источников в скобках указывается (in Russian).

Примеры:

Список литературы

Гроссул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122–139.

Российский государственный архив экономики. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 1114. Л. 80.

References

Grossul V. Ya. (2007). O periodizacii vseмирnoј i otechestvennoј istorii [On the Periodization of World and National History]. *Rossijskaya istoriya* [Russian History], (3), 122–139. (In Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of the Economy] (n. d.). F. R-9538. Op. 16. D. 1114. L. 80. (In Russian).

Низкое качество списка литературы и References (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Исторические науки»

**MCU Journal
of Historical Studies**

2022, № 1 (45)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденеева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

Г. П. Васильева, С. И. Шостко, О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mgpu.ru

Подписано в печать: 12.05.2022.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆, Бумага офсетная.

Объем 9,5 печ. л. Тираж 1000 экз.